

Федеральное агентство по образованию
Алтайский государственный университет

ВОЙНА И МИР В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ

*Сборник научных статей
памяти профессора Е.П. Глушанина*

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2007

**ББК 63.3(0)32.9.4я43
В 582**

Печатается по решению кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета

Редакционная коллегия: доктор исторических наук, профессор Ю.Г. Чернышов (отв. редактор), кандидат исторических наук, доцент А.М. Бетмакаев, кандидат исторических наук, доцент В.В. Серов, С.Н. Исакова (отв. секретарь).

В 582 **Война и мир в истории Европы** : сборник научных статей памяти профессора Е.П. Глушанина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 144 с.
ISBN 978-5-7904-0666-9

Сборник посвящен памяти доктора исторических наук, профессора кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета Евгения Павловича Глушанина (1957–2006), в сферу научных интересов которого входила военная история поздней античности. В сборнике публикуются статьи, посвященные проблемам войны и мира в истории Европы.

Издание предназначено для студентов, аспирантов и преподавателей, специализирующихся по всеобщей истории, международным отношениям и смежным гуманитарным дисциплинам.

На обложке: Война в Дакки, изображение на колонне Траяна, 114 г., Рим

ISBN 978-5-7904-0666-9

© Кафедра всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, 2007

© Издательство Алтайского государственного университета, 2007

Ю.Г. Чернышов **Памяти профессора Е.П. Глушанина**

Этот сборник научных статей по решению кафедры всеобщей истории и международных отношений АлтГУ посвящен памяти доктора исторических наук, профессора кафедры Евгения Павловича Глушанина, безвременно ушедшего 25 мая 2006 г. на 49-м году жизни.

Евгений Павлович родился 2 ноября 1957 г. в г. Анжеро-Судженск Кемеровской области. Он поступил на историко-филологический факультет университета в 1973 г. Уже на первых курсах он проявил склонность к научной работе: активно участвовал в научных кружках, выступал с докладами на конференциях. Кроме того, он постоянно участвовал в стройотрядах, пел в ансамбле «Ваганты». Сокурсники запомнили его как яркую личность, веселого, общительного, эрудированного студента.

Закончив с отличием АлтГУ в 1979 г., он был направлен стажером-исследователем в Ленинградский государственный университет с последующим зачислением в аспирантуру при кафедре истории средних веков ЛГУ. Его научным руководителем был известный специалист по истории Византии профессор Г.Л. Курбатов. Отслужив в 1981–1983 гг. в армии (г. Ейск), Е.П. Глушанин досрочно защитил кандидатскую диссертацию и вернулся в Барнаул. Докторская диссертация была защищена им в Екатеринбургском государственном университете.

С 1984 по 2006 гг. он работал на кафедре всеобщей истории (и международных отношений) АлтГУ. Читал учебные курсы «История древнего мира», «История средних веков», специальные курсы по истории Византии, истории международных отношений, римскому праву и др. Руководил работой аспирантов (защитены две кандидатские диссертации – В.В. Серовым и М.В. Рубцовой). Его занятия отличались академичностью, высокими требованиями к знанию фактов и изучению исторических источников.

Большую роль в его научной биографии сыграла годичная стажировка в Германии. Позднее он также неоднократно проходил стажировки и участвовал в международных конференциях в Гамбурге, Бохуме и др., был руководителем Алтайского регионального отделения Западносибирского центра германских исследований.

Научные публикации Евгения Павловича по истории поздней античности получили известность не только в нашей стране, но и за рубежом. Его основной труд – монография «Военная знать ранней Византии» – был опубликован не только на русском, но и на немецком языках. Статьи Е.П. Глушанина публиковались в таких ведущих научных изданиях, как «Bonner Jahrbucher», «Historia», «Античная древность и средние века», «Античный и средневековый город», «Вестник древней истории», «Византийский временник» и др. Он стал одним из соавторов трехтомного учебного пособия «История Германии». Опубликовал более 60 научных работ, в том числе 2 монографии. Под его редакцией вышли 4 сборника научных статей.

Тяжелая болезнь не позволила Евгению Павловичу осуществить намеченные планы. В расцвете творческих сил ушел из жизни известный ученый, создавший целую научную школу. О признании его научных заслуг говорят, в частности, те отклики, которые поступили на известие о его кончине:

«Византинисты Московского университета знали Евгения Павловича как талантливый и эрудированный специалиста по политической, административной и военной истории Римской империи и ранней Византии. Монографии и учебные пособия Евгения Павловича отличаются высоким научным уровнем, получили признание не только в нашей стране, но и за рубежом. Мы вместе участвовали в работе международных и всероссийских конференций. Мы глубоко скорбим о кончине Евгения Павловича Глушанина и будем хранить память о нем, о его значительном вкладе в развитие исторической науки» (декан исторического факультета МГУ, зав. кафедрой истории средних веков, чл. – корр. РАН, профессор С.П. Карпов);

«Византинисты Москвы приносят глубокие соболезнования семье и коллегам крупного ученого-византиниста, доктора исторических наук профессора Евгения Павловича Глушанина в связи с его безвременной кончиной. Научное сообщество скорбит о Евгении Павловиче – замечательном ученом и человеке. Его труды

и идеи найдут достойное продолжение в работах учеников» (академик РАН Г.Г. Литаврин, чл. – корр. РАН С.П. Карпов);

«Потрясены известием о безвременной кончине видного ученого-византиноведа Евгения Павловича Глушанина. В нашей памяти навсегда сохранятся его беспримерная преданность науке, светлый ум, широчайшая образованность» (друзья, коллеги, наставники и соученики по историческому факультету Санкт-Петербургского университета, византиноведы Санкт-Петербургского института истории Российской Академии Наук и Эрмитажа);

«Мне, как и многим воспитанникам кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского университета, Евгений Павлович был особенно близок. Я дорожил общением с ним на протяжении четверти века. Казалось, еще совсем недавно он был начинающим, но самым ярким умом в блистательном семинаре профессора Г.Л. Курбатова. Казалось, только-только со страниц «Византийского временника» прозвучали слова И.П. Медведева по поводу первой книги Евгения Павловича, что в его лице российская византистика приобрела уникального специалиста, равного которому нет и едва ли будет. Он выезжал на Запад еще в приснопамятные советские времена, куда многим из нас путь был заказан. Как будто только-только перед ним открылся безграничный горизонт, редкостный потенциал его виделся неисчерпаемым. На всех, едва соприкоснувшихся с Евгением Павловичем, он производил неизгладимое впечатление. Наши студенты и аспиранты, услышав одну-единственную, сольную лекцию профессора Глушанина, навсегда стали его поклонниками. Он был великим мастером дискуссии, интеллектуальной полемики, не подавляя и не унижая неискушенные в глубинах византистики умы, давая им возможность роста» (А.Г. Еманов, д.и.н., проф., зав. каф. истории Древнего мира и Средних веков Тюменского государственного университета);

«Мы глубоко чтим Евгения Павловича не только как прекрасного специалиста по европейской истории, но и как обаятельного человека, истинного русского интеллигента. Это невосполнимая потеря для семьи, для друзей и коллег, для исторической науки. В его лице ваша кафедра и вся российская наука потеряли талантливого ученого» (председатель ЗСЦГИ, к.и.н., доцент КемГУ С.А. Васютин, декан факультета истории и меж-

дународных отношений Кемеровского государственного университета Ю.Л. Говоров);

«Весть о смерти Евгения Павловича Глушанина показалась неправдоподобной. Трудно поверить, что она стала трагическим фактом. Потеря воспринимается жестокой нелепостью. Столько мог сделать человек во второй половине своей жизни! Думаю, что в молодом Алтайском государственном университете память о молодом, хочется сказать юном, профессоре, будет долгой и благодарной. В моём представлении он был в нашем университете одним из лучших студентов, затем лучшим выпускником, а вскоре лучшим стажёром и аспирантом Ленинградского государственного университета. Ничуть не состарившись, стал доктором и профессором всеобщей истории, избравшим для себя сложнейшую программу научных исследований в области истории Древнего Рима и Византии. Евгений имел сильный ум и провидческое воображение, обладал качествами завидной трудоспособности, настойчивостью, увлечённостью познанием, явными зачатками способного полиглота. Склоняю голову над могилой талантливого учёного Сибири и страны» (к.п.н., доцент А.В. Шестаков);

«Дорогие коллеги! Коллектив кафедры истории древнего мира и средних веков Исторического факультета Уральского государственного университета глубоко соболезнует по поводу безвременной кончины друга и коллеги Евгения Павловича Глушанина» (декан исторического факультета Д.В. Бугров, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков В.П. Степаненко);

«Потрясён известием о кончине Евгения Павловича. Был свидетелем его быстрого, но многотрудного восхождения к вершинам профессионального мастерства. Уместно сказать, что кафедра, университет, да и наука потеряли человека, который был образцом целеустремлённости и результативности научного поиска, настойчивой требовательности и заботы к ученикам. Помню его как острого и неожиданного собеседника, эрудита и человека разносторонних интересов. Передайте мои соболезнования семье и близким Евгения Павловича» (к.и.н., доцент А.И. Седельников).

Память о Евгении Павловиче, нашем друге и коллеге, будет храниться в наших сердцах.

Список основных публикаций Е.П. Глушанина

Монографии

Военная знать ранней Византии. Барнаул: Алт. книж. изд-во, 1991. 226 с.

Der Militäradel des frühen Byzanz. Barnaul: Verlag «Den», 1991. 262 S.

Сборники статей (ответственный редактор)

Исторические и историографические вопросы международных отношений XX в.: Межвуз. сб. / Под ред. Е.П. Глушанина. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. 152 с.

Исследования по всеобщей истории и международным отношениям: Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. Е.П. Глушанина. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. 208 с.

Византийское государство в IV-XV вв.: Тезисы докл. XV Всерос. науч. сессии византинистов / Под ред. Е.П. Глушанина. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. 96 с.

Системы высшего гуманитарного образования в сравнении. Барнаул, 2002.

Статьи и тезисы

Система набора солдат в ранневизантийской армии IV в. // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л.: Изд-во Лен. гос. ун-та, 1984. С. 3–22.

Пограничная армия Византии IV в. // Византийский временник. 1985. Т. 46. С. 189–204.

Предпосылки реформ Галлиена и их место в процессе трансформации римской армии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький: Изд-во Гор. гос. ун-та, 1985. С. 95–106.

Этнический состав ранневизантийской армии IV в. (варварский вопрос) // Античная древность и средние века. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1985. С. 32–42.

Военные реформы Диоклетиана и Константина Великого // Вестник древней истории. 1987. № 2. С. 54–73.

О некоторых причинах появления антиварварских настроений в общественно-политической мысли Византии IV–V

вв. // Античная древность и средние века. Вып. 17. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1987. С. 14–25.

Еще раз к закону о скирах 409 г. // Античная древность и средние века. Вып. 18. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. С. 51–58.

Позднеримская военная знать и государство раннего домината // Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1988. С. 66–82.

Военно-государственное землевладение в ранней Византии (к вопросу о генезисе фемного строя) // Византийский временник. Т. 50. М.: Наука, 1989. С. 14–26.

Ранневизантийская военная знать 364–395 гг. // Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1989. С. 107–127.

Ранневизантийская военная знать первой половины V в. // Из истории Византии и византиноведения. Л.: Изд-во Лен. гос. ун-та, 1991. С. 20–39.

Военные в восстании Ника // Византия и средневековый Крым. Барнаул: Изд-во «День», 1992. С. 24–37.

Ассессоры в ранневизантийской армии // Античный и средневековый город. Вып. 25. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1994. С. 44–56.

Ранневизантийский военный мятеж и узурпация в IV в. // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений: Сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. С. 24–36.

Представления о легитимности императорской власти в эпоху тетрархий // Исследования по всеобщей истории и международным отношениям: Межвуз. сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. С. 31–60. (В соавторстве с И.В. Корневой).

Раздел Римской империи 364 г. и начало византийского государства // Византийское государство в IV-XV вв. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. С. 4–10.

Позднеримский военный мятеж и узурпация в эпоху первой тетрархии // Античная древность и средние века. Вып. 29. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. С. 3–24.

Позднеримский военный мятеж и узурпация в первой половине IV в. // Вопросы политологии. Вып. 2. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. С. 120–130.

Генезис государственного суверенитета в ранней Византии // Европа. Т. 2. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2002. С. 11–22. (В соавторстве с Е.В. Фарашином).

«Константинопольский» цезарат в V в. // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. С. 15–17.

Византийский цезарат в VI в. // XVI Всероссийская сессия византистов. Москва: ИВИ РАН, 2003. С. 15–17.

Ранневизантийский цезарат // Власть, политика, право в античности и средневековье: Сб. статей. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. С. 14–34.

Юстиниан Великий как военный реформатор // Россия – Крым – Балканы. Диалог культур. Научные дебаты. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2004. С. 50–55.

Алтайский государственный университет – Рур-университет Бохум: опыт сотрудничества // Россия – Германия: диалог культур – взаимопонимание наций. Барнаул: Изд-во АГИИК, 2004. С. 7–10. (В соавторстве с В.Н. Шайдуровым).

Древние германцы; Раннесредневековая Германия (V–XI вв.); Источники к указанным разделам // История Германии: учеб. пособие для студентов вузов. В 3-х т. Кемерово: Изд-во «Кузбассвузиздат», 2005. Т. 1. С. 12–118; Т. 3. С. 5–49.

Идеализация древних германцев в нацистской историографии // Итоги и уроки Великой Победы над фашистской Германией. Материалы межд. научно-практической конференции. Семипалатинск, 2005.

Немцы в России и их вклад в освоение юга Западной Сибири // Aus Sibirien – 2005. Тюмень: Экспресс, 2005. С. 43. (В соавторстве с В.Н. Шайдуровым).

Провинциализация и варваризация в истории римской императорской армии // Власть, политика, идеология в истории Европы: сборник научных статей, посвященный 30-летию кафедры ВИМО АлтГУ. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. С. 37–52.

К проблеме налогообложения в период поздней античности: участие военных в сборе налогов // Античная древность и средние века. Сб. статей. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. С. 37–59. (В соавторстве с В.В. Серовым).

Die Politik Theodosius I. und die Hintergründe des sogenannten Antigermanismus im oströmischen Reich // Historia. Bd.38. 1989. S. 224–249.

Sur le dispositif frontalier en Arménie, le limes et son évolution, sou le Bas-Empire // Historia. Bd. 43. Stuttgart: Steiner, 1995. S. 16–20. (В соавторстве с С. Zuckerman).

Die spätrömische Usurpation: ein Klassifikationsentwurf // Bonner Jahrbucher. Bd. 186. Bonn: Habelt, 1996. S. 191–192.

L'assessorat militaire a la haute Epoque Byzantine // XXe Congrès Internationale des études byzantines. Pré-actes. III. Communications libres. Paris: De Boccard, 2001.

Методические пособия

Учебник латинского языка для юридических факультетов. Барнаул: Изд-во Алт. Акад. экономики и права, 1994. 160 с. (В соавторстве с В.Л. Зиновьевой).

Политическая история древнего мира и средних веков: учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. 58 с. (В соавторстве с В.В. Серовым).

Рецензии

Rec. ad op.: E. Flaig. Den Kaiser herausfordern. B., N.Y., 1992 // Klio. Bd. 78. B.: Akademie-Verlag, 1995. S. 191–192.

Rec. ad op.: Andreas Weileder, Valerius Maximus. Spiegel kaiserlicher Selbstdarstellung. München, 1998 // Klio. Bd. 84. B.: Akademie-Verlag, 2002. S. 233.

М.В. Кацаева

Эволюция этических представлений о роли и специфике войны в библейскую эпоху

Ведение военных действий с древних времен было неотъемлемой частью социальной жизни, поэтому война является средством разрешения противоречий, способом демонстрации превосходства одного государства над другим, а также средством обороны. В настоящей работе мы обсудим специфику войны, моральные основания войны, их эволюцию в древнем Израиле. Первые упоминания о военных действиях относятся к эпохе патриархов – первой половине II тысячелетия до н.э. (Быт 14). Следует отметить, что ведение военных действий продолжалось вплоть до Римского завоевания. Обзор и анализ всех военных событий возможен только в рамках масштабного исследования¹, поэтому целью данной статьи является анализ морально-этических представлений о войне с эпохи, в которую Израиль начал военные действия, до эпохи Ездры – Неемии, времени, когда все концепции военных действий были использованы неоднократно.

Главным отличительным признаком древнееврейской концепции войны является её священный характер (1 Цар 17; 45). Согласно закону ведение войны подчиняется Божественному промыслу (Втор 20), поэтому непосредственными участниками войны были священники, функцией которых являлось вопрошание Божественной воли, воодушевление воинов, усмирение народа. Поскольку война носила священный характер, то и степень милосердного отношения к неприятелю зависела от воли Бога. Так, например, закон запрещает бессмысленные разрушения (Втор 20; 19), как и возможность нападать на отдельные народы (Втор 2; 4, 9, 19; 3 Цар 12; 24). Первые упоминания о военных событиях связаны не с захватом, а защитой своих прямых родственников (Быт 14, 34; 25–31). По сути, эти военные акции связаны с исполнением обетования, данного Аврааму, о том, что его семья будет сохранена и приумножена. Войны периода странствования по пустыне и покорения Ханаана имеют ярко выраженный захватнический характер, в них проявляется жестокость по отношению к противнику. Так, амаликитяне – народ, извечно

¹ Херцог Х, Гишон М. Библейские сражения. М., 2005.

враждующий с израильтянами, подлежащий истреблению. Цари, пожалевшие хотя бы одного человека из представителей данной народности, теряют свою власть (1 Цар 15). Ведение подобного рода войн связано с теократическим принципом, согласно которому израильтяне получали особое повеление Бога исполнять суд над народами (Чис 31; 15). Однако возможность такого суда сохранялась до тех пор, пока израильтяне следовали закону, который дан через Моисея.

Характеризуя самые ранние эпохи древнееврейской государственности, мы должны заметить, что законодательство признает также ведение мирных переговоров (Втор 20; 10–13). Во времена царей большое значение придавалось политике союзов (3 Цар 15; 18–20), но такие союзы, особенно между царями Иудейскими и Израильскими, как правило, не приносили пользы. Согласно законодательству Моисея, народы, переданные Богом в руки израильтян, можно разделить на две части. Первые, существующие вдали от земли Израиля, не подлежат полному разрушению. В отношении подобных народов существует запрет убивать детей и женщин, но убийство мужчин и юношей, способных держать оружие, не подлежит осуждению. Вторая же группа: хеттеи, аморреи, хананеи, ферезеи, иевусеи – подлежат поголовному истреблению, в том числе женщины и дети. Причина немилосердного отношения к перечисленной группе кроется в способности этих народностей отвратить народ Израиля от служения Богу. Специфика теократии в данном случае проявляется в том, что войну ведет не только израильский народ, но Яхве – предводитель небесного и земного воинства (1 Цар 17; 45)².

Характерной особенностью царской эпохи в отношении последствий войны являлось отсутствие радости, сопутствовавшей истреблению неприятеля. Законодательство вводит способы очищения человека, участвовавшего в сражении, также взятого в плен, и утвари, изъятой у неприятеля (Чис 31; 19). Показательной в данном случае является история с Давидом, который, пролив много крови, не решается возводить Храм, передавая эту священную обязанность Соломону (1 Пар 28; 3).

Тема ритуальной чистоты воюющих является одной из важнейших тем военного законодательства. Каждый воин обязан очистить свое тело на третий и седьмой день после сражения,

² Лопухин А.П. Законодательство Моисея. М., 2005. С. 174–175.

поэтому священники в стане были необходимы на всем протяжении войны и после победы над неприятелем. Священной и чистой являлась территория стана, осквернение которой могло привести к божественному наказанию (Втор 23; 9–13). Согласно ближневосточной традиции, нарушением чистоты было сохранение отношений с женщинами, арабы, как известно, избегали близости во время войны. Древнееврейское законодательство настаивает на сохранении супружеских отношений в том случае, если мужчина недавно вступил в супружеские отношения, построил дом и не жил в нем, посадил виноградник и не отведал его плодов. По мнению исследователей, Библия сохраняет свидетельства избегания супружеских отношений. Так, несмотря на посылы Давида, преследовавшего свой низменный интерес, Урия не уходит в дом, к супруге, пока не завершилась битва, в которой он принимал участие³.

В царскую эпоху рождается военное законодательство, охватывавшее три сферы: постановления в отношении завоеванных народов, постановления о разделе добычи, постановления в отношении погибших и их семей. Постановления в отношении пленных, в том числе и в царскую эпоху, имеют жестокий характер, даже в отношении детей и женщин (1 Цар 14, 15). Вопреки законодательству Моисея, избранный народ опустошает земли соперников, вырубая деревья и оскверняя колодцы (Суд 9; 45–57). Важным является постановление о разделе добычи. Давид, сохраняя мир среди народа Израиля, распоряжается делить добытое поровну между теми, кто участвовал в войне, и теми, кто охранял обоз (1 Цар 30). Исследователи древнего законодательства склонны усматривать в этих постановлениях основу для всего военного законодательства в последующие эпохи⁴.

Изменение отношения к войне происходит в эпоху пророков. У Исаяи мы встречаем иное обоснование теократии (Ис 2; 4). Как и ранее Яхве – судья всех народов, но теперь задача народа научиться жить мирно: «и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы» и Яхве будет способствовать этому. Безнравственный, антирелигиозный характер войны утверждается у иудеев около середины VIII в. В книге пророка Захарии ясно указана характеристика праведного царя, которого пошлет Бог.

Праведный царь истребит бранный лук и возвестит народам мир. Каковы причины, побудившие пророков изменить привычное отношение к войне?

Безнравственное поведение народа, многочисленные отступления от закона приводят к переосмыслению роли войны. Народ, не удержавшийся от нарушения закона, должен быть истреблен (Ис 7; 17–24). В книге пророка Иеремии также отмечено, что Вавилонские цари будут, по сути, исполнять суд над иудеями (Иер 21; 7). Подобная перемена в отношении к иудеям в пророческой литературе связана с многочисленными обвинениями иудеев в совершении «злых дел», которые никто не в силах погасить (Иер 21; 12–14), в данном случае речь идет о преступлении против Бога, поклонении статуям.

Таким образом, в Библии мы встречаем два совершенно различных подхода к войне: война – как средство наказания других народов, по причине преследования ими «избранного народа»; и война – как средство возмездия иудеям за многочисленные отступления от закона, данного Богом. Специфика концепции военных действий во многом зависит от характера государственной власти, от личности и поступков правителя, божественного провидения.

³ Benzinger J. Hebräische Archäologie. Leipzig. 1894. S. 306–309.

⁴ Элон М. Еврейское право. СПб., 2002. С. 398–400.

И.Д. Сахурия
**Военная организация и милитаризованность
спартанского государства в оценке Платона**

В политической философии Платона особая роль принадлежит спартанскому государству. Мыслитель подробно и обстоятельно анализирует его структурные элементы, заимствуя некоторые из них для построения своей теории идеального государства. При этом особый интерес вызывает военная организация и связанная с нею милитаризованность этого полиса. При этом, одно и другое явления заслуживают неоднозначной оценки философа.

В целом политическая философия Платона всегда вызывала интерес в науке и на сегодняшний день можно говорить о том, что философия Платона сравнительно хорошо исследована¹. Вместе с тем, обширнейшая литература по этому вопросу породила и целый ряд своего рода прописных истин, которые стали общепринятыми в оценке творчества этого философа. Применительно к спартанской проблематике в трудах Платона можно говорить о следующих стереотипах: Платон – ярый и последовательный противник демократии. Отсюда логически выводится его столь же последовательная симпатия к спартанскому государству, как антиподу демократических Афин. И, исходя из этих проспартанских настроений великого философа, некоторые ученые заложили традицию рассматривать Спарту как прообраз или даже аналог платоновского «идеального государства»². При этом многие характе-

¹ См. например: Stockton D. *The Classical Athenian Democracy*. Oxford, 1991; Tarkiainen T. *Die athenische Demokratie*. Zurich, Stuttgart, 1966; Wender D. *Plato: Misogynist, Paedophile and Feminist* // *Arethusa* 1973. №6. P. 75–90; Асмус В.Ф. Платон. М., 1969; Корнфорт М. *Открытая философия и открытое общество*. М., 1972; Лурье С.Я. *Очерки по истории античной науки*. М.-Л., 1947. Михаленко Ю.П. Платон и современная антитеза либерализма и тоталитаризма: Кроссмен Р., Поппер К., Рассел Б. и др. в окружении корифеев античной политической мудрости. М., 1998; Темнов И.Е. Платон: Философия государства, права, политики // Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1986. С. 5–62; Фролов Э.Д. Платон и тиранья // *Интеллектуальная элита античного мира*. СПб., 1995. С.18–20. Чернышов Ю.Г. К вопросу о «спартанском тоталитаризме» // *Исследования по всеобщей истории и международным отношениям*. Барнаул, 1997. С. 3–15.

² См. например Евдокимов Р.Б. *Должностные лица в идеальном государстве «Платоновых законов»* // Платон и его эпоха / под ред. Ф.Х. Кессиди. М.

ристики данной теоретической модели автоматически переносятся на Спарту. Представляется, однако, что для понимания как политической теории Платона в целом, так и оценки, которую он даёт спартанскому государству, необходимо рассматривать эту теорию, с одной стороны, в контексте всей философии Платона, а с другой – с учётом исторических реалий того периода, когда эта философская система создавалась.

Время жизни Платона, как известно, пришлось на период, когда мир греческих полисов вошёл в полосу кризиса, который во многом стал следствием Пелопоннесской войны. В это время происходят серьёзные изменения как в политической жизни, так и в общественном сознании. Полисная идеология, основу которой составляли дух коллективизма и патриотизм, существенно деформируется. Снижается чувство сопричастности граждан и ответственности за судьбу родного полиса. Вместе с тем, нарастает разочарование во всей полисной системе, в способности полисной государственности, с традиционными для неё принципами и идеалами, решать существующие проблемы. Во многом именно в этот период полис проявил свою несостоятельность, неспособность адекватно реагировать на возникающие проблемы и эффективно их решать, что, в конечном счёте, стало для него началом конца.

Одним из ярких признаков кризиса полисной государственности и идеологии стал поиск альтернативных вариантов выхода из сложившейся ситуации. Общество всё чаще обращается к идее единоличной власти, зреет симпатия к сильной личности, способной в экстремальной ситуации взять на себя ответственность. Важно при этом отметить, что подобные настроения оказались одинаково характерны и для «демократических» Афин, и для «олигархической» Спарты. Показателем степени распространённости подобного взгляда в обществе является, в частности, тот факт, что эти идеи буквально проходят красной нитью через произведения таких, казалось бы, разных по своим политическим взглядам авторов, как Исократ и Ксенофонт. Переоценить подобного рода настроения в высшей степени трудно, так как для классической модели полиса они были не только не характерны, но и неприемлемы.

1979., С. 191–212; Поппер К. *Открытое общество и его враги*. Т.1: Чары Платона / пер. с англ. В.Н. Садовского. М., 1992.

Именно в этой исторической и идейной обстановке возникают произведения Платона. Его политическая теория, таким образом, с одной стороны, во многом являлась реакцией на сложившуюся кризисную ситуацию, а с другой, нельзя не учитывать того, что она глубоко пронизана духом времени. И при анализе как всей философии Платона, так и, прежде всего, его политических концепций, эти два факта важно учитывать.

Необходимо отметить, что одна из трудностей анализа концепции Платона, как и античной политической философии в целом, связана с терминологией. Речь идёт, прежде всего, о том общепринятом мнении, что Платон был убеждённым противником демократии. И хотя в целом данный тезис справедлив, однако, представляется, что он требует существенных уточнений. Понятие «демократия» имеет для Платона совершенно определённое значение, связанное с политическими реалиями современной ему Греции. При этом терминология политической науки новейшего времени не может быть признана вполне адекватной для реалий древнегреческого полиса. Поэтому смысловое содержание современного термина «демократия» и того, которым пользуется Платон, не является идентичным. Говоря о демократии и критикуя её, великий древнегреческий философ имеет в виду, прежде всего, политические реалии афинского государства. В условиях прогрессирующего кризиса полисной системы политический строй Афин подвергся существенной деформации. Демократический (в период своего расцвета) строй выродился в охлократию, далекую от системы времён Клисфена и Перикла («Демократия, на мой взгляд, – пишет Платон, – осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах» (Resp. VIII, 557)). Не удивительно в этой связи негативное отношение философа к демократическому строю. Критика Платона, таким образом, обращена не против абстрактной системы, в основе которой лежит свобода и равенство политических прав народа (как это представляют некоторые исследователи³), а против совершенно определённых и хорошо известных ему политических реалий его родного полиса.

³ Поппер К. Указ. соч. С.141 и др.; Рассел Б. История западной философии: в 3 кн. / пер. с англ. В.В. Целищева. СПб., 2001. С. 137–180.

Наряду с признанием антидемократической направленности политической теории Платона, так же общим местом в историографии стало если и не отождествление платоновской модели идеального государства со Спартой, то, во всяком случае, поиск прямых аналогий между ними. Конечно, это не является полностью бесосновательным, и определённая симпатия Платона к спартанскому государству, безусловно, имела место. Очевидно также, что ряд элементов своего идеального государства философ действительно заимствовал из политической практики этого полиса. И, тем не менее, по целому ряду причин ставить знак равенства между идеальным государством Платона и Спартой представляется неправомерным.

Во-первых, в этом вопросе надо учитывать общий контекст философии Платона, прежде всего, его теорию идей. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что, согласно этой концепции, ни одно явление материального мира не может быть совершенным и является в большей или меньшей степени искажённым воплощением соответствующей идеи. В этой связи отождествлять платоновскую теорию идеального государства со спартанским полисом представляется не корректным.

Конечно, некоторые черты спартанского государства вызывают симпатию великого философа. Пожалуй, можно говорить даже о том, что отдельные элементы были им заимствованы и включены в теорию идеального государства. И, на первый взгляд, таких заимствований очень много. Можно провести аналогию между положением спартиатов, полноправных граждан и стражами в идеальном государстве; спартанской правящей элитой и философами-правителями, стремлением к простому и строгому быту и т. д. Но при ближайшем рассмотрении становится очевидной вся поверхностность прямых отождествлений в данном случае, несмотря на действительно имеющееся внешнее сходство, поскольку названные элементы в платоновской модели государства имеют иное содержание, функции и цели, нежели это было в Спарте.

Надо учитывать и тот факт, что наряду с чисто философской деятельностью для Платона имела значение и практическая. Платон – философ и Платон – практик – далеко не одно и то же. Платон – практик мыслит очень реалистично и трезво. Для построения своего идеального государства он готов воспользоваться тираническими методами, потому что это наиболее простой и эф-

фективный способ. Вообще, интересно, насколько категория эффективности важна для всего мировоззрения Платона. Именно к ней он подспудно апеллирует как в своей философии, так и в практической деятельности. Наиболее ярко это можно увидеть на примере отношения Платона к тиранической власти. В этом вопросе наблюдается выраженный разрыв между негативной теоретической оценкой этого феномена и допущением или даже стремлением использовать тиранию на практике в качестве средства и орудия воплощения в жизнь идеального государства.

Можно сказать, что и в основе теории идеального государства для Платона лежит именно идея эффективности. «Каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь» (Resp. II, 369). Один из основополагающих выводов «Государства» в этой связи заключается в том, что лучше работает тот, кто владеет одним искусством, а не многими (Resp. II, 369). «Лучше работает», значит, по сути, более эффективно при прочих равных условиях. И речь, в конечном счёте, идёт об эффективности функционирования как всего государства в целом, так и каждого из составляющих его элементов. В этом кроется причина жёсткой регламентированности всех сторон жизни в идеальном государстве Платона, регламентированности, из-за которой позднее, уже в XX веке, философа обвинят в том, что он стал первым теоретиком тоталитаризма⁴. Но настоящая причина этого кроется отнюдь не в абстрактном влечении Платона к тоталитарным формам правления.

Платон не мыслил иной формы государственности и иного способа общественного бытия, нежели полис. Но современная ему полисная организация представляла неспособной решать возникшие перед ней проблемы и адекватно ответить на вызовы современности. Теория идеального государства в этой связи ничто иное, как поиск выхода из этой кризисной ситуации, попытка найти действенные механизмы, которые позволили бы полису эффективно решать стоящие перед ним задачи. В высшей степени показательным при этом, что платоновское идеальное государство - это именно полис, со всеми его наиболее характерными

⁴ Поппер К. Указ. соч., Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1999. С. 135 и далее.

признаками и атрибутами (автономией, автаркией, самоуправлением, военной организацией, ограниченной численностью населения и проч.). И задачи, стоящие перед этим государством, тоже вполне традиционны для мира греческих полисов. Вот только методы их решения предлагаются по многим параметрам для полиса не характерные. Платон считает, что государство будет функционировать наиболее эффективно, если каждый в нём будет заниматься своим делом, не претендуя на несвойственную ему деятельность: «Справедливость состоит в том, чтобы каждый имел свое и исполнял тоже свое. Значит, вмешательство ... в чужие дела и переход из одного сословия в другое – величайший вред для государства» (Resp. IV, 34). Логическим следствием этой идеи является мысль о необходимости специализации и профессионализации, прежде всего, в таких сферах деятельности, как военное дело и управление. Но сама идея профессионализации в этих сферах, по сути, абсолютно чужда полисному сознанию, основой которого было отождествление государства и гражданского коллектива. В этом моменте платоновская теория фактически выходит за рамки полиса. Как совершенно справедливо отметил в этой связи К.А. Кузнецов, «эта линия, преодолевая греческое государство-общество ведёт к государству и обществу. И это знак того, что в греческое мышление входит какой-то чуждый элемент»⁵. По иронии судьбы, теория, созданная Платоном, как возможный вариант выхода полисной организации из кризиса, сама по себе стала признаком этого кризиса.

Именно с точки зрения идеи эффективности становится понятно отношение Платона к Спарте. Как очень точно отметил Ю.В. Андреев, своеобразие спартанского государства состоит не в том, что в рамках полисной цивилизации она была носителем какого-то чуждого элемента, а в том, что некоторые особенности полисного строя проявились здесь с особенной силой⁶. Таким образом, можно говорить, что спартанский строй импортировал Платону в той степени, в какой был эффективен. Дру-

⁵ Кузнецов К.А. Платон: Введение в анализ «Государства» и «Законов» // Платон: pro et contra. / под ред. Р.В. Светлого. СПб., 2001. С. 483.

⁶ Андреев Ю.В. Спарта как тип полиса // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1 / под ред. Е.С. Голубцовой, Л.П. Маринович, А.И. Павловской, Э.Д. Фролова. М., 1983. С. 216.

гими словами, Платон вовсе не являлся поклонником всего спартанского вообще, он лишь отдал должное тем сторонам системы этого полиса, которые оказались наиболее подходящими и адекватными для решения отдельных задач, стоящих перед полисной организацией как таковой.

На протяжении долгого времени спартанская фаланга оставалась непобедимой, что, безусловно, являлось следствием существовавшей в государстве военной организации. И Платону, безусловно, импонировал этот элемент в спартанском государственном устройстве – в значительной степени профессионализированная и, в силу этого, очень эффективная военная организация. Именно из этого исходит философ в своей аргументации, обосновывая необходимость существования стражей: «Неужели же стоит только взять щит или другое оружие и запастись военным снаряжением – и сразу станешь способен сражаться, будь то в битве тяжело вооруженных или в какой-либо иной? Никакое орудие только оттого, что оно очутилось в чьих-либо руках, никого не сделает сразу мастером или атлетом и будет бесполезно, если человек не умеет с ним обращаться и недостаточно упражнялся» (Resp. I I, 374).

Но это только с одной стороны. С другой, философ не мог, разумеется, не заметить, что «профессионализация» спартанской армии основывалась совсем не на тех же принципах, которые он положил в основу своей касты стражей в идеальном государстве. Спартанские воины – это не какой-то особый замкнутый слой внутри гражданского коллектива, это собственно гражданский коллектив, существующий на принципах военного лагеря. Таким образом, военная организация, изначально призванная выполнять совершенно определённую и конкретную функцию обороны государства, приобрела здесь совсем другой характер. Военная организация в Спарте стала чем-то гораздо большим, нежели одним из необходимых механизмов, обеспечивающих эффективное существование полисного государства. Военная организация здесь подчинила себе само государство, все сферы жизни общества. Таким образом, платой за эффективность спартанской военной машины стала тотальная милитаризованность. А это, в свою очередь, уже прямо противоречит основному принципу, положенному Платоном в основу его проекта – «заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие» (Resp. IV, 433).

В этом и кроется причина неоднозначности оценок спартанского государства в философии Платона. Если эффективность спартанской военной организации заслуживала одобрение философа, то милитаризованность государства в целом вызывала осуждение. Платон критикует этот аспект спартанского государственного устройства, подчёркивая, что «хороший закон устанавливается не ради войны, а ради мира» (Plato. Leg. I, 628; II, 373).

Вследствие этого, оценивая спартанский строй в целом, Платон характеризует его как тимократию – правление военных, основанное на честолюбии и борьбе за власть. Тимократию он относит к испорченным формам государственного устройства, наряду с демократией и олигархией, подчёркивая, что при ней на первый план выдвигаются личные амбиции, а не общее благо (Resp. VIII, 543, 545).

Интересно в этой связи, что Аристотель в оценке милитаризованности спартанского государства исходит фактически из тех же аргументов, что и Платон: «вся совокупность законов рассчитана только на одну часть добродетели, именно на воинскую доблесть, так как она полезна для приобретения господства. Поэтому они держались, пока вели войны, и стали гибнуть, достигнув гегемонии: они не умели пользоваться досугом и не могли заняться каким-либо другим делом, которое выше военного дела» (Arist. Pol. II, 6, 22). Это тем более показательно, что в своей «Политике» Аристотель делает упор на последовательную критику платоновской теории идеального государства.

Таким образом, Платон в политической философии уделяет большое внимание военной организации Спарты, которая импонирует ему своей высокой эффективностью. И в свою теорию идеального государства великий мыслитель привносит элементы этой системы. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что платоновская идея касты стражей всё-таки в значительной степени отличается от спартанской системы. И если внешне это – аналогичного рода профессионализированная и чётко регламентированная структура, то принципы её комплектования и специфика функционирования значительно отличаются от спартанских. В «идеальном государстве» военная организация является не более чем одной из структур полиса, в то время как в Спарте она фактически совпадает с государством и гражданским коллективом. Такая тотальная милитаризованность привела к тому, что интересы спартанского полиса в итоге оказались полностью

тождественны интересам военной организации и наоборот. А это уже не могло вызвать одобрения Платона, краеугольным камнем всей политической философии которого была идея сбалансированности, требовавшая от каждого (будь то отдельный член общества или государственный институт) заниматься исключительно своим делом для достижения общего блага и не вмешиваться в чужую сферу деятельности. По мнению великого философа, именно соблюдение этого принципа обеспечивало наиболее эффективное функционирование всей государственной системы, а, следовательно, и процветание полиса.

В целом, можно заключить, что Платон очень чётко разграничивает для себя собственно военную систему Спарты и милитаризованность этого государства. Если первое вызывает одобрение мыслителя, то второе подвергается им критике.

В.Н. Козулин **Особенности отношения к войнам** **и «антиимпериализм» Помпея Трога**

Как известно, война была очень распространенным явлением античной истории, и античная общественная мысль не могла обойти её стороной. В античной традиции война оценивалась неоднозначно. С одной стороны, война воспринималась как естественное и важное событие в жизни людей, и значение войн, в связи с этим, зачастую превозносилось. Так, еще Гераклит писал, что война – это «отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других – свободными» (fr. 53: Hippolit., Refut. contra haeres., IX, 9, 4). Огромную роль играла война в римской истории. Можно предположить, что война была нормальным, обыденным состоянием римского общества¹. В подтверждение этих мыслей можно привести цитаты некоторых римских авторов, например, Саллюстия: «...Ведь у римлян есть лишь одно, и притом давнее, основание для войн со всеми племенами, народами, царями – глубоко укоренившееся в них желание владычества и богатства» (Sallust., Hist., IV, 69, 5).

Однако идеями оправдания войн далеко не исчерпывается ни античная в целом, ни даже римская общественная мысль. В античности зарождается и прямо противоположная идея пацифизма². Особенности распространения идеи миротворства и отрицательного отношения к войнам получают в Греции в эпоху эллинизма, а в Риме – в эпоху гражданских войн и кризиса *civitas*. Подобные идеи в античности подпитывались, с одной стороны, представлениями о так называемом золотом веке, в котором царил мир, с другой стороны, представлениями о единстве ойкумены³. Пацифистские идеи можно встретить в комедиях Аристофана, в философских учениях эпохи эллинизма – кинизме и

¹ Harris W. War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C. Oxford, 1979. P. 9–10. – Цит. по: Кашеев В.И. Эллинистический мир и Рим. Война и дипломатия в 220–146 годах до н. э. М., 1993. С. 72, 129.

² См. об этом подробно: Уколова В.И. У истоков пацифизма // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира / отв. ред.: А.О. Чубарьян. М., 1998. С. 8–26.

³ См. там же; cf. Kaerst J. Die antike Idee der Oikumene in ihrer politischen und kulturellen Bedeutung. Akademische Antrittsvorlesung. Leipzig, 1903.

стоицизме и в многочисленных сочинениях, проникнутых духом этих учений.

К такого рода сочинениям относится и труд римского историка Помпея Трога «*Historiae Philippicae*» – первая всеобщая история на латинском языке. Хотя имя этого автора и не упомянуто в указанной статье В. И. Уколовой об истории пацифистских идей в античности, его концепцию вполне можно отнести к этому руслу идей. По крайней мере, у Помпея Трога очевиден так называемый антиимпериалистический момент – явление очень редкое для римской историографии, ведь до сих пор чаще было принято говорить о «римском империализме». Нужно иметь в виду, что понятие «антиимпериализм», равно как и понятие «империализм», весьма условны применительно к античности. Эти явления принято относить к новой и новейшей истории. Но многие исследователи находят, что подобные идеи все-таки имели место и в античности и даже видят истоки империализма как явления именно в античной, точнее, в римской истории⁴.

В настоящей статье предполагается рассмотреть специфику отношения к войнам и «антиимперских» идей в исторической концепции Помпея Трога и выявить мотивацию такого отношения. Для этого, на наш взгляд, следует сперва уяснить общий смысл троговской концепции истории.

Помпей Трог был одним из крупных римских историков эпохи Августа. Предки Помпея Трога, как он сам упоминает в своем сочинении, вели свой род от галльского племени воконтиев, его дед получил права римского гражданства от Гнея Помпея, а отец уже воевал под началом Цезаря, ведал перепиской и делами посольств и был хранителем печати (*Just.*, XLIII, 5, 11).

⁴ По данным отечественного исследователя В.И. Кашеева, термин «римский империализм» был впервые введен в научный обиход в 1914 году американским историком Тенни Франком: Frank T. Roman Imperialism. N.Y., 1914. – см. Кашеев В.И. Указ. соч. С. 50. После этого появляется множество работ, посвященных исследованию «римского империализма»: Homo L. L'Italie primitive et l'imperialisme romain. P., 1925; Carcopino J. Point de vue sur l'imperialisme romain. P., 1934; idem. Les étapes de l'imperialisme romain. P., 1961; Badian E. Roman Imperialism in the Late Republic. 2nd ed. Oxford, 1968; Brant P. A. British and Roman Imperialism // Comparative Studies in Society and History. 1964–65. Vol. 7. P. 267–288; Errington R.M. The Down of Empire: Rome's Rise to World Power. L., 1971; Werner R. Das Problem des Imperialismus und die römische Ostpolitik im zweiten Jahrhundert v. Chr. // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. 1972. Bd. 1.1; Harris W. Op. cit.

Как уже отмечалось, всеобщая история Помпея Трога (*Historiae Philippicae*) в 44 книгах – это первая всеобщая история среди латинских авторов (до этого римская историография занималась главным образом историей Рима). В сочинении Трога освещалась вся мировая история – со времен ассирийского царя Нина до установления Римом мирового господства. Этот труд Помпея Трога, как уже давно было установлено, в значительной степени базировался на греческом оригинале, скорее всего принадлежавшем старшему современнику Трога Тимагену Александрийскому, автору не дошедшего до нас произведения «О царях»⁵. Кроме того, в нем (или же в его греческом первоисточнике) чувствуется заметное влияние таких авторов, подверженных кинико-стоическим влияниям, как Эфор, Феопомп и Посидоний⁶.

Заглавие («Филиппова история») восходило к произведению историка Феопомпа «Филиппика» и должно было указывать на формальное стремление автора трактовать всю историю с македонских позиций – позиций той Македонии, которую создал Филипп II. На самом деле, по содержанию, это произведение в некоторых местах скорее напоминает демосфеновские «филлипики» и в целом может служить одним из ярких примеров антимакедонской историографии. К сожалению, сочинение Помпея Трога не дошло до нас непосредственно. О его содержании мы можем судить в основном по его фрагментарному пересказу (составляющему по объему лишь около 1/5 искомого произведения), который принадлежит перу латинского историка приблизительно III в. н.э. М. Юниана Юстина («Эпитома сочинения Помпея Трога *Historiae Philippicae*»⁷). Юстин попытался,

⁵ См.: Античные писатели. Словарь / пер. с польск. СПб., 1999. С. 294; Любкер Ф. Иллюстрированный словарь античности. М., 2005. С. 877; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 119–120. Автор статьи о Помпее Троге в «*Realenzyklopaedie der klassischen Antike*» (Паули–Виссовы) Э. Шварцц (Schwartz) оспаривал эту версию о Тимагене как о главном источнике Трога – см: Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 120, прим. 1.

⁶ См.: Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 105, 118–120, 121; Зельин К.К. Основные черты исторической концепции Помпея Трога // Вестник древней истории. 1948. № 4. С. 210, 219–220; Trüdinger K. Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie. Basel, 1918. S. 132–133, 144; Lovejoy A.O., Boas G. Primitivism and Related Ideas in Antiquity. Balt., 1935. P. 103–105.

⁷ Русский перевод и комментарии см.: Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога *Historiae Philippicae* // Вестник древней истории. 1954. № 2. С. 203–252; № 3. С. 191–251; № 4. С. 187–239; 1955. № 1. С. 197–243.

выпустив из произведения Трога все, казавшееся нелюбопытным и непоучительным, составить на его основе своего рода *florilegium* (*florum corpusculum*), и с этой-то переработкой, сохранившейся в огромном количестве (около 200 списков) мы вынуждены теперь иметь дело. Правда, кроме нее, до нас дошли еще так называемые «прологи» сочинения Помпея Трога (III в.), представляющие перечень (довольно неравномерный) содержания составляющих его книг.

Нельзя сказать, что произведение Трога было совершенно обделено вниманием исследователей. Еще в конце XIX – начале XX в. в историографии появляется целый ряд исследований на эту тему (А. Гутшмида, Э. Шнейдера, Э. Шварца – автора статьи о Троге в знаменитой немецкой «Реальной энциклопедии классической древности») ⁸. Кроме того, о Помпее Троге многие исследователи упоминали в связи с социально-утопическими идеями его произведения ⁹. Первый полный русский перевод «Эпитомы» Юстина и прологов был осуществлен в середине прошлого века. Одновременно появились исследования этого труда и, в частности, особенностей исторической концепции Помпея Трога ¹⁰. Автор этих исследований К.К. Зельин признавал при этом, что «недостаточно выясненными остаются задачи, которые ставил перед собою автор «*Historiae Philippicae*», главные черты его общей всемирно-исторической концепции, содержание основных историко-философских понятий, которыми он оперирует» ¹¹.

На наш взгляд, историческая концепция Помпея Трога в целом может быть охарактеризована как концепция «политиче-

⁸ Библиографию этих работ см. в книге: Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 120, прим. 1. В этом списке отсутствует еще одна работа того же периода, посвященная источникам Помпея Трога: Enmann A. Untersuchungen über die Quellen des Pompeius Trogus für die griechische und sizilische Geschichte. Derpt, 1880.

⁹ Cf. Riese A. Die Idealisierung der Naturvölker des Nordens in der griechischen und römischen Literatur. Heidelberg, 1875. S. 26–27; Trüdinger K. Op. cit. S. 126–133, 144–145; Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 104–106, 116–121; Lovejoy A.O., Boas G. Op. cit. P. 328–329; Пельман Р. История античного коммунизма и социализма // Общая история европейской культуры. Т. II. СПб., 1910. С. 557, 579.

¹⁰ Зельин К.К. Указ. соч.; он же. Помпей Трог и его произведение *Historiae Philippicae* // Вестник древней истории. 1954. № 2. С. 183–202.

¹¹ Он же. Основные черты... С. 209.

ского примитивизма» ¹². Под примитивизмом (от латинского *primitivum*, первобытный, первоначальный), применительно к истории идей, обычно понимается спектр идей, связанных с превознесением всего первобытного и недовольством пороками цивилизации» ¹³. Примитивизм подразделяется на две формы – «мягкий» и «жесткий». Мягкий примитивизм – это характеристики людей «золотого века» или мифических племен блаженных (например, гипербореев), живущих беззаботной жизнью в идеальных климатических условиях. Такой примитивизм встречается в основном в античной мифологической традиции. «Жесткие» (или «грубые») примитивы, наоборот, превозносились за суровый, но достойный образ жизни, за их самодостаточность и неприхотливость, безразличие к предметам роскоши и всяким удобствам цивилизации. Такой примитивизм был характерен для учений киников и стоиков, и к этому же направлению, безусловно, относится сочинение Помпея Трога. Следует заметить, что многие исследователи считают примитивистские идеи частью социально-утопических идей, иные же, как например, вышеупомянутые А.О. Лавджой и Дж. Боас, полагают «примитивизм» самостоятельным феноменом общественного сознания.

Для понимания всей исторической концепции Помпея Трога очень важными являются два особенно часто встречающихся у него термина – *origines* и *imperiū*. Для выяснения их значения в «*Historiae Philippicae*» уже много сделал отечественный исследователь К.К. Зельин. Под термином *origines* в латинских сочинениях, и в том числе у Помпея Трога, обычно рассматривались «начала» истории любого народа (природно-климатические условия, география, этнический состав, происхождение названия страны, мифы о ее древнейшей истории, образ жизни народа и т.п.). Разработка этой первоначальной культурной истории народов принадлежит еще знаменитым стоикам Панэтию и Посидонию, последний из которых, видимо, сильно повлиял на произведение Трога или, во всяком случае, на его источники ¹⁴.

¹² См.: Козулин В.Н. Особенности концепции примитивизма у Помпея Трога // Античное общество IV: власть и собственность в античности / под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2001. С. 250–256.

¹³ Boas G. Primitivism // Dictionary of the History of Ideas. Studies of Selected Pivotal Ideas / Ed. Ph.P. Wiener. Vol. I–IV. N.Y., 1973. Vol. III. P. 577–578; Lovejoy A.O., Boas G. Op. cit. P. 7.

¹⁴ См. прим. 6.

В концепции Трога под термином *origines* понимаются «первоначальные патриархальные нравы, ...противопологаемые позднему господству роскоши и наживы (*luxuria* и *avaritia*)»¹⁵. В состоянии *origines* все народы изображаются исключительно положительными чертами. Так, например, для македонских *origines*, согласно Помпею Трогу, была характерна доблесть царей и трудолюбие народа (*gentis industria*). Но затем возникают начатки развития (*incrementa*), и постепенно Македония достигает своей мощи, теряя первобытные добродетели (VII, 1, 2). Таким образом, даже «начатки развития» противопоставляются понятию *origines*, что свидетельствует об отчетливо выраженном примитивизме и антипрогрессизме Трога. *Incrementa* еще означают и «усиление» народа, которое обычно связывается с началом пагубных для нравов *войн с соседями* (*bella finitima*, *bella cum finitimis*).

Итак, важным критерием определения рубежа перехода от *origines* к *imperium* для Помпея Трога являются так называемые «войны с соседями». Таким образом, это еще одно ключевое понятие в его исторической концепции. Перейдем же как раз к нашему главному вопросу об отношении к войнам и связанном с ним антиимпериализме концепции Трога. Войны подразделяются автором на две категории. Первая – это *bella longinqua* (т. е. войны с отдаленными народами), которые ведутся не для создания державы (*imperium*), а для стяжания славы своему народу, как это делали, по мнению автора, его излюбленные скифы (cf. II, 2). Вторая категория войн – уже упомянутые *bella finitima* или *cum finitimis* (войны с соседями). Эти войны, направленные на расширение собственной территории, предпринимаются с целью увеличения державы, создания империи (cf. I, 1, 5 ff.; VIII, 3, 6; 6, 3 f.; XIII, 6, 18 f.; XV, 2, 17; XX, 1, 4; XXII, 3, 1; XXIII, 1, 14; XXIV, 4, 5; XXXV, 1, 1; XXXVIII, 10, 1; XLII, 1, 1; XLIII, 3, 2).

По мнению К.К. Зельина, именно эта часть концепции Трога – о войнах с соседями – не может быть отнесена «к единичному или случайному заимствованию у того или иного автора, но должна рассматриваться как часть общей исторической концепции Помпея Трога»¹⁶. Помимо изменения характера войн и

¹⁵ Зельин К.К. Основные черты... С. 220.

¹⁶ Там же. С. 213.

создания огромной завоевательной державы установление империи сопровождается, по мнению Трога, падением нравов. Эта последняя теория была чрезвычайно популярна в современной Трогу римской традиции, и его оригинальность здесь заключается разве что в более резко выраженном «антиимпериалистическом» моменте.

Теперь рассмотрим собственно вопрос об антиимпериализме Помпея Трога, точнее, о том, что он вкладывает в понятие *imperium*, и насколько эти идеи (связанные с осуждением *imperium*) можно соотнести с «антиимпериалистическими». Слово *imperium* в применении к мировым монархиям у Помпея Трога означает не только «державу», для него это особая и особым образом формирующаяся система власти, которой автор дает явно негативную оценку. Не раз на протяжении труда *imperium* противопоставляется свободе (*libertas*) (cf. VIII, 1, 3; XI, 10, 13; XXXI, 4, 6 f.). Период установления «империи» характеризуется проявлением у ищущих его правителей грубого произвола, низменных побуждений (*libido*) и стремления к захватам соседних территорий. Последний признак – войны с соседями, как уже говорилось, является для Помпея Трога главным отличительным критерием империи.

Первым правителем, домогавшимся империи, в истории Помпея Трога является ассирийский царь Нин, вопреки древнему обычаю (*mos*) возымевший жажду новой власти (*novi imperii cupidus*) и начавший войны с соседями (I, 2). Как следствие этого при Нине и его преемниках происходит нравственное перерождение общества: вместо древней добродетели (*virtus*) в мотивах правителей появляются низменные побуждения (*libido*), на смену прежней умеренности (*moderatio*) приходит высокомерие (*superbia*), жестокость (*crudelitas*), а также стремление к роскоши (*luxuria*) и изнеженность (*effeminatio*) (I, 2 ff.). К слову сказать, Помпей Трог проявляет негативное отношение ко всем владыкам империй – к персидскому царю Ксерксу, «ужасу народов» (III, 11; II, 10) и даже в известный период к афинянам, жаждавшим установить свою державу (*inmoderati imperii* – I, 1, 6), и уж, конечно, к создателям Македонской империи – Филиппу II и Александру.

Применительно к этой главной в труде Помпея Трога империи его «антиимпериалистическая» теория получает наиболее яркое выражение. Филипп II, заложивший, по мнению историка, основы мирового могущества Македонии (IX, 8, 21), характери-

зуется иногда напрямую как разбойник и преступник (*latro et scelus*): в разбое, грабеже и порабощении заключается его политика (VIII, 3, 1; 13–15). Ему присущи такие черты, как коварство (*perfidia*), хитрость (*dolus*), жестокость (*crudelitas*) и лицемерие (*simulatio*); в своей деятельности он руководствуется *libido* – низменными побуждениями (VIII, 5, 7). В отношении Александра тон несколько менее резок, но из рассказа о нем в общем трудно составить благоприятную оценку его личности. После наложения «ярма рабства» (*jugum servitutis*) на всю Азию непомерно возрастает надменность и гордость (*insolentia tumor* – XI, 11, 12), он превозносит себя до небес (XII, 6, 2); в его характере, так же, как и в случае с его отцом, Помпей Трог отмечает коварство, двоедушие (cf. XII, 3,1) и высокомерие (*superbia*). Ужас перед его именем охватывает даже отдаленные народы (XII, 13, 2), ему взбрело в голову воевать даже против совершенно безобидного племени – скифов (XII, 1, 5).

Характерно, что в истории Македонии Помпея Трога не только Филипп и Александр и их политика удостаиваются негативных характеристик, но, как отмечал еще К. К. Зельин, «поражает определенный, целостный характер всей истории возвышения Македонии... Отношение Трога к процессу возникновения величайшей мировой державы, к способам ее созидания и сплочения представляется ясным: это - отношение отрицательное»¹⁷.

Наконец, Помпей Трог является и определенным выразителем антиримских настроений – весьма уникальным в римской историографии. Некоторые исследователи в связи с этим предполагали пропарфянскую тенденцию у Трога или, скорее, у его главного греческого источника¹⁸. Но К.К. Зельин в ответ на это доказывал, что парфяне и их правители характеризуются Трогом в столь же жестких красках, что и другие создатели империй, а именно, такими традиционными в его труде характеристиками, как высокомерие, жестокость, коварство¹⁹. Собственно история

¹⁷ Там же. С. 215.

¹⁸ Ср.: Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 118–120; сам М.И. Ростовцев, в общем поддерживая наличие этой тенденции, склонялся к мнению о существовании нескольких «слоев» в сочинении Трога – 1) традиции, дружественной Александру, 2) антимакедонской традиции позднейших историков Александра, 3) тенденции, «восходящей к историкам Митридата» (идеализирующей этого царя). См.: Там же. С. 119.

¹⁹ Зельин К.К. Основные черты... С. 217–218.

создания римской державы почему-то выпадает из рамок «*Historiae Philippicae*»: автор успевает только рассказать в своей XLIII книге о начатках Римской империи (*initia imperii Romani*), причем и здесь в числе главных моментов упоминается имеющее столь важное значение в теории Трога насильственное подчинение Римом соседних народов. (XLIII, 3, 2).

Представление об оценке Трогом римлян и их деятельности в период создания империи можно составить из содержания других глав его сочинения. Особенно показательны в данном случае цитируемые Трогом речи противников Рима – Митридата и Деметрия (правителя Иллирии), в которых звучат вполне убедительные и нигде не опровергнутые выпады против Рима. Как это было принято у многих древних авторов, Помпей Трог, скорее всего, вложил в уста этих героев определенную долю своих собственных мыслей, по разным причинам не желая высказывать их непосредственно от своего имени. В речи Деметрия (XXIX, 2, 1 f.) римляне резко порицаются за несправедливость (*injuria*), агрессивность и жажду господства над всем миром. В этой речи также звучит чисто троговский, как мы уже говорили, мотив войн с соседями, что доказывает личную причастность Трога к ее содержанию. Речь Митридата еще более резка по отношению к римлянам; это настоящий памфлет против них с резким выражением национальной нетерпимости и оскорблений. Римляне называются племенем пастухов и бродяг, пришельцев отовсюду (*colluvies convenagum*), рабов этрусков; родоначальники римлян были вскормлены волчицей, и потому у них волчья душа, ненасытная жажда крови, власти и богатства (XXVIII, 2–7). Вот некоторые наиболее яркие характеристики римлян.

Но если речь Митридата направлена против римлян как народа (с очевидной целью воодушевить на борьбу с ними как можно больше людей), то Помпей Трог, по всей видимости, думает солидарно с Митридатом лишь в отношении римлян-завоевателей. Так, Трог неоднократно отмечает, что римляне становились хуже по мере завоеваний. На первых ступенях они еще «легко раздавали дары из чужого добра» (XXXVI, 3, 9). Также следует отметить, что Помпей Трог, словно перефразируя знаменитый тезис Горация о том, что «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила» (*Epist.*, II, 1, 156), говорит, что «Азия, покоренная римлянами, отправила в Рим со своими богатствами также и свои пороки» (XXXVI, 4, 12). Что же касается

древнейшей истории римлян, то о ней историк говорит совсем в иных тонах, упоминая о справедливом царе первых жителей Италии Сатурне, при котором «никто никому не был рабом, и никто не имел никакой частной собственности, но все было общим и неразделенным, как будто бы все владели сообща одним общим наследием» (XLII, 1, 3). В этом изложении мифа о Сатурновом царстве прослеживаются социально-утопические черты в духе Стои, которая, как уже неоднократно указывалось, немало повлияла на произведение Трога.

Таким образом, для Помпея Трога совершенно неприемлемы государства-*imperia*, он осуждает захватнические войны с соседями, совершенно не разделяя популярную в римской историографии формулу *bellum justum* (справедливой войны) применительно к Риму. Идеалом для автора являются народы, живущие в состоянии *origines* или близком к нему и не стремящиеся к *imperium*. Хотя мы и не можем с точностью установить, насколько самостоятельной была эта его концепция, все же некоторые наблюдения убеждают нас в достаточной осознанности, а не простом плагиате высказываемых им идей. Об оригинальности концепции Помпея Трога именно в части отношения к войнам и антиимпериализма говорит очень индивидуальное употребление им некоторых понятий (в особенности, понятий *bella longinqua* и *bella finitima*), а также тот факт, что историку, имеющему дело с древней, притом большей частью эллинистической, историей, каким является Помпей Трог, трудно было непосредственно самому удержаться от осуждения безнравственной и жестокой цивилизации с ее многочисленными войнами и *imperia*.

Итак, мы выяснили, что для Помпея Трога было характерно специфическое отношение к войнам. Главным оригинальным моментом его концепции войн является их классификация на *bella longinqua* и *bella finitima*. Навряд ли можно назвать взгляды Трога пацифистскими в полном смысле этого слова. Он ведь осуждает не войны вообще, а только лишь захватнические, завоевательные войны с соседями. Такую позицию историка можно охарактеризовать, скорее, как антиимпериализм, подразумевающий в данном конкретном случае осуждение захватнических войн и государств, стремящихся к захватам и созданию империй. «Антиимпериализм» Трога представляет собой достаточно уникальный феномен римской историографии, заслуживающий

определенного интереса в свете изучения античной общественной мысли.

Эти взгляды Помпея Трога были обусловлены, главным образом, его социально-утопическими и примитивистскими убеждениями, возникшими под влиянием очень распространенных в те времена кинико-стоических учений. Трудно переоценить влияние этих учений и связанных с ними социально-утопических идей на античную общественную мысль, начиная с эпохи эллинизма и вплоть до поздней античности. Ведь именно эти учения и идеи во многом изменили античное сознание и подготовили путь к утверждению христианства. Антиимпериалистические моменты в сочинении римского историка Помпея Трога, безусловно, являются одним из примеров удивительных метаморфоз, произошедших с сознанием римского гражданина благодаря изменившимся историческим условиям и прекрасно отражавшим их эллинистическим учениям и социально-утопическим идеям.

П.В. Рубцов
Представления о легитимности
императорской власти в IV в.

В новейшей историографии проблематика легитимности позднеримской императорской власти затрагивается достаточно часто¹, хотя комплексного исследования этого вопроса до сих пор не создано. В полной мере остаются справедливыми слова Е.П. Глушанина, что к понятию «легитимность» прибегают при «формулировке выводов (как основных, так и концептуально значимых ремарок) в случаях, необходимо диктуемых современной исторической и политической семиологией»². Такое положение обусловлено не только поиском модели легитимности, применимой к античности³, но и спецификой античной политической мысли, в которой подобные вопросы не имели четко оформленного терминологического и концептуального оформления⁴. Как отмечает А. Пабст, «перед задачей отличить «легитимных» imperatores от latrones, hostes, rebelles капитулировала не только современность, но и античность, и некоторые исследователи были вынуждены вообще отказать римлянам в понятии «легитимность»»⁵. Отсутствие четких правовых рамок и правового описания императорской власти (как в период Ранней Им-

¹ Обзор точек зрения см.: Глушанин Е.П., Корнева И.В. Представления о легитимности императорской власти в эпоху тетрархий // Исследования по всеобщей истории и международным отношениям. Барнаул, 1997. С. 31–38; из более поздних исследований по интересующему нас периоду см., напр.: Usurpationen in der Spätantike. Stuttgart, 1997; Kolb F. Herrscherideologie in der Spätantike. B., 2001. S. 91 ff.; Errington R.M. Roman Imperial Policy from Julian to Theodosius. Chapel Hill, 2006. Ch. II.

² Глушанин Е.П., Корнева И.В. Указ. соч. С. 32.

³ Ср.: Дементьева В.В. «Харизматическое господство»: концепция Макса Вебера в современной романистике // Tabularium. Труды по антиковедению и медиевистике. Т. 2. М., 2004. С. 101–118.

⁴ Ср.: Finley M.I. Authority and Legitimacy in the Classical City-State. København, 1982. P. 12f.: «великие теоретики античности не чувствовали никакой надобности биться над проблемой легитимности».

⁵ Pabst A. Das Imperium Romanum im 4. Jh. im Spiegel der Orationes des Q. Aurelius Symmachus // Quintus Aurelius Symmachus. Reden / Hrgb., übers. und erläutert von A. Pabst. Darmstadt, 1989. S. 172; Cp. Wardman A.E. Usurpers and Internal Conflicts in the 4th Century A.D. // Historia. 33. 2. 1984. P. 225.

перии, так и в поздней античности)⁶, одновременное существование противоположных, с современной точки зрения, взглядов на властепреемство⁷, приводят к тому, что в историографии бытуют кардинально различающиеся выводы относительно природы и, соответственно, легитимности поздней императорской власти. Так, например, одни исследователи отрицают чисто династический фактор в передаче власти⁸, а другие, напротив, считают его преобладающим⁹. Но вряд ли противоречия, встречающиеся в источниках¹⁰, можно объяснить только исходя из современного понимания легитимности, без обращения к вопросу о том, что в позднеантичном обществе являлось определенным эквивалентом данному понятию. То есть, где именно мы должны искать указания на легитимность?

Термин «легитимность» не имеет своего полного античного соответствия¹¹. Тем не менее, нельзя отрицать рефлексии относительно легитимности в поздней античности. Во-первых, на терминологическом уровне. Когда в конце IV в. Аммиан говорил о *legitimus princeps*, он не просто указывал на образ действий императора, власть которого может быть описана и понятием *iustum imperium*¹² – к таким случаям можно отнести определение Аммианом «законного» принцепса как «защитника и охранителя честных людей» (...*legitimi principis propugnatoris bonorum et defensoris* – XIX. 12. 17; cp. Them. Or. VII. 100 c). В ряде упоминаний этот термин тесно связан с процедурой получения и

⁶ Ср.: Martin J. Das Kaisertum in der Spätantike // Usurpationen... S. 47.

⁷ См.: Рубцов П.В. К вопросу о династизме императорской власти в политической идеологии IV в. // Власть, политика и идеология в истории Европы. Барнаул, 2005. С. 70–79.

⁸ Flaig E. Für eine Konzeptionalisierung der Usurpation im Spätromischen Reich // Usurpationen... S. 33.

⁹ Errington R.M. Op. cit. P. 13–42.

¹⁰ Ср. замечание относительно панегириков: In Praise of Later Roman Emperors: the Panegyrici Latini / Introduction, Translation and Historical Commentary by C.E. V. Nixon and B.S. Rodgers. Berkeley, Los Angeles, Oxford. 1994. P. 23.

¹¹ Ср. Глушанин Е.П., Корнева И.В. Указ. соч. С. 37. Прим. 22.

¹² Именно в такой связке эти два термина употреблялись предшествующими авторами: Liv.I. 48.9 – *iustum ac legitimum regnum* (сказано Ливием о римских царях; ср. высказывания относительно этого же периода у Саллюстия (Sallust. Cat. 6.6 – *imperium legitimum*) и в IV в. у Либания (Lib. Or. XII. 8 – *ἔννομος ἀρχή*); Cic. De off.:...*utilitatis causa iuste et legitime imperanti*).

оформления власти императора (дискуссия после смерти Юлиана – XXV. 5. 3; Валент – XXVI. 4. 3; Валентиниан II – XXX. 10. 5). Последний вариант наиболее интересен и обращает на себя наибольшее внимание исследователей¹³, поскольку Валентиниан II фактически мог получить определение «законный» лишь после его признания правящими августами – Грацианом и Валентом¹⁴, и Аммиан явно рассматривает его как такового ретроспективно. Но при этом замечание, что Валентиниан, *imperator legitime declaratus*, был провозглашен августом «по заведенному обычаю» (*more sollemni*), указывает на укорененность необходимости легитимационной процедуры в сознании позднеримского общества.

Еще один вариант употребления *princeps legitimus* в произведении Аммиана – противопоставление узурпатора Прокопия законным императорам (XXVI. 9. 10; XXVII. 5. 1), что не может не напомнить о терминологическом «эксперименте» позднеантичной эпохи: превращении *tyrannus* в обозначение узурпатора, незаконного и (как традиционная коннотация) беззаконного претендента на императорскую власть, потерпевшего поражение¹⁵. Так, Юлиан в панегирике Констанцию II говорил, что Константин низвергал тирании, а не законные царства (*Iul. Or. I. 8 A – τυραννίδας γάρ, ἀλλ' οὐ βασιλείας ἐννόμους καθαιρῶν*). Именно в официальной терминологии подобное противопоставление обладало наибольшим значением, поскольку позволяло правящим императорам (чаще всего, ретроспективно) «очернить» конкурентов. Кодекс Феодосия содержит целый ряд законов относительно законодательств узурпаторов (CTh. XV. 14: *De infirmendis his, quae sub tyrannis aut barbaris gesta sunt*)¹⁶. Характерно, что в одной из

¹³ Напр.: Szidat J. *Imperator legitime declaratus* (Amian 30, 10, 5) // *Historia testis: Mélanges d'épigraphie, d'histoire ancienne, et de philologie offerts à T. Zawadski*. Fribourg, 1989. S. 175–188.

¹⁴ Girardet K.M. *Die Erhebung Kaiser Valentinians II.: Politische Umstände und Folge* (375/376) // *Chiron*. 34. 2004. S. 109–144.

¹⁵ См.: Wickert L. *Princeps* // *Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*. XXII. 1954. col. 2123–2125; Neri V. *L'usurpatore come tiranno nel lessico politico della tarda antichità* // *Usurpationen...* S. 71–86. Хотя противопоставление «тирании» и «законной» власти встречается в IV в. не только относительно императорской власти, см.: *Lib. Or. XXXIII. 15*.

¹⁶ Подробнее см.: Corcoran S. *Hidden from History: the Legislation of Licinius* // *The Theodosian Code. Studies in the Imperial Law of Late Antiquity* / Ed.

них противопоставляется *tyrannica tempora* и *tempus legitimum* (CTh. XV. 14. 9). Возможно, такая эволюция термина «тиран» связана с попыткой заново концептуализировать понятие узурпации, которое в III в. потеряло четкие рамки, поскольку отделить легитимных императоров и узурпаторов в быстро менявшейся политической ситуации было крайне сложно. Такое «наследие» III в. прослеживается и у авторов следующего столетия, которые в узурпаторах видели только проигравших борьбу за императорскую власть (НА. *Pesc. 1. 1: quos tyrannos aliorum victoria fecerit*; ср. *Aurel. Vict. 33. 24*)¹⁷. Конечно, термин *tyrannus* использовался в политической борьбе и против императоров, вполне законно получивших власть или на какое-то время признанных в качестве таковых уже правящими августами. Это обстоятельство затрудняет анализ позднеантичной политической лексики, описывающей легитимную императорскую власть, но не свидетельствует в пользу ее полного отсутствия.

Во-вторых, насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении источникам, проблема добровольного подчинения высшей власти, правления, основанного не на насилии, а на согласии общества следовать воле императора, занимала существенное место в позднеантичном осмыслении принципов управления. Своеобразным эквивалентом современному понятию «легитимность» в данном случае выступает «любовь» поданных, которая ведет к подчинению и заботе об особе императора. В уже цитированной фразе Аммиан (XIX. 12. 17) пытается выразить общее мнение (*nes enim abnuimus*), что «благо законного принцепса...должно защищать совместными усилиями всех». Подобным образом Клавдиан утверждает (вкладывая эти слова в уста Феодосия, обращающегося к Гонорию), что ни стража, ни оружие не охраняют так, как любовь (*non sic excubiae, non circumstantia pila quam tutatur amor* – *Claud. IV cons. Non. 281 sq.*). При этом, продолжает он, «не вынудишь ты лю-

by J. Harries and I. Wood. L., 1993. P. 99–104; *Escribano M.V. La ilegitimidad política en los textos historiográficos y jurídicos tardíos* (*Historia Augusta, Orosius, Codex Theodosianus*) // *Revue internationale des droits de l'antiquité*. XLIV. 1997. P. 85–120.

¹⁷ Возможно, что интерес к «тиранам» как предмету историописания восходит к так называемой *Kaisergeschichte*, написанной в конце 30-х годов IV в.: Burgess R.W. *Principes cum tyrannis: Two Studies on Kaisergeschichte and Its Tradition* // *Classical Quarterly*. 43. 2. 1993. P. 491–500.

бить себя; это дарят взаимная верность и чистая благосклонность» (*non extorquebis amari; hoc alterna fides, hoc simplex gratia donat* – *Ibid.* 282–283). Собственно, идея о том, что благосклонность и верность подданных являются лучшей защитой для монарха, была не нова для античной политической теории (как модель для позднеантичных авторов см., напр.: *Dio Chrys. Or.I. 20; 31–32; ср. Lib. Or. LIX. 16; Them. Or. 19. 231 d-232 a*), но в Поздней империи она приобретает особое звучание в связи с уже указывавшейся особенностью восприятия тирании как узурпации. Обращает на себя внимание, что любовь и благоволение подданных – результат взаимной верности, что теоретически «обязывало» императора добиваться их, следуя определенному набору правил, точнее проявляя ряд *virtutes*, пропаганда которых играла важнейшую роль в коммуникации власти и подданных¹⁸. По словам Либания, быть подданным обладателя всех императорских добродетелей (каковым ему виделся Юлиан) – величайшее счастье (*βασιλεύεσθαι μὲν οὖν ὑπὸ τοιαύτης ἀρετῆς πάντων εὐδαίμονέστατον* *Lib. Or. XVIII. 307*). В другой речи Либаний, панегирически приукрасив действительность, указывает, как противники Юлиана, верные Констанцию и рассматривавшие новоявленного августа как врага «по закону», переходили на его сторону, благодаря его образу действий (*Lib. Or. XII. 67*). Не случайно и то внимание, которые позднеантичные авторы уделяют противоправным действиям носителей императорской власти или узурпаторов, что вызывалось не столько действительными репрессиями, сколько желанием отказать в легитимности (опять же, ретроспективно)¹⁹. Как в отношении легитимного императора, так и в отношении «тирана» сложился определенный набор стереотипических изображений (напр.: *Claud. Bell. Gild. 162 sqq.; Pan. Lat. II (XII). 25–26*), применяемых вне зависимости от реального положения вещей. Как бы то ни было, само противопоставление легитимного, основанного на добро-

¹⁸ Для Ранней империи см.: Noreña C.F. *The Communication of the Emperor's Virtues* // *Journal of Roman Studies*. 91. 2001. P. 146–168

¹⁹ Ср.: Harris J. *Law and Empire in Late Antiquity*. Cambridge, 1999. P. 119. Характерно отношение Либания к Иовиану, на которого возлагалась вина за постыдный мир с персами и имя которого ритор ни разу не упоминает (см. комментарий А. Нормана: *Libanius. Autobiography and Selected Letters* / Ed. and trans. by A.F. Norman. Vol.I. Cambridge (Mass.), L., 1992. P. 202) – прием, характерный для панегирической техники описания узурпаций.

вольном подчинении, и нелегитимного, применяющего насилие, правления показывает, что проблема «законности» императорской власти была далеко не чужда поздней античности.

В относительно недавней работе К. Андо выдвинул тезис (контаминирующий с мнением многих исследователей), что «каждая группа (т.е. сенат, провинциалы и армия – П.Р.) смещала тему публичного дискурса с легитимности империи на легитимность отдельных императоров и магистратов»²⁰. Этот тезис связан с двумя фундаментальными проблемами: во-первых, границы между персональной легитимностью и отношением к институту императорской власти; во-вторых – дисперсностью представлений о легитимности высшей власти в позднеантичном обществе. Вторая проблема, которую сам Андо пытается решить, выдвинув гипотезу о принципиальной разнице в восприятии императорского господства, в традиции М. Вебера²¹, нуждается в детальном анализе источников совершенно различного свойства (особенно, что касается представлений о легитимности армии и провинциалов) и требует большего объема, чем данная статья. Поэтому ограничимся соотношением персональной и институциональной легитимности в отношении к императорской власти со стороны общества IV в.

Сам факт описания императорской власти через *virtutes* ее носителей свидетельствует о слабости ее институционального осмысления²². Тем не менее, по нашему убеждению, эта персональная легитимность вписывалась в рамки легитимности Империи, по крайней мере, на уровне признания ее оптимальной для реализации всеобщего блага. Редкие «прореспубликанские» выпады позднеантичных авторов (*HA. Car. 3. 1; Zos.I. 5. 2–4*) не были связаны с идеей восстановления республики, они скорее

²⁰ Ando C. *Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire*. Berkeley, Los Angeles, L., 2000. P. 29.

²¹ *Ibid.* P. 25: «...мы можем начать с гипотезы, что сенат воспринимал власть императора как должную базироваться на рациональных основаниях, армия выделяла традиционную природу его власти, а население провинций рассматривало его как харизматическую фигуру в веберовском смысле». Основное затруднение в следовании данной гипотезе, по крайней мере, для IV в., на наш взгляд, состоит в размытости рамок указанных групп и, тем более, их представлений об императорской власти.

²² Ср.: Martin J. *Op. cit.* S. 57: в поздней античности «не развилась ни объективация власти, ни трансперсональная система господства».

риторически осуждают императоров, чье правление не отвечало требованиям сохранения гражданской свободы²³. Если таковая сохранялась, то, согласно официальной риторике, политические институты формировались более правильно, чем в республиканский период (Pan. Lat. III. (XI). 30. 4; Auson. Grat. act. 13). С христианской точки зрения легитимность Империи подтверждалась универсализацией orbis terrarum при Августе, что облегчило распространение христианства²⁴. Сама трансформация имен Август и Цезарь в титулы в некоторой степени отражает институционализацию императорской власти, в течение столетий возводившейся к единому источнику (ср. HA. Alex. 10. 3). И даже если большей части населения Империи были неважны юридические подробности легитимации власти принцепса из права народа (RGDA. 34. 1; Gai. Inst. I. 5; D.I. 2. 2. 11; 4. 1), сама императорская власть была легитимна в силу традиции, визуально воплощавшейся, например, в перечислении имен и титулов императоров на мильевых столбах, в галереях императорских статуй и т.д.²⁵. Персональная власть каждого конкретного императора, таким образом, вписывалась в устойчивый набор идеологем, унифицировавших представления об императорской власти в целом. Вхождение во власть, помимо прочего, было в теории связано с необходимостью отречься от личных пристрастий и интересов и служить общественному благу. По словам Аммиана, Валентиниан rei publicae curam habuit, ut officio principis congruebat (Amm. XXVIII. 2. 5; ср. Pan. Lat. X (II). 3. 3; Lib. Or. XII. 38; Claud. IV cons. Hon. 294–295; Synes. De reg. 5 etc.). Характерно, что Лактанций, повествуя о сложении императорских инсигний Диоклетианом, символизирует этот процесс возвращением ему «частного» имени Диокл (Lact. De mort. pers. 19. 5)²⁶.

²³ Подобным образом в III в. осуждался переход от «аристократии» к «тирании» после смерти Марка Аврелия, см.: Alföldy G. The Crisis of the Third Century as Seen by Contemporaries // Greek, Roman and Byzantine Studies. 15. 1974. P. 98 ff.; о республиканских exempla в поздней античности см.: Felmy A. Die Römische Republik im Geschichtsbild der Spätantike. B., 1999.

²⁴ См.: Cameron Av. Remaking the Past // Interpreting Late Antiquity: Essays on the Postclassical World / Ed. by G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge (Mass.), L., 2001. P. 2–3.

²⁵ Об идеологическом базисе императорской власти см.: Ando C. Op. cit. passim.

²⁶ Эти слова Лактанция вряд ли отражают действительность, поскольку Диоклетиан сохранял существенную политическую роль даже после сложения

Период первой тетрархии закрепил унифицирующий взгляд на императорскую власть, что проявилось на разных уровнях: в пропаганде согласия в рамках усложнившейся императорской коллегии²⁷ или, например, в нивелировании визуальной репрезентации носителей императорской власти²⁸. После Константина императоры (а иногда и узурпаторы)²⁹ принимают имя Флавиев, что образовало новую линию императорской власти³⁰. В рамках этой единой власти могли происходить столкновения отдельных ее носителей, то есть происходил конфликт персональных легитимностей, но это не влияло на легитимность самого института. Собственно, любой узурпатор, используя официальную инфраструктуру для оповещения подданных о своем избрании, воспринимался как легитимный император. В пользу этого говорят посвятельные надписи, содержащие имена «законных» императоров и узурпаторов (CIL. VIII. 22552 – Констанций и Магненций; CIL. VIII. 27, 23968 – Валентиниан, Феодосий, Аркадий и Максим; CIL. X. 1693, АЭ. 1948. 127 – Феодосий, Аркадий и Евгений). В таких условиях вполне объяснимо стремление императоров (таких, как Иовиан), провозглашенных при прерывании династии, с возможной быстротой объявить о своем провозглашении в провинциях (Amm. XXV. 8.8–12; 9.8)³¹. При существовавшей системе коммуника-

власти. Подробнее см.: Enßlin W. Valerius Diocletianus // Realencyclopädie... VII A. 1948. col. 2420–2422; 2491–2493; Kuhoff W. Diokletian und die Epoche der Tetrarchie: das römische Reich zwischen Krisenbewältigung und Neuaufbau (284–313 n. Chr.). Frankfurt am Main, B., Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2001. S. 297 ff.

²⁷ См.: Kolb F. Op. cit. S. 27–34;

²⁸ Smith R.R. R. The Public Image of Licinius I: Portrait Sculpture and Imperial Ideology in Early Fourth Century // Journal of Roman Studies. 87. 1997. P. 180–181.

²⁹ Если и не происходило принятие имени, то связь с домом Константина подчеркивалась узурпаторами для легитимации власти. См., напр.: Woods D. The Constantinian Origin of Justina (Themistius, Or. 3.43 b) // Classical Quarterly. 54. 1. 2004. P. 325–327.

³⁰ Ср. характерную надпись CIL. VIII. 27:… dddd (omnis) nnnn (ostris) ffffflllll (avis) / Valentiniano Theodosio / Arcadio et Maximo semp (er) August (is). Ср. CIL. III. 7080; CIL. VI. 31982.

³¹ Р. Эррингтон, следуя логике Аммиана, считает, что Иовиан боялся бунта войск в Галлии и Иллирике после получения известия о его провозглашении (Errington R.M. Op. cit. P. 19), хотя даже в повествовании Аммиана, изначально предвзятом (см.: Heather P. Ammianus on Iovian: History and Literature

ции³² легитимная императорская власть не могла в полной мере контролировать происходящее в провинциях; поэтому и цитированные надписи относятся к регионам Империи, находившимся под контролем узурпаторов³³. Соответственно, Папат имел возможность оправдывать совершивших «величайшее нечестие», то есть содействовавших узурпатору Максиму, поскольку они «доверились» (*credunt*) тому, убежденные словами о родстве и благосклонности Феодосия (*Pan. Lat. II (XII). 24. 1*).

Таким образом, легитимность Империи, которой, кстати, в IV в. продолжали приносить обеты 3 января³⁴, предопределяла и легитимность отдельных императоров, которые стремились представить себя обществу как «восстановителей», «освободителей», то есть возвращающих подданным утраченные блага. Парадоксальным образом позднеантичные императоры, называвшие своих предшественников *patres* и отчасти сохранявшие традицию консекрации умерших императоров, были вынуждены имплицитно признавать их правление неудовлетворительным. В данном случае императоры оказывались жертвами общественных представлений о легитимности императорской власти и, с другой стороны, необходимости увеличивать достижения предков как основы персональной легитимности.

// *The Late Roman World and Its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus* / Ed. by J.W. Drijvers and D. Hunt.L., N. Y., 1999. P. 105–116), Иовиан стремился, прежде всего, известить западные провинции о новом императоре, а остальные действия были рассчитаны на непредвиденную реакцию.

³² См.: Kelly Ch. *Ruling the Later Roman Empire*. Cambridge (Mass.). L., 2004. P. 204.

³³ Так, например, Евгений выступает коллегой Феодосия по консулату в ряде надписей из западной части Империи (АЕ. 1910. 206; АЕ. 1975. 116; АЕ. 1988. 111), что не было признано Феодосием. См.: Szidat J. *Die Usurpation des Eugenius* // *Historia*. 28. 4. 1979. S. 494.

³⁴ Mc Cormack S. *Art and Ceremony in Late Antiquity*. Berkeley, Los Angeles, 1981. P. 168.

В.В. Серов

К вопросу о причинах и обстоятельствах византийского завоевания Испании в VI в.

В современной историографии, посвященной испанской политике византийских императоров, одним из важнейших является вопрос о том, какие факторы определили решение захватить пиренейскую территорию и затем не только удерживать её, но и предпринимать попытки расширять территориальный захват. Новейшие отечественные исследования сделали основной упор на меркантилистские и фискальные устремления императора Юстиниана I – инициатора испанского направления во внешней политике Византии¹; западные исследователи до недавнего времени отстаивали при рассмотрении данного вопроса традиционную точку зрения, согласно которой главным побудительным мотивом экспансии Юстиниана в Западном Средиземноморье стала пресловутая доктрина *Renovatio imperii*². Различие между двумя направлениями, впрочем, не столь принципиальное, как кажется на первый взгляд. По сути, большинство специалистов, касавшихся данной темы, сходятся в перечислении всех возможных причин и поводов наступления Византии на вестготскую Испанию, лишь выделяя из группы известных побудительных факторов один-два как кажущиеся наиболее вероятными или обоснованными³. Вообще же, основной тенденцией в историографии последних десятилетий можно считать попыт-

¹ Корсунский А.П. К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI–VII вв. // *Византийский временник*. Т. 12. 1957. С. 32; Удальцова З.В. Внешняя политика Юстиниана. Попытки реставрации империи на Западе. Войны с Ираном. *Византийская дипломатия // История Византии*. М., 1967. Т. 1. С. 321.

² Из весьма пространного списка работ ограничимся ссылкой на наиболее значительные: Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. СПб., 1909. С. 212; Goubert P. *Byzance et l'Espagne wisigothique (554–711)* // *Revue des Études byzantines*. Vol. 2. 1944. P. 5–6; Stein E. *Histoire du Bas-Empire*. Vol. II. Amsterdam, P.; Bruxelles, 1946. Passim; весьма примечательна работа Г. Вальехо, в которой проводится сравнительный анализ двух факторов – экономического и идеологического: Vallejo G.M. *Bizancio y la España tardoantigua (ss. V–VIII): un capitulo de historia Mediterranea*. Alcala de Henares, 1993. P. 17–40.

³ Ср., например: Корсунский А.П. Ук. соч. С. 31–33, и García Moreno L.A. *The Creation of Byzantium's Spanish Province. Causes and Propaganda* // *Byzantion*. Vol. 66. 1996. P. 101–119.

ки выявления максимального количества причин создания византийских владений на Пиренейском полуострове и определение большей или меньшей значимости каждой из этих причин⁴.

Следуя этой тенденции, оценим известные причины и поводы вторжения императорских войск в Испанию с точки зрения финансовой политики Юстиниана I, методы которой разрабатывались в том числе и в ходе предыдущих завоевательных акций. Тогда – в Африке и в Италии – финансовый аспект играл немаловажную роль и при принятии решения о начале завоевания, и во время подготовки к экспедициям, и при осуществлении экспансии. Вряд ли стоит отрицать, что захват богатых территорий сулил выгоды государству и императорской казне, и походы подготавливались таким образом, чтобы дополнительные военные расходы не превышали ожидаемую прибыль и не были фатальными в случае неудачи завоевательного мероприятия. Если Юстиниан действовал в отношении вестготской Испании так же, как и в отношении Вандальского и Остготского королевств, то финансовый аспект в «вестготской» политике середины VI в. оказывается едва ли не самым важным.

В общих чертах «финансовый фактор вторжения» выглядит так. Император Юстиниан не предпринимал настойчивых и долговременных усилий, чтобы завоевать Пиренейский полуостров: это потребовало бы огромных расходов при отсутствии гарантии успеха. Обладая трезвым умом, Юстиниан опирался не на идеологические, а на реально-политические предпочтения при разработке долгосрочной государственной стратегии. В этом смысле завоевание Испании могло никогда не начаться (как не началось, к примеру, завоевание франкской Галлии), если бы для него не представился исключительно удобный случай. Поэтому все или многие факторы, обусловившие начало завоевательной операции в Испании, оказались задействованными,

⁴ Ранжирование факторов, определивших необходимость византийского присутствия в Испании, предпринято в работах Л. Гарсии Морено (García Moreno. *Op. cit.* P. 101–102). Остаётся сожалеть, что столь перспективное для науки направление не принесло пока серьёзных плодов. Так, в указанной работе сделан парадоксальный вывод о первостепенном значении двух, по сути противоположных здесь факторов – религиозного и политического: «защитить королевские права Балтов в лице Атанагильда и ортодоксию от арианской ереси» (*Ibid.* P. 118). По-видимому, вся исследовательская работа в данном направлении ещё впереди.

лишь когда обнаружился повод, и только после того, как у юстиниановского правительства сложилась уверенность в том, что грядущая акция будет иметь хоть какой-то финансовый успех.

Побудительным событием, вообще впервые поставившим вопрос о самой испанской политике Византии, стало обращение к императору за поддержкой вестгота Атанагильда, – тогда ещё потенциального узурпатора. Предложения Атанагильда были неожиданными, но, по-видимому, заманчивыми, так как Юстиниан ответил на них утвердительно и согласился отправить войска в Испанию, несмотря на внешнеполитические проблемы Византии рубежа 40–50-х гг. Император не стал добиваться перехода вестготов в православие, не претендовал на овладение всем Иберийским полуостровом, а спокойно оккупировал небольшими силами прибрежную полосу на юго-восточном побережье, заняв те города, которые, вероятно, согласились разместить у себя византийские гарнизоны (в связи с чем уместно было бы поднять вопрос о договорённости между византийцами и юго-восточными городами Испании). При минимальных затратах на экспедицию империя получала новый источник доходов и новый опорный пункт в Западном Средиземноморье. Тем самым были реализованы финансово-экономические и внешнеполитические претензии Византии, а на прочие (в частности, идеологические и религиозные) в действиях византийцев нет даже намёка.

Из двух безусловно выявленных факторов византийского появления в Испании стратегический проигрывает экономическому: византийцы и прежде имели присутствие в западной части Средиземного моря, господствуя в Северной Африке, у Гибралтара (в Сеуте), а также на западных островах, включая Балеарские. Обладание восточным побережьем Пиренейского полуострова не намного усиливало Византию в данном регионе, так как здешние города, существовавшие во многом за счёт торговли с приморскими имперскими владениями⁵, уже поэтому являлись неслабой опорой геополитическим интересам Византии, без

⁵ Корсунский А.Р. Города Испании в период становления феодальных отношений (V–VII вв.) // Социально-экономические проблемы истории Испании / Под ред. И.М. Майского и др. М., 1965. С. 32–33, 41–44; Ripoll G.L. On the Supposed Frontier between the Regnum Visigothorum and Byzantine Hispania // The Transformation of Frontiers. From Late Antiquity to the Carolingians / ed. by W. Pohl, I. Wood, Y. Reimitz. Leiden; Boston; Köln, 2001. P. 97, 110 ff.

военного присутствия византийцев в них. Таким образом, о преобладании экономических целей над прочими свидетельствуют, по меньшей мере, размеры и характер оккупации в Испании, как, впрочем, вообще действия Византии на первоначальном этапе отношений с Вестготским государством⁶. Вопрос, который представляется действительно важным в рамках проблематики «византийского ареала» в Испании, может быть сформулирован следующим образом: стремился ли Юстиниан получить здесь кроме торговых пошлин ещё и налоги? При положительном ответе площадь византийских владений должна быть увеличена прибавлением всей долины Бэтиса и города Кордубы⁷. Однако у нас отсутствуют данные о византийском налогообложении в Испании. Возможно, экспедиционный корпус под командованием Либерия пытался захватить большую территорию, но как эта попытка реализовалась – до конца не известно. Важно то, что наличие или отсутствие этого вида дохода не являлось самым значительным фактором византийского присутствия. Контроль над экономикой богатых приморских городов с их округой и, как следствие, экономическое доминирование над внутренними районами, которые в известной степени зависели от средиземноморской торговли, а также, возможно, и обладание рудными месторождениями⁸, – всё это должно было удовлетворять фискальные потребности Византийского государства в испанском регионе, то есть обеспечивало присутствие армии и администрации и, хотя бы опосредованно, приносило некоторую прибыль

⁶ В том же ракурсе следует рассматривать и отношения византийской и вестготской сторон в 30–40-е гг. VI в.: бои за Сеуту, дипломатия вокруг Готской войны в Италии, средиземноморские торговые связи. Таковые явно не являлись преамбулой вестготской экспедиции Либерия и всех последующих событий на Пиренеях.

⁷ Научные споры относительно субъекта владения Бэтикой не завершены до сих пор; см.: Ripoll G.L. *Op. cit.* P. 101–102. На наш взгляд, понятие *Mesopotamhnoi* у Георгия Кипрского (*Georgii Cyprii Descriptio orbis Romani* / ed. H. Gelzer. Lipsiae, 1890. P. 134) замечательно толкуется как «междуречье Бэтиса и Ибера», тем более что это не только междуречье, но и междугорье, то есть удобная для удержания и хозяйственной эксплуатации цельная территория; Псевдо-Фредегар заметил позднее об утраченной византийцами территории: «Царство готов в Испании утвердилось по морскому берегу до Пиренейских гор» (*Fredegar., Chronicon.* 4.40; ср.: *Isidor., Hist. Goth.* 62), намекая тем самым на протяжённость византийских владений.

⁸ См., например: *Strabo*, III.2.8–10; *Expositio totius mundi*, 59.

казне. Малая площадь византийских владений в Испании не может быть признана свидетельством военной немощи империи или служить опорой иному, кроме финансово-экономического и стратегического, фактору, обусловившему появление византийцев на Иберийском полуострове.

Аналогичным образом – с позиций финансовой политики Юстиниана и одновременно подтверждая преобладание «финансового» фактора испанского направления во внешней политике – решается и другой спорный вопрос – о договоре между Атангильдом и Юстинианом. Споры, как обычно, вызывает скудость источниковой базы: о наличии указанного договора сообщает только один, притом не очень надёжный, точнее, тенденциозный источник – письма римского папы Григория I. Вокруг неясного известия в одном из этих писем об упомянутом договоре⁹ в современной историографии сформировалась целая проблематика, включающая в себя спектр вопросов от самой возможности существования такого договора до трактовки деталей его содержания. Комплексный анализ всех возможных фактов и обстоятельств, имеющих отношение к документу, в современной литературе пока отсутствует. В связи с этим, пожалуй, уместной будет предлагаемая ниже версия.

Ненадёжность информации, предоставленной названным источником, определяется частной заинтересованностью папы Григория, прозванного Великим. Он проводил собственную политику среди окружавших римскую кафедру государств и народов, и зачастую его политика не соотносилась с интересами Византии¹⁰. Кроме того, историкам хорошо известна готовность папской курии к фальсификации документов и произвольной интерпретации событий в угоду собственной политической идеологии. Тем не менее, договор между претендентом на вестготский престол и византийским императором вполне имеет право на существование в 50-е гг. VI в. И рассмотрение обстоятельств его заключения и воплощения в жизнь его условий способно пролить дополнительный свет на историю подготовки Вестготской экспедиции.

⁹ *Gregorii I Reg. Epist.*, IX.229.

¹⁰ *Markus R.A. Gregory the Great and His World.* Cambridge, 1997; более кратко о том же: *Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия.* М., 1998. С. 167, 169.

Из переписки между Григорием I и вестготским королём Рекаредом известно, что договор между Атанагильдом и Юстинианом будто бы касался границ византийских владений в Испании. Рекареду желательно было узнать через посредство папы детали этого договора, но, по словам Григория, пергамент исчез, а известное ему содержание утраченного документа папа трактовал не в пользу политических притязаний Рекарета, которые, очевидно, касались византийского присутствия на Пиренейском полуострове¹¹. В тексте письма обращает на себя внимание странное обстоятельство, уже замеченное в специальных работах¹², именно: что ни в вестготских, ни в императорских архивах через полвека не обнаружилось даже копии столь важного для обеих сторон договора, да и современные ему авторы ничего о нём не сообщают. Это – основная неувязка в истории с договором и причина неразрешимых споров о нём. Всё остальное более или менее прозрачно: король Рекарет обратился к папе Григорию потому, что доверял ему, так как признавал в римском епископе главу недавно принятой им католической веры и в нём видел посредника в иных, нежели военные, взаимоотношениях с Византией. Понятно и стремление Рекарета к примирению с византийцами: вестготский король находился в стеснённых международных и внутривизантийских условиях и, не имея возможности или желания воевать ещё и с вновь активизировавшимися на Пиренеях во второй половине 70-х – первой половине 80-х гг. VI в. ромеями¹³, он хотел опереться на более или менее авторитетную для них на Западе силу, которая помогла бы в переговорах о мире на выгодных вестготам условиях. Возможно также, что Рекарет надеялся обнаружить в договоре Юстиниана и Атанагильда повод объединить военные потенциалы византийцев и вестготов для успешной борьбы с басками, франками или, например, свевами. Таким образом, Рекарету необходимо было узнать от Григория, какого рода договорённость существовала между Юстинианом и Атанагильдом с тем, чтобы возобновить

¹¹ См.: Корсунский А.Р. К вопросу ... С. 41; Vallejo G.M. The Treaties between Justinian and Athanagild and the Legality of the Byzantine Possessions on the Iberian Peninsula // Byzantion. Vol. 66. 1996. P. 208–209.

¹² Например, Vallejo G.M. The Treaties ... P. 209.

¹³ Isidor., Hist. Goth. 54: «Также он часто наносил удары по римской заочности...»; Iohann. Biclaz., s.a. (P. 212–215).

её и вновь использовать. Территориальные границы византийских владений интересовали его гораздо меньше, хотя именно спор о них являлся препятствием для заключения вестготско-византийского мира в конце VI в.: по какой-то причине византийские власти в Испании не шли на прямые переговоры с вестготами.

Не вызывает сомнений также мотивация поведения папы Григория I, принявшего на себя функции третейского судьи: ему требовалось укреплять собственное положение и статус католического первосвященника среди политических сил христианского мира, в том числе и за счёт ослабления позиции византийского императора и константинопольского патриарха. Вероятным следствием такой политики Григория I явилось заявление об исчезновении интересующего Рекарета договора, вне зависимости от того, существовал таковой в действительности или нет. Затягивание переговорного процесса сохраняло за папой роль активного посредника между Востоком и Западом. Римский папа видел себя «замирителем» Испании в той же мере, в какой он представлял себя умиротворителем Италии¹⁴, поэтому он и посоветовал вестготскому королю искать мира с византийцами без опоры на прежний договор, который, как мы видели, имел скорее наступательный, нежели мирный характер.

Итак, если договор между Атанагильдом и Юстинианом I существовал (в чём почти невозможно усомниться), то он носил черты так называемой в ранней Византии *ὄμολογία*, то есть военного союза, точнее – личной договорённости о взаимной военной помощи, которая скреплялась, между прочим, обоюдными клятвами и обменом материальными ценностями¹⁵. В качестве последнего византийская сторона могла предложить Атанагильду воинский контингент для демонстрации королю Агиле мощи и серьёзности намерений узурпатора, а также вооружение и военное снаряжение, в коих последний должен был испытывать нужду, готовясь к войне за трон. От Атанагильда же византийцы в качестве компенсации за помощь ожидали получить не столько территорию, сколько право разместить свои военные базы в нескольких городах юго-восточного побережья, буд-

¹⁴ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. II. СПб., 1996. С. 383–385.

¹⁵ Примером именно такого договора между Юстинианом и варварским королём служит союз императора с королём лангобардов в 551 или 552 г., весьма подробно описанный Прокопием Кесарийским (Procop. Caesar., B.G. IV.25.7, 8).

то бы для того, чтобы оказывать давление на противников Атанагильда (к которым теоретически можно причислить и некоторые из тех же самых юго-восточных и восточных городов), а также осуществлять контроль над Западным Средиземноморьем. О типе договора косвенным образом свидетельствует и термин *ractum*, использованный папой Григорием в том же письме к Рекареду¹⁶.

Ractum – это частная договорённость двух лиц о чём-либо, в данном случае – об оказании друг другу услуг военного свойства. Именно потому, что договорённость не обладала основными признаками более общего соглашения о мире, в нём не нашли отражения главные цели Юстиниана в предстоящем мероприятии на Иберийском полуострове – финансовые, обнаружение которых потом вестготской стороной (из-за усиления на них акцента в действиях византийцев) и вызвало разногласия среди бывших союзников.

На основании предложенной версии, и одновременно подтверждая её, выстраивается хронология событий, – тоже весьма спорный предмет в пределах рассматриваемой темы¹⁷. Пакт Атанагильда–Юстиниана был заключён до высадки византийских войск на полуострове, точнее – тогда, когда послы Атанагильда, ещё только собиравшегося выступить против Агилы (ставшего королём в 549 г.), достигли Константинополя и обратились к императору Юстиниану с просьбой о помощи в этой готовящейся войне. Атанагильд не поднял бы мятеж, не имея твёрдой уверенности в поддержке своих планов извне. Поэтому его решение отправить посольство к императору оформилось не ранее конца 549 г., вскоре после интронизации Агилы, а мятеж он начал уже после того, как получил известия о приближении

¹⁶ Как известно, в юстиниановском праве это слово обозначало частно-правовой договор, тогда как в международной практике для обозначения публично-правового акта применялся термин *conventio*. См.: Dig., 2.14.5; 50.12.3. рг.; Бартошек М. Римское право: (Понятия, термины, определения) / пер. с чеш. М., 1989. С. 236–237. Григорий как представитель римского аристократического семейства, изучавший право и потом долгое время живший в Константинополе, не мог не знать этих смысловых нюансов.

¹⁷ Спорной, к примеру, является даже дата высадки византийского экспедиционного корпуса на Пиренейском полуострове: мнения исследователей разделились между двумя датами – 552 г. и 554 г.

византийской помощи¹⁸. Чтобы переплыть всё Средиземное море с запада на восток в VI в., требовались хорошая погода и несколько месяцев времени. Зима и весна признавались в античности неблагоприятными сезонами для мореплавания¹⁹; подходящая погода устанавливалась в мае–июне и продолжалась примерно до ноября. Путь из Испании до Константинополя по морю занимал в то время от четырёх месяцев до полугода, в зависимости от типа судна, целей путешествия и погодных условий. Учитывая приведённые условия, можно предположить, что посланники Атанагильда отправились к императору ромеев не ранее весны 550 г. и достигли Константинополя приблизительно в конце лета или осенью того же года. Пока шли переговоры, наступила зима с её ураганами на море и изменчивыми ветрами, и потому в обратный путь вестготские послы смогли бы отправиться не ранее весны следующего, 551 г., вне зависимости от результатов переговоров.

Косвенным указанием на время прибытия посольства Атанагильда в Константинополь и начала переговоров с Юстинианом стал отзыв с Сицилии патрикия Либерия, которому император позднее вверил командование экспедицией в Испанию; вероятно, приказание ему вернуться в столицу отправилось на Сицилию уже осенью 550 г.²⁰ Однако Либерий не смог исполнить требование Юстиниана сразу, и прибыл к императорскому двору лишь в 551 г.²¹, что также соответствует предполагаемому времени отплытия послов Атанагильда домой. Это произошло только летом того же года. Одновременно началась подготовка вестготской экспедиции. Учитывая наличие у Юстиниана опре-

¹⁸ Isidor., *Hist. Goth.* 47: «Он (Атанагильд), когда ещё только намеревался установить тиранию и лишит власти Агилу, просил себе у императора Юстиниана помощи воинов, которых позже при всём старании не смог вытеснить за пределы своего королевства».

¹⁹ См., например, Veget., *IV.39*.

²⁰ Procop. *Caesar.*, *V.G.* III.39.7–8; 40.12, 18. Сведения Прокопия о назначении Либерия на Сицилию и последующем отозвании запутанны, однако вполне позволяют восстановить последовательность передвижений Либерия.

²¹ Так считает ряд учёных, специально изучавших биографию этого римского аристократа; см.: Nagl. *Liberius* // *RE.* Bd. 25. 1926. Sp. 97; Stein. *Op. cit.* P. 595; Martindale J.P. *The Prosopography of Later Roman Empire.* Vol. III. Cambridge, 1992. P. 791. Отечественные исследователи склоняются к датировке этого события 552 г. или даже следующими годами (например: Кулаковский Ю.А. *Ук. соч.* С. 149; Корсунский А.П. *К вопросу ...* С. 33–34).

делённой уверенности в успешном её завершении (вне зависимости от успеха предприятия Атанагильда), а также отсутствие свободных крупных воинских контингентов для быстрой их переброски за море, можно почти не сомневаться в том, что подготовка экспедиционного корпуса не была продолжительной и дорогостоящей. Вероятнее всего, Юстиниан по своему обыкновению отдал распоряжение выделить для этой цели отряды из нескольких основных войсковых группировок – иллирийской, италийской (сицилийской) и африканской, – подобно тому, как это делалось при подготовке большинства прежних антиготских походов. Очевидно, что Юстиниан спешил использовать шанс и потому не намеревался затягивать с началом похода в Испанию. Сборным пунктом походной группировки удобнее всего было сделать Сицилию. Именно оттуда, по-видимому, ранним летом 552 г. и отплыла экспедиция Либера²².

Такова интерпретация известных событий 549–552 гг., ассоциируемых с начальным этапом «испанской» политики Юстиниана I, в свете финансовой политики императора и экономических интересов ранневизантийского государства в VI в. Вообще, рассмотрение основных вопросов затронутой темы с «финансовой» точки зрения позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, ни вестготская экспедиция Либера, ни вообще вторжение в Испанию не планировались заранее и не готовились долго и тщательно. Византийская казна не понесла дополнительных расходов в связи с Вестготской войной: не проводилась дипломатическая подготовка вторжения, походные силы набирались из рядов действующих армий, флот для перевозки экспедиции и вооружение тоже имелись. По-видимому, экспедиционная армия даже не участвовала в крупных боях, не имея для этого ни специальных указаний, ни соответствующего психологического настроя. Она заняла несколько городов и фортов, которые обеспечили ей стратегическое преимущество и контроль над экономическими связями в Бэтике. Число занятых византийцами городов оказалось большим, чем предполагал мятежник Атанагильд, и византийцы уступили часть их, когда дело дошло до вооружённого столкновения с ним, уже ставшим королём.

Во-вторых, договор между Юстинианом и Атанагильдом был в действительности личной договорённостью о взаимных и конкретных военных услугах. Он обеспечивал обеим сторонам более или менее гарантированное осуществление поставленных задач и не распространялся на иные сферы (религию, например) и на далёкое будущее.

В-третьих, последовательность событий и их датировка были обусловлены, в первую очередь, двумя обстоятельствами: личными устремлениями Атанагильда и торопливостью Атанагильда и Юстиниана при осуществлении своих планов. Отправной точкой в истории византийского вторжения в Испанию следует признать интронизацию короля Агилы, которая внесла коррективы в планы полководца Атанагильда и тем самым направила развитие событий по определённой логике. В свете подобной трактовки фактического материала «испанской» политики Византии находится решение и прочих, менее значимых вопросов, существующих в рамках означенной темы.

²² Ripoll G.L. Op. cit. P. 98: «В июне или июле 552 г. Либери высадился на юге полуострова...».

О.Ю. Курныкин
Русско-турецкие войны XVIII – начала XX в. и
российские мусульмане

Несколько обстоятельств побуждают обратиться к вынесенной в заголовок теме. Во-первых, длительное, более чем двухвековое военно-политическое противостояние двух великих империй – Российской и Османской, принявшее характер геополитического соперничества на обширных пространствах Причерноморья, Балкан, Кавказа, несло в себе определенную религиозную символику, поскольку Россия, не свободная от религиозного мессианства в духе концепции «Москва – третий Рим», претендовала на покровительство христиан, оказавшихся под турецким господством, а также на освобождение Константинополя от власти мусульман. В свою очередь, Османская империя воспринималась в мусульманском мире как оплот ислама и охранитель его святынь, а турецкие султаны, носившие также титул халифа (духовного главы всех правоверных), обладали сакральным авторитетом среди мусульман далеко за пределами турецких границ и стремились конвертировать его в политическое влияние.

Во-вторых, обе империи были не только многонациональными, но и многоконфессиональными государственными образованиями. Причем если доля христианского населения в Османской империи постепенно сокращалась (в результате отпадения балканских народов, неудержимо реализовывавших свое стремление к созданию национальных государств и слиянию с европейским сообществом, а также в ходе масштабных этнических чисток, прежде всего в отношении армян и греков, отчасти за счет ассимиляции и поглощения турецким этносом), то доля мусульман в численности населения России неуклонно возрастала, по мере продвижения ее границ на юг и юго-восток¹. В силу этого «мусульманский фактор» оказывал всё более заметное

¹ По данным переписи 1897 г., в Российской империи при общей численности населения 125,6 млн человек проживало почти 14 млн мусульман, или 11% населения. К 1917 г. численность мусульман в стране составляла около 20 млн человек. Некоторые авторы увеличивают последнюю цифру до 30 млн человек, ссылаясь на тенденциозность и изъяны при проведении переписи 1897 г., однако не приводят убедительных аргументов в подтверждение этих расчетов (см., напр.: Исхаков С. Мусульманская психология и европейская политика (первая четверть XX века) // Панорама-форум. 1996. № 2. С. 1.

влияние как на внутривосточные процессы в России (с точки зрения устойчивости имперской структуры), так и при реализации ее внешнеполитических устремлений в Азии. К тому же основной массив российских подданных, исповедующих ислам, принадлежал к тюркской суперэтнической общности, общепризнанным лидером и ядром которой считались турки. В силу этого идейно-политические процессы и настроения в мусульманском ареале России не могли быть изолированы от влияния Стамбула; в свою очередь, взоры российских мусульман были обращены на Стамбул как общеполитический центр мусульманского мира, столицу еще недавно могущественной империи, история которой (в период исторического восхождения) являлась предметом общемусульманской гордости.

Османская держава, изначально возникшая как военно-государственная структура, ориентированная на территориальное расширение и покорение земель во имя Аллаха, создавалась как исламская империя; ее внешняя экспансия получила сакральную санкцию и обосновывалась идеологией священной войны за веру – джихада. Пока границы империи раздвигались, призыв к джихаду был обращен прежде всего к турецким войнам, став лозунгом и идейным обоснованием завоевательных походов. Когда же империя начала «усыхать» и территории с мусульманским населением стали переходить под контроль европейских (христианских) держав, призыв к джихаду стал приобретать функции защиты от угрозы, исходящей от внешнего мира, а также использовался для мобилизации и канализации протурецких настроений среди правоверных и обращения их во вред своим военным противникам. Объективно этому содействовало то обстоятельство, что вплоть до рубежа XIX–XX вв. религиозная самоидентификация в мусульманском обществе (в том числе среди турок и российских мусульман) превалировала над этнической.

Вместе с тем активное использование лозунга джихада в военных конфликтах с иноверцами привело к тому, что джихад в восприятии немусульманских народов превращается в идеологему, наполненную негативным содержанием, и вливается в комплекс исламофобских стереотипов.

«Мусульманский вопрос» в контексте российско-турецких отношений становится значимым фактором с включением в состав Российской империи Северного Причерноморья и Крыма

по итогам войны 1768–1774 гг. и принятием российским правительством определенных обязательств в отношении мусульманского населения этих территорий. В манифесте императрицы Екатерины II от 8 апреля 1783 г. верховная российская власть обещала мусульманам Тавриды «охранять и защищать их лица, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно»².

Российская администрация, особенно действовавшая в окраинных территориях с преобладанием мусульманского населения, всегда настороженно относилась к реальным или потенциальным угрозам, проистекающим от антироссийской агитации со стороны турецких эмиссаров. Симбирский и уфимский генерал-губернатор О.А. Игельстром в донесении Екатерине II от 10 мая 1789 г., признавая, что «в нынешнем положении Киргиз-Кайсаки не опасны», вместе с тем отмечал: «ежели происки турков, врагов Империи Вашего Величества, успеют возбудить их к общему мятежу, тогда уже не воровством людей и скота будут беспокоить здешний край, но многочисленными партиями начнут делать неприятельские нападения, и тогда 60.000 диких мятежников не могут быть уже не опасными»³.

Деятельность Игельстрома в качестве наместника в крае преимущественно мусульманским населением приходилась на период нового обострения русско-турецких отношений, вылившегося в войну 1787–1791 гг. В своем рапорте в Петербург от 8 октября 1789 г. генерал-губернатор сообщал: «...вследствие бытности у Бухарцев турецкого посланника и полученного Киргизцами от аталыка письма, муллы Чеклинского рода возмущают Киргизский народ поднять оружие противу России за Порту Оттоманскую»⁴. Игельстром поручил оренбургскому муфтию Мухамеджану Хусейнову «выбрать из ал-корана приличные правила к успокоению Киргизского народа, приведенного чеклинскими муллами в сомнение». В казахскую степь направлялись муллы с «увещательными листами» от оренбургского муфтия. Благодаря превентивным мерам русских властей в духе

² Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 47.

³ Архив Государственного Совета. Т. 1. Ч. II. (Госсовет в царствование императрицы Екатерины II). СПб., 1869. С. 836–837.

⁴ Там же. С. 848.

Указа 1773 г., признавшим ислам в качестве одной из покровительствуемых со стороны государства религий (гарантии свободного отправления «природной веры», строительство новых мечетей и т.д.), а также благодаря умелой административной политике Игельстрома в отношении местных ханов, в целом в годы войны удалось сохранить спокойствие среди мусульманского населения Поволжья и казахских степей.

Характерно, что в период очередной русско-турецкой войны 1828–1829 гг., «когда грозные силы российского монарха разили полчища могущественнейшего владыки магометанского», Николай I утвердил образцовый план и фасад на постройку мечетей, разработанный строительным комитетом министерства внутренних дел, дабы нейтрализовать действия турецких эмиссаров, игравших на религиозных чувствах мусульман – подданных России и побуждавших их к непокорности христианской власти»⁵.

Некоторые новые моменты в трехсторонних взаимоотношениях «Россия – Турция – российские мусульмане» проявляются с середины XIX века, когда в ходе Крымской войны и военных действиях на Балканах в 1877–1878 гг. особенно обозначились симпатии мусульман внутренних районов России к турецким единоверцам. К тому же после поглощения Средней Азии «мусульманский фактор» в жизни Российской империи приобретает новое измерение, привлекая внимание не только администраторов, путешественников и ученых, но и более широких общественных кругов. Все большее распространение получают представления об исламе как силе, противодействующей имперской интеграции и культурной ассимиляции мусульман.

Действительно, войны России с Османской империей не могли не активизировать настроения общемусульманской солидарности. Эти настроения, сами по себе не будучи первопричиной, могли накладываться на недовольство конкретными действиями российских властей в отношении мусульманского населения и выливаться в открытые антиправительственные выступления. В условиях назревания нового русско-турецкого конфликта полковник жандармского управления в декабре 1876 г. сообщал уфимскому губернатору, что «в случае объявления Россией войны Турции башкиры и татары хотят составить партию для правильного возмущения и выразить свое противодействие прави-

⁵ Климович Л. Ислам в царской России. М., 1936. С. 54.

тельству поджогами, грабежами и убийствами русского населения»⁶. Действительно, в ряде волостей Казанского уезда во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. произошли массовые волнения местных мусульман, спровоцированные неурожаем и последующим голодом.

По данным местных властей, в Павлодарском уезде во время войны с Турцией 1877–1878 гг. приказные муллы собирали среди казахов деньги в пользу турок⁷. Это были единичные случаи, хотя и воспринимавшиеся властями как тревожные сигналы. Не случайно наиболее ретивые администраторы, как например военный губернатор Акмолинской области, предлагали такие радикальные меры, как воспрещение казахам поездок в Константинополь, Мекку и Медину⁸. Российские чины усматривали вредные последствия таких поездок для интересов государства. Несколько позднее в циркулярах российского министерства внутренних дел выражалась обеспокоенность по поводу замыслов «молодой Турции» (т.е. организации турецких оппозиционеров) направлять своих эмиссаров для возмущения подвластных России мусульман⁹.

Однако в целом антироссийская агитация турецких эмиссаров не встречала ожидаемого в Стамбуле отклика. Мусульмане Российской империи оставались в основном лояльными подданными. Причем особенно подчеркнутую и неизменную лояльность демонстрировало официальное мусульманское духовенство, подконтрольное властям через созданные по инициативе имперского центра Духовные мусульманские собрания. Более того, мусульманские священнослужители находили оправдание верноподданнической позиции в призывах Мухаммеда к повиновению законным властям и покорности им. Тем не менее, среди российской гражданской и военной бюрократии, впрочем, как и в более широких кругах русского общества, сохранялось настроенное отношение к «мусульманству», в котором (отношении) причудливо переплетались европоцентристская убежденность в превосходстве христианских ценностей и мироустройства со страхом перед фанатизмом приверженцев ислама.

⁶ Там же. С. 44.

⁷ ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 25 об.

⁸ Там же. Л. 33 об.

⁹ Там же. Л. 46.

Начало XX в. ознаменовалось пробуждением национального самосознания в мусульманских странах¹⁰. В России эти процессы были включены в общий поток общедемократического и национального движения, ставшего значительным фактором в политической жизни страны. В 1905–1906 гг. состоялись три Всеобщих мусульманских съезда, ознаменовавшие начало политической самоорганизации российских мусульман, вначале под идейно-организационным покровительством российских либералов. Заметным явлением становится мусульманская пресса, растет число мусульманских типографий. В Государственной думе возникает мусульманская фракция, присоединившаяся к кадетам. Мусульманские деятели все громче заявляли об особых культурных, общественных, религиозных интересах своих единомыслителей.

Брожение среди российских мусульман, принимавшее все более зрелые идейные и организационные формы, беспокоило власти. Ответной реакцией последних стала кампания против панисламизма, инспирированного, согласно широко распространенному в русском обществе мнению, Стамбулом. Странники панисламизма обвинялись в сепаратистских устремлениях, направленных на отрыв от России мусульманских областей. Эти обвинения чаще всего были плодом самовнушения и преувеличенных страхов относительно происков внешних сил. Вместе с тем в них проявлялись, возможно, не до конца отрефлектированные, интуитивные опасения по поводу судеб Российской империи и сохранения ее православной идентичности.

Панисламизм, зачинателем и активным пропагандистом которого был Джемаль-ад-Дин аль-Афгани (1839–1897), призывал к объединению мусульманских народов на основе обновления (в разном его толковании) исламского мира. Он являлся широким и неоднородным движением. Турецкая имперская верхушка пыталась приспособить панисламизм к реализации собственных великодержавных интересов, в том числе на «русском фронте». Однако вскоре выявилась политическая неэффективность панисламизма как средства подрыва российской ориентации тех му-

¹⁰ Понятие «мусульманское возрождение» использовалось отечественными авторами еще в начале XX века (см., например, записку попечителя Оренбургского учебного округа Н. Бобровникова (1908 г.) – Архив востоковедов Петербургского филиала ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 281. Л. 33 об.).

сульманских народов, которые оказались в составе российского государства. Крупный мусульманский реформатор и общественный деятель Исмаил Гаспринский считал Россию преемницей «бывшей татарской державы» (т.е. Золотой Орды), именно с российской государственностью и интеграцией в российское культурно-политическое пространство он связывал решение основных задач прогресса тюркско-мусульманского мира.

Впрочем, в сознании мусульман лояльность России по-прежнему уживалась с симпатиями к Турции¹¹, особенно если последние базировались на общетюркской солидарности. Пантюркистские идеи в первые десятилетия XX в. стали популярными и активно пропагандировались в среде татарской интеллигенции, проникали в более широкие слои российских тюрков. Интерес к пантюркистским идеям был особенно заметен среди азербайджанцев, видевших в турках наиболее родственный этнос и своих «старших братьев».

Попытки некоторых российских администраторов связать общественно-культурный подъем в среде российских мусульман, наиболее зримой формой которого стало движение джадидизма¹², с зарубежными «исламскими центрами», прежде всего, Стамбулом, оказались безуспешными. Русский посол в Стамбуле И.А. Зиновьев полагал, что мусульманское движение в России следует рассматривать как явление «совершенно самостоятельное», обусловленное «местными обстоятельствами»¹³. Впрочем, не правильно было бы сбрасывать со счетов появление (наряду с традиционными – хадж, паломничество к другим мусульманским святыням, обучение в авторитетных богословских центрах) новых каналов ретрансляции общеисламской солидарности – газет, распространения публицистической литературы, проведения мусульманских съездов и т.д. Более плотная коммуникационная сеть делала все более проницаемыми государст-

¹¹ Показательно, что член мусульманской фракции в Государственной думе С. Максудов в 1910 г. призывал к русско-турецкому сближению (см. Исхаков С. Мусульманская психология ... С. 6).

¹² Джадидизм – движение за реформирование мусульманской системы образования и приобщение мусульман к достижениям современной культуры и науки.

¹³ Арапов Д.Ю., Котюкова Т.В. Архивные материалы Министерства внутренних дел Российской империи о мусульманской движении начала XX века // http://www.kennan.ru/index.php/corporate/media/islam_conf/node_361/xx

венные границы для идей общемусульманской солидарности, принимавшими всё более выраженный освободительный (от засылы христианских держав) характер. В любом случае в первые десятилетия XX в. происходило расширение политико-идеологического пространства «российского мусульманства» за пределы государственных границ России.

Все это создавало особый психологический климат, который влиял на восприятие российскими мусульманами внешнеполитических событий, так или иначе затрагивающих чувства приверженцев ислама. В период итало-турецкой (1911–1912 гг.) и балканских (1912–1913 гг.) войн сочувствие российских мусульман было на стороне единоверных турков, а в Крыму мусульманские благотворительные общества занимались сбором средств на помощь Турции. Показателен секретный циркуляр, направленный Туркестанским генерал-губернатором А.В. Самсоновым военным губернаторам областей края, российскому политическому агенту в Бухаре и начальнику Аму-Дарьинского отдела в октябре 1912 г., в период поражений Турции в войне с коалицией балканских государств. В этом документе, в частности, указывалось: «Миллионы мусульман, живущих вне пределов Турции, в том числе и в России, несомненно, живо сочувствуют несчастьям, постигшим армию султана, как духовного главу мусульманского мира. Многомиллионное туземное население наших среднеазиатских владений, по-видимому, тоже приносит известную дань такого сочувствия туркам, и при известной впечатлительности, некультурности и потому легковёрности местного населения возможны известные активные выступления по этому поводу, например: сбор пожертвований на цели «священной войны», пропаганда активной поддержки турок и т.п.». Местным властям предписывалось «ни под каким видом не допускать появления в крае турецких выходцев, пропагандирующих идеи джихада, и вообще посильной помощи султану, как халифу»¹⁴.

В связи с вступлением Османской империи в Первую мировую войну стамбульский шейх-уль-ислам издал фетву, в которой подчеркивалось, что «Россия, Англия и Франция враждебны к исламскому халифату» и прилагают все усилия для того, чтобы «погасить высокий свет ислама». Фетва призывала мусульман, находящихся под властью названных правительств, обя-

¹⁴ Цит. по: Арапов Д.Ю., Котюкова Т.В. Архивные материалы ...

вить им «священную войну»¹⁵. Турция предстала в фетве как объект очередного крестового похода, против которого у мусульман европейских стран было одно средство - джихад, то есть борьба в защиту веры. На действенности этих призывов не могло не сказаться то обстоятельство, что турецкий султан по-прежнему пользовался особым авторитетом как глава самого крупного и сильного мусульманского государства. Ответной реакцией российского правительства стало распоряжение местным властям через указных мулл разъяснить прихожанам ничтожность стамбульской фетвы о священной войне.

По данным российских властей, уже вскоре после начала военных действий между Россией, Австро-Венгрией и Германией и еще до вступления в войну Османской империи турецкое правительство командировало в мусульманские регионы России, прежде всего на Кавказ и в Туркестан, своих эмиссаров для пропаганды среди мусульманского населения идей панисламизма и священной войны с неверными¹⁶. В департаменте полиции, внимательно отслеживавшем умонастроения населения мусульманских регионов России, в июле 1916 г. была подготовлена справка, в которой констатировалось: «Под влиянием этой пропаганды среди некоторой части мусульман Кавказа и Туркестана стало замечаться стремление к оказанию в той или иной форме активной помощи Турции, в виде денежной помощи на военные нужды, а среди сартовского населения Туркестана образовались тайные комитеты («моджахеды»), занявшиеся агитацией за восстание против России и вошедшие в сношения с афганским правительством, подстрекая последнее к выступлению против России и обещая в случае объявления войны свою помощь. Остальная часть мусульманского населения, хотя и сохранила внешнюю лояльность, тем не менее сочувственно относится к туркам и немцам и с интересом следит за действиями турецких и германских войск, в надежде, что Турецкая империя всемусульманского халифата при содействии Германии, постепенно развивая свое могущество и свое международное значение, рано или поздно освободит их от христианского ига»¹⁷. Дейст-

¹⁵ Цит. по: Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. 1919–1927. Т. IV. М., 1934. С. 350–351.

¹⁶ Панисламизм в политической жизни Дагестана начала XX века // Новое дело. 2007. 2 февраля.

¹⁷ Цит. по: Арапов Д.Ю., Котюкова Т.В. Архивные материалы ...

вительно, военный кризис 1914–1918 гг., как никогда прежде, выявил феномен «расколотости самосознания» российских мусульман между верностью своему «отечеству» и желанием побед турецкому оружию. Как небезосновательно отметил С. Исхаков, «мировая война поставила российских мусульман перед проблемой нравственного выбора»¹⁸.

Политическая ситуация, возникшая с началом Первой мировой войны, вынуждала мусульман к настойчивым заверениям и демонстрации своего патриотизма. Мусульманские газеты России призывали единоверцев выполнить «как свой воинский долг, так и все гражданские обязанности»; в Казани уже 21 июля 1914 г. состоялась манифестация под патриотическими лозунгами¹⁹. Авторы публикаций в мусульманских изданиях, обосновывая справедливость вооруженного противостояния России с Турцией, стремились вывести за скобки религиозный компонент, понимая, что преимущество на этом поле легко окажется на турецкой стороне. Поэтому подчеркивалось, что война навязана Германией, и Турция является безвольной игрушкой в руках немцев. Солидарные усилия видных представителей российских мусульман были направлены на подрыв престижа турецкого султана-халифа в глазах правоверных.

Внешне ситуация не изменилась и после вступления Турции в войну 29 октября 1914 г. Мусульманские лидеры по-прежнему ратовали за победу православного монарха. Муфтий Оренбургского духовного собрания, а также главы суннитских и шиитских управлений Российской империи призывали мусульман выступить со всем русским народом на защиту дорогого отечества от врагов. О своей верноподданнической позиции заявили и члены мусульманской фракции в Государственной думе. При содействии мусульманского духовенства и авторитетных общественных деятелей был организован сбор пожертвований на нужды фронта.

Вместе с тем Турция в годы войны не могла не попытаться использовать потенциал панисламского и пантюркистского движения в своих интересах. В 1915 г. в Стамбуле был создан Комитет по защите прав мусульманских тюрко-татарских народов России во главе с казанским татаринцем Юсуфом Ачкура, проживавшим с 1908 г.

¹⁸ Исхаков С. Мусульманская психология ... С. 6.

¹⁹ Климович Л. Указ. соч. С. 287.

в Турции. Деятельность Комитета распространялась в основном на страны Четвертного союза; его представители, посещая в 1915–1916 гг. Берлин, Вену, Софию, информировали правительственные круги и общественность стран Центральной Европы о бедственном положении тюркских народов России. Так, в конце 1915 г. депутация Комитета посетила венгерского премьера графа И. Тису с целью донести информацию об унижениях и бедствиях российских мусульман²⁰. При активном поощрении Стамбула члены Комитета разрабатывали проекты отделения от России Туркестана, воссоздания Крымского и Казанского ханств. Мусульманские газеты, издававшиеся в России, поспешили отмежеваться от взглядов и деятельности протурецкой и германофильской струи пантюркистов. Военная обстановка побуждала российские власти усилить внимание к «мусульманскому вопросу», что проявлялось прежде всего в ужесточении контроля за мусульманским духовенством, религиозными школами, за деятельностью мусульманских организаций и их лидеров.

Следует отметить существенные отличия в положении мусульман во внутренних районах России и в приграничных областях Кавказа, оказавшихся в зоне военных действий. Неприятным сюрпризом для российских властей оказались симпатии и поддержка наступавшей турецкой армии со стороны аджарских и карских мусульман. Лидеры азербайджанских мусаватистов, опасавшиеся распространения обвинений в предательстве на всех кавказских мусульман, обвинили их в «великой измене России»²¹. Впрочем, благоприятно складывавшаяся для русской армии обстановка на Кавказском фронте на время нейтрализовала проявления протурецкой ориентации части мусульман Кавказа, хотя, по некоторым утверждениям, руководители партии Мусават поддерживали в годы войны тайные контакты с турецким руководством и генеральным штабом²².

В целом, сочувствие российских мусульман единой Турции не принимало каких-либо организационных форм, которые могли бы создать дополнительную серьезную угрозу безопасности Российской империи. Власти, с понятной тревогой от-

²⁰ Червоная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // http://magazines.russ.ru/oz/2003/5/2003_5_53.html.

²¹ Климович Л. Ислам ... С. 321.

²² Иголкин А. Независимое Закавказье: Уроки 1917–1921 гг. // <http://www.hayastan.ru/armvest/jurnal01/j01-stat16.html>.

носившиеся к малейшим проявлениям пантюркистских или панисламистских настроений, в конечном итоге были вынуждены констатировать, что «в широких мусульманских массах сочувствие к Турции чисто идейное...»²³. Это заключение не опровергается тем фактом, что в годы Первой мировой войны, в 1916 г. в российском тылу произошло масштабное восстание мусульман Средней Азии, поскольку оно было спровоцировано не подрывной деятельностью турецких эмиссаров и их местной агентурой, а непродуманными шагами местных властей.

Таким образом, религиозная идентичность мусульманских подданных Российской империи не создавала непосредственной угрозы устойчивости имперской структуры. Призывы к джихаду, периодически звучавшие из Стамбула, не влияли на ход военных действий в период русско-турецких вооруженных конфликтов, хотя и заставляли российские власти предпринимать превентивные меры для нейтрализации симпатий к турецким единоверцам со стороны российских мусульман. Первая мировая война, разворачивавшаяся на фоне подъема национального самосознания народов, прежде оттесненных на мировую периферию, придала новый импульс и новые проявления феномену раздвоения самосознания мусульманских народов: как приверженцы ислама они не могли не сочувствовать и симпатизировать единой Турции; как подданные Российской империи они должны были желать победы своему отечеству. Военный кризис 1914–1918 гг. продемонстрировал глубинные подвижки в процессах формирования этноконфессиональных идентичностей и тем самым создал условия для «социальных мутаций», проявившихся после исчезновения имперской скрепы в результате революционных потрясений в России в попытках создания независимых государств для мусульманских народов.

²³ Панисламизм ...

О.А. Аршинцева
Европейская политика Великобритании
и принятие «плана Дауэса» в 1924 г.

Опыт мирного урегулирования после Первой мировой войны сохраняет свою актуальность не только в связи с тем, что исторически впервые этот процесс приобрел глобальный характер, но по ряду других причин. Одна из них заключается в попытке включить в традиционный политико-дипломатический процесс экономический фактор, что несомненно было ответом на вызовы времени и рассматривается современными исследователями как проявление зарождающейся либеральной тенденции в мировой экономике и политике¹. Первым проявлением указанной тенденции стал разработанный в 1924 г. и принятый на Лондонской конференции «план Дауэса», который знаменовал собой не просто ревизию версальской репарационной схемы, а комплексный подход к проблемам европейской экономической реконструкции. Хотя в процессе подготовки и проведения Лондонской конференции произошло явное перераспределение ролей между ее инициаторами – США и Великобританией, участие последней не свелось исключительно к дипломатическому обеспечению нового проекта. Поэтому изучение британской позиции в связи с принятием «плана Дауэса», ее эволюции и воздействия на европейское урегулирование представляет особый интерес в русле современных исследований международных процессов XX в. Указанный сюжет весьма популярен в историографии Великобритании и обеспечен разнообразными источниками, однако в отечественной британистике и истории международных отношений в целом отсутствуют специальные работы, которые бы преодолели оценки и подходы, сложившиеся еще в советский период.

Предыстория «плана Дауэса» в английской политике связана с программой европейской реконструкции, разработанной по инициативе правительства Д. Ллойд Джорджа на рубеже 1921–1922 гг. Она отталкивалась от идеи известного экономиста Дж.М. Кейнса о том, что без стабилизации германской экономики невозможно послевоенное восстановление Европы в целом, что, в свою очередь, диктует необходимость смягчения репара-

ционных претензий в отношении Германии. Не будучи принятой на Генуэзской конференции 1922 г., эта программа в своих основных принципах сохранила значение для европейской политики консервативного правительства С. Болдуина, сменившего Ллойд Джорджа в конце 1922 г., и лейбористского кабинета Р.Макдональда, сформированного осенью 1923 г. на фоне первого значительного парламентского успеха Рабочей партии. Но впервые контуры будущего «плана Дауэса» проступили в британском проекте, представленном в Репарационную комиссию накануне французской оккупации Рура в январе 1923 г. Высказанное там предложение передать репарационную проблему на рассмотрение международной комиссии экспертов, связав ее с определением платежеспособности Германии, прозвучало в унисон заявлению американского госсекретаря Юза, с которым он выступил в условиях назревания репарационного кризиса в декабре 1922 г. Это свидетельствовало о сближении английской и американской позиций в противовес французской не только по проблеме репараций, но и во взгляде на перспективы европейского урегулирования в целом. Однако, как показали события Рурского кризиса 1923 г., для осуществления англо-американского проекта должны были созреть условия. Главным из них оказалось то, что французская сторона осенью 1923 г. была вынуждена признать неудачу своей акции в Руре – на фоне нараставшего финансового и общественно-политического кризиса в Германии. Именно английская дипломатия на протяжении двух месяцев между отменой «пассивного сопротивления» (о чем заявил новый германский канцлер Г. Штресман 26 сентября) и решением Репарационной комиссии от 30 ноября о создании комитетов экспертов, оказывала давление на Францию, чтобы она смирилась с поражением и отказалась от силовых методов решения репарационной проблемы. Таким образом были подготовлены условия для проведения более либерального курса правительства Макдональда.

Приход лейбористов к власти означал не просто очередную перегруппировку политических сил в стране, он свидетельствовал о кризисе традиционного либерализма и стал первым этапом перестройки двухпартийной системы. Если рассматривать более широко, то это было частью леволиберальной тенденции в европейской политической практике послевоенного периода, которая проявила себя в деятельности нового французского правительст-

¹ См.: Williams A. Liberalism and the War: the Victors and Vanquished (The New International Relations). N.Y., L., 2006.

ва Э. Эррио и позиции Штреземана в Германии. Во внешней политике Макдональда, который занял, наряду с премьерским, и пост министра иностранных дел, причудливо сочетались пацифистские лозунги и идеи «новой дипломатии», сформулированные лейбористами еще в годы войны, и принцип преемственности, значение которого некоторые английские исследователи даже склонны преувеличивать (М. Гилберт). Основной дипломатической проблемой, унаследованной Макдональдом от предшественников, оставался выбор оптимальной линии поведения между Францией и Германией.

Внешнеполитические симпатии лейбористского руководства принадлежали побежденной Германии. Эти позиция, представленная в парламенте, прессе и общественном мнении, сыграла свою роль в усилении прогерманской направленности официального курса в первые послевоенные годы. В частности, для Ллойд Джорджа в его европейской политике она служила дополнительной поддержкой и противовесом профранцузским симпатиям его оппонентов-консерваторов. На фоне назревшего в итоге Рурского кризиса разрыва с Францией крепнущие англо-германские дипломатические контакты, в отличие от отношений с бывшей союзницей, имели мощное персональное подкрепление в лице британского посла в Берлине («посла мира», как он именует себя в опубликованных дневниках) лорда д'Абернона. Однако без Франции формальное обсуждение нового репарационного проекта не могло начаться, поэтому новое британское руководство вынуждено было искать способы как-то сгладить французские обиды из-за поражения в Рура. В первые месяцы 1924 г. эти два направления дипломатической активности – в отношении Берлина и Парижа – развивались параллельно.

Назначенные Репарационной комиссией международные эксперты в составе двух комитетов во главе с американцем Ч. Дауэсом и англичанином Маккенной должны были найти способы, как сбалансировать германский бюджет, восстановить стабильность марки и вернуть германские капиталы из-за рубежа. В январе-феврале 1924 г. они начали свою работу в Берлине – в тесном контакте с д'Аберноном: он не только встречался с Маккенной и английскими представителями в комитете Дауэса, но и сформулировал в специальном меморандуме первоочередные вопросы, которые должны привлечь внимание экспертов. Главные задачи, по его мнению, состоят не в окончательном решении репарационной про-

блемы, а в стабилизации финансов Германии, поэтому необходимо разработать скользящую схему репарационных выплат в зависимости от восстановления платежеспособности страны, максимально сократить расходы на содержание оккупационных армий и эвакуировать французские войска из Рура². Именно так он интерпретировал английскую политику, которая, по его словам, направлена не на подчинение Германии, а на обеспечение прочного мира в Европе. Это искреннее, «добросовестное», стремление создает основу для тесного англо-германского сотрудничества. В этом свете самую высокую оценку у британского посла заслужил новый германский министр иностранных дел Г. Штреземан как политик, разделявший указанные цели³. В ряду тогдашних германских политиков он оказался самым подходящим партнером в дальнейших англо-германских контактах и на этапе обсуждения, и в процессе принятия будущего «плана Дауэса». Очевидно, Штреземан был наиболее восприимчив к риторике лейбористского премьера, который в официальных заявлениях и дипломатических беседах неоднократно подчеркивал ту высокую степень доверия, которую оказывают инициаторы нового проекта по отношению к Германии, не предусматривая применительно к ней санкций за невыполнение обязательств⁴. Естественным продолжением этой линии, после того, как доклады экспертов были представлены, стали усилия д'Абернона, направленные на то, чтобы германское руководство без колебаний приняло новую схему. Находясь в мае 1924 г. в Лондоне, он получил в правительстве и Форин офисе недвусмысленные инструкции: там полагали, что любая нерешительность со стороны Германии усилит по отношению к ней враждебность и недоверие⁵. Британские рекомендации достигли желаемого результата: германское правительство заявило, что одобряет экспертный проект в качестве основы для решения репарационного вопроса.

Другое, «французское» направление британской политики встретило на своем пути гораздо больше препятствий. В русле англо-французских контактов первых месяцев 1924 г. Макдональд, по его собственным словам, взял на себя задачу «сделать

² D'Abernon. An Ambassador of Peace. Lord d'Abernon Dairy. Vol. 2. L., 1929. P. 47.

³ Ibid. P. 12.

⁴ Marquand D. Ramsay Macdonald. L., 1977. P. 336.

⁵ D'Abernon. Op. cit. Vol. 3. P. 65.

жест доброй воли» в отношении Франции⁶, который вылился в дипломатический обмен письмами с премьер-министром Р. Пуанкаре. Вряд ли подчеркнутое дружелюбие с британской стороны могло кого-либо обмануть, тем более заставить французского премьера, инициатора акции в Рура и сторонника жестких репарационных требований, резко изменить позицию. Эти дипломатические шаги, цитируя парламентское выступление самого Макдональда, должны были только «оздоровить атмосферу»⁷, а практически это означало, что от Франции ожидали подтверждения ее согласия на новый репарационный проект. И еще одна практическая цель скрывалась за пацифистской риторикой английских посланий – разделить репарационную проблему и вопрос об оккупации Рура. Однако Пуанкаре не поддался на дипломатическое давление и подтвердил свою позицию: Франция выведет войска из Рура, когда Германия заплатит репараций⁸. Кстати, эту позицию первоначально разделял и преемник Пуанкаре Э. Эррио, ставший премьер-министром в результате победы «левого блока» на парламентских выборах в мае 1924 г.

Начало следующему этапу обсуждений было положено 9 апреля, когда оба комитета представили свои доклады Репарационной комиссии. Первый из них, получивший название «плана Дауэса», как раз и содержал новый репарационный проект, который связывал скользящую ежегодную схему выплат с конкретными источниками восстановления германского бюджета. В отличие от всех предыдущих репарационных схем, эта не фиксировала общей суммы и, более того, предусматривала частичный мораторий на четыре года – именно столько времени авторы проекта отводили для финансово-экономического восстановления Германии. Бюджет, денежное обращение, система кредита и перевод германских платежей подлежали внешнему контролю, в частности, финансовый контроль должен был осуществлять генеральный агент по репарациям, являвшийся председателем комитета по трансферу⁹.

⁶ Great Britain. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Vol. 169. Col. 771.

⁷ Ibid.

⁸ Times. 1924. March, 18.

⁹ См.: План решения репарационного вопроса. Доклады комиссий экспертов под председательством Дауэса и Маккенна. М., 1925.

Новый проект, не отменяя самой идеи возмещения Германией военного ущерба, по сути означал отказ от духа и буквы репарационных постановлений Версальского договора, в первую очередь потому, что переносил репарации из политической плоскости в экономическую. Именно это вызвало одобрение британских политических и деловых кругов. «Таймс», «Экономист» в своих публикациях, предваряя заявление Макдональда в парламенте, расценивали новый план как еще один шанс для Европы, чтобы обеспечить мир, безопасность и решение насущных проблем. После официального заявления премьер-министра в палате общин о том, что правительство готово принять этот план, либеральная «Манчестер Гардиан» особо подчеркивала единодушие парламентариев по этому поводу¹⁰.

На фоне всеобщего одобрения особый интерес, однако, представляет позиция одного из самых влиятельных экспертов-экономистов Кейнса, идеи которого, как отмечалось, повлияли на британский подход к репарациям. В статье, опубликованной 12 апреля в журнале «Нэйшн», он не столько критиковал экономические аспекты плана, сколько беспокоился по поводу политических условий его осуществления. Главная трудность – из-за продолжения оккупации Рура, финансовое восстановление невозможно без политического единства страны. Исходя из этого, понятен антифранцузский пафос рекомендаций автора: британское правительство, имея за спиной единодушную поддержку нового проекта в парламенте и общественном мнении, должно действовать твердо и не проявлять слабости в решении этой «скользящей» дипломатической проблемы¹¹.

Как показал ход англо-французских переговоров в июне-июле 1924 г, Кейнс не переоценивал сложность ситуации и степень неуступчивости французов. Хотя Францию представлял более либеральный лидер радикалов, новый премьер Эррио, по вопросу оккупации Рура он, как отмечалось, занял на первых порах столь же жесткую позицию, как и его предшественник. Единственно, в чем он был готов уступить Макдональду, – принять ранее предложенную англичанами поэтапную схему рассмотрения основных в сложившейся вокруг репараций и Рура

¹⁰ Manchester Guardian. 1924. April, 16.

¹¹ Германские репарации и доклад комитета экспертов: Собрание документов. М.-Л., 1925. Приложение. С. 156–160.

проблем. На практике это означало договоренность о проведении конференции, которая, как сообщалось в коммюнике по итогам переговоров, рассмотрит «план Дауэса» и способы его осуществления¹². Два самых спорных вопроса – долгосрочный о санкциях в рамках будущего плана и насущный – об эвакуации французов из Рура – остались за пределами предварительных договоренностей. Именно этим объяснялась антифранцузская обеспокоенность английской прессы, которая сквозила, как в «Таймс», или была высказана напрямую, как в либеральной «Манчестер Гардиан», которые обещали Макдональду в принятии «плана Дауэса» поддержку всей страны¹³. Ход конференции подтвердил высказанные в печати опасения, поскольку именно указанные проблемы, хотя формально не включенные в повестку, вызвали наиболее острые дискуссии.

Лондонская репарационная конференция проходила с 16 июля по 16 августа в два этапа. На первом этапе представители держав-получательниц репараций в составе трех рабочих комитетов должны были рассмотреть восстановление экономического единства Германии, процедуры трансфера и признания ее уклонения от выполнения обязательств. В рамках обсуждения проблемы в комитете под председательством английского министра финансов Ф. Сноудена и возник вопрос о санкциях, ставший в очередной раз камнем преткновения англо-французских разногласий. Не последнюю роль в их обострении сыграл Сноуден, известный своей антифранцузской позицией. Даже вопреки предварительным договоренностям Макдональда и Эррио он настаивал на ограничении права Репарационной комиссии принимать решение о санкциях и предлагал передать его исключительно генеральному агенту по репарациям. Эта идея полностью соответствовала мнению американских экспертов и, что еще более важно, ее поддержали управляющий Английского банка Норманн и американский банкир Ламонт. Опасаясь повторения рурской авантюры, они настаивали на том, что Германия получит заем, если права Репарационной комиссии вмешиваться в ее внутренние дела будут ограничены. Сноуден считал позицию банкиров «совершенно разумной»¹⁴. Его мнение разделяли ведущие

¹² Times. 1924. April, 10.

¹³ Manchester Guardian. 1924. June, 15; Times. 1924. June, 15.

¹⁴ Snowden P. An Autobiography. Vol. 2. L., 1934. P. 670.

английские газеты, включая умеренно-консервативную «Таймс», которая считала альтернативой принятию «плана Дауэса» европейский хаос¹⁵. В итоге Франция была вынуждена в очередной раз уступить англо-американскому финансовому и дипломатическому давлению и признать ограничения полномочий Репарационной комиссии в вопросе о санкциях.

Теперь решение о санкциях могло быть принято только единогласно, в противном случае вопрос будет передан специальной арбитражной комиссии из трех человек во главе с гражданином США. Пленарное заседание 2 апреля завершило первую часть конференции, одобрив работу комитетов и приняв решение пригласить германскую делегацию.

Участникам конференции было очевидно, что ход дискуссий будет зависеть от решения второй спорной проблемы об оккупации Рура. Понимая это, Макдональд еще до приезда немцев прозондировал французскую позицию, но результат оказался неутешительным: как он доложил членам своего правительства, французы настаивают на двухлетнем сроке эвакуации, но это вряд ли приемлемо¹⁶. Однако это не помешало ему обнадежить германскую делегацию, что срок можно сократить и договориться с французами о поэтапном выводе войск из Рура. Поэтому особое значение английский премьер придавал своей посреднической роли во франко-германских переговорах, которые, как отмечалось, проходили за установленными официальными рамками конференции. Такой их характер облегчал участие американского посла Келлога, который получил от своего правительства полномочия наблюдателя, но не ограничился ими.

Под англо-американским нажимом Эррио был вынужден пойти на очередной компромисс и согласиться на 12-ти месячный вместо двухгодичного срок оккупации. Британская пресса, поддерживая дипломатические усилия премьера, оказывала некое морально-психологическое воздействие на французов и немцев, заявляя, что от их взаимной уступчивости буквально зависит спасение Европы¹⁷. Наконец, после консультаций в Берлине германская делегация заявила, что готова принять французское предложение. И 16 августа, в день закрытия конферен-

¹⁵ Times. 1924. June, 25.

¹⁶ Marquand D. Op. cit. P. 343–347.

¹⁷ Times. 1924. August, 15.

ции, между Германией, Францией и Бельгией было подписано соглашение. Тогда же состоялось подписание заключительного протокола с четырьмя приложениями к нему: Германия приняла и брала обязательства выполнять «план Дауэса», утверждалась схема ее финансового и экономического восстановления, был учрежден арбитраж и международный трибунал.

Эти решения положили начало качественно иному периоду «выполнения» репарационных обязательств: в течение пяти лет Германия получала для этого средства в виде международных займов, причем их объем (около 2 млрд долларов от США и 12 млн ф. ст. от Великобритании) почти в 2 раза превышал выплаченную за это время сумму репараций. По выражению Г. Киссинджера, союзники платили Германии, чтобы она платила им репарации¹⁸. Оставшиеся деньги вместе с иностранными инвестициями (английские вложения, в частности, составили к 1931 г. 100 млн ф. ст.) способствовали восстановлению и модернизации германской экономики, что несомненно укрепляло международные позиции Германии.

Если рассматривать новую репарационную политику с точки зрения ревизии версальских принципов, то на ближайшую перспективу она оказалась вполне успешной и подготовила основы для сокращения общей суммы репараций по «плану Юнга», принятому в 1929 г. Она исходила из того, что экономика преодолет трудности послевоенной реконструкции, стабилизация приобретет устойчивый характер, но при этом не предусматривала механизмов противодействия экономическому кризису мирного времени. Справедливости ради стоит отметить, что необходимость разработки антикризисных программ была осознана политиками и экономистами гораздо позже, в том числе, как осмысление опыта Великой депрессии. Ни германская, ни европейская, ни даже процветающая в 1920-е гг. американская экономика, как известно, не избежали потрясений экономического кризиса 1929–1933 гг.

Выступая на закрытии Лондонской конференции, Макдональд выразил не просто формальную удовлетворенность ее итогами, а подчеркнул, что впервые после войны Германии не просто навязали соглашение, а она сама приняла участие в пе-

¹⁸ Киссинджер Г. Дипломатия / пер. с англ. М., 1997. С. 243.

реговорах по его достижению¹⁹. В иной форме и иных обстоятельствах лидер лейбористов повторил один из тезисов, которыми руководствовались сторонники прогерманского вектора британской политики, – необходимо восстановить равноправный статус Германии как важнейшее условие мира и равновесия в Европе. Благая цель, как нередко бывает, оказалась чревата непредсказуемыми последствиями. Логика самого процесса, в британском понимании, требовала следующих политических и дипломатических шагов – по привлечению Германии в систему европейской безопасности, в институты нового миропорядка, в первую очередь, в Лигу наций и, наконец, признания принципа паритета в вооружениях. Фигурально выражаясь, этот путь шел из Лондона, минуя Женеву (имея в виду судьбу не ратифицированного Женевского протокола), в Локарно и Лозанну.

Открывавшиеся перспективы стали результатом деятельности не только британской, но в значительной степени новой германской дипломатии в лице Штреземана. Они полностью соответствовали его реалистическому пониманию национальных интересов, главными из которых он считал восстановление предвоенного статуса Германии в отношении экономики, границ, особенно восточных и вооружений²⁰. Принятая им на вооружение тактика компромиссов и умело поддерживаемый в глазах западных (британских) партнеров образ «хорошего европейца» позволили ему преодолеть подозрительность по поводу германо-советских отношений, которая сложилась в Лондоне после Рапалло, и в какой-то степени преуменьшить видимое значение указанного фактора для германской политики.

Спровоцировав и поддерживая активные действия Штреземана, английская дипломатия реально содействовала перегруппировке сил на континенте, которая рассматривалась официальным Лондоном как единственно возможный вариант европейского «умиротворения». Наряду с отмеченными конструктивными началами этому курсу не хватало всесторонней оценки возможных геополитических последствий нового поворота европейской политики. Традиционно присущий английской практике дискуссионный характер процесса формирова-

¹⁹ Times. 1924. August, 18.

²⁰ Carsten F.L. Britain and the Weimar Republic. N.Y., 1984. P. 128.

ния внешнеполитического курса не перевесил принцип преемственности во внешней политике лейбористов. Не случайно английские авторы отмечают, что Макдональд проводил не столько «лейбористскую», сколько «британскую» политику. Нельзя не согласиться с известным английским исследователем Ф. Нортиджем, что преемственность внешнеполитической стратегии в межвоенный период придавала ей консервативный характер и в результате оказалась не признаком силы, а, напротив, одной из причин неудач²¹.

А.Е. Глушков

Гражданская война 1936–1939 гг. в Испании и её влияние на международные отношения в Европе

В середине 30-х годов XX в. политическая ситуация в Европе резко обострилась. Во-первых, гитлеровская Германия начала открытую ревизию версальского миропорядка. Во-вторых, неудачей закончились попытки создать систему коллективной безопасности. В-третьих, на политическую карту Западной Европы навигался «розовый» цвет. В феврале 1936 г. в Испании, а в апреле – во Франции на парламентских выборах победили левые, вступившие в политический союз с демократами в рамках Народных фронтов. Во Франции, сохранявшей длительные и устойчивые республиканско-демократические традиции, приход к власти Народного фронта не вызвал политического шока и открытого столкновения разнополюсных общественных сил. В Испании, где только в начале 30-х гг. была свергнута монархия и провозглашена республика, победа Народного фронта у определенной части общества вызвала резко негативную реакцию. В июне 1936 г. объединенные испанские правые (фашисты и консерваторы-традиционалисты), подняли антиреспубликанский мятеж. Началась гражданская война, которая оказалась в центре внимания европейских общественно-политических сил. Обращение испанских правых, возглавляемых генералом Франко, за военной помощью к Италии и Германии, а испанских левых – к Франции и СССР не исключало возможности привести Европу к политическому расколу, и придания гражданской войне интернационального характера. Гражданская война в Испании становилась индикатором геополитического соперничества ведущих европейских держав. Их реакция на испанские события могла выявить новый расклад сил на международной арене. Результаты гражданской войны во многом определяли дальнейшее соотношение сил и перспективы войны и мира на европейском континенте.

При определении политики в испанском вопросе европейские страны оказались перед альтернативой: вмешаться в конфликт и поддержать одну из сторон, или отказаться от вмешательства. При определении своей политической линии в наиболее сложном положении оказалась Франция. Победа испанских

²¹ Northedge F.S. The Troubled Giant. Britain among the Great Powers 1916–1939. L., 1966. P. 617–619.

правых, апеллировавших к фашистской Италии и нацистской Германии, означала появление врага по всему периметру французских границ и ухудшала стратегическое положение страны. Это неизбежно привело бы, во-первых, к обострению и без того ухудшающихся франко-германских отношений. Во-вторых, не исключалась активизация прогерманских настроений в Лондоне, уже замеченного в поощрении ревизионистской политики Гитлера. Победа испанских левых была близка социалисту Л. Блюму, возглавившему самое антифашистское французское правительство. Кроме того, он испытывал мощное давление со стороны французской компартии, которая требовала оказания немедленной помощи испанскому Народному фронту. Однако французское правительство опасалось, что поддержка испанских левых будет расценена в Европе как просоветская акция. Консервативные политические круги европейских стран были обеспокоены возможностью создания прокоммунистического блока двух государств, одно из которых (Франция) было связано союзническими отношениями с СССР. Таким образом, идеологический аспект оказывался бы тесно увязанным с расстановкой сил на европейском континенте. Париж особенно опасался негативной реакции Лондона, уже неодобрительно относящегося к французским левым экспериментам и заигрыванию с СССР. Принимать самостоятельное решение по испанскому вопросу без консультации с Великобританией в Париже не рисковали.

В Лондоне внимательно следили за испанскими событиями, но без таких эмоций, как во Франции. При внешнем проявлении отрешенности по отношению к результатам гражданской войны, британское правительство тщательно взвешивало её влияние на политический климат в Европе. Во-первых, испанские события затрагивали непосредственные интересы Великобритании в Средиземноморье. Во-вторых, гражданская война в Испании могла вызвать изменение общего баланса сил на континенте. В случае победы левых на континенте укреплялись позиции «марксистов», политическая карта Европы окрашивалась бы в «розовый» цвет. Победа правых укрепляла позиции западноевропейских тоталитарных государств. Любое вмешательство континентальных держав в испанский конфликт усиливало напряженность в Западной Европе и делало войну более осязаемой. В Лондоне отдавали себе отчет в том, что избежать участия Великобритании в новой европейской войне и на этот раз не удастся. Британским правящим кругам было вы-

годнее локализовать гражданскую войну испанскими рамками, не допустить её интернационализации. Лондону необходимо было любой ценой удержать европейские державы от вмешательства в испанские события. Сравнительно легче представлялось это сделать в отношении Франции, уже привязанной к континентальной политике Великобритании. Приехавшему в конце июля в Лондон для консультации Л. Блюму было заявлено, что британское правительство останется в стороне, если французские поставки оружия испанским левым приведут к европейской войне. Этого оказалось достаточно для того, чтобы Франция определила линию своего поведения. В Лондоне стороны пришли к соглашению придерживаться политики невмешательства в испанском конфликте¹.

Не получив поддержки в Лондоне, французское правительство отказало в поставках оружия легитимному правительству Испании, чем облегчило положение мятежных правых. Свой отказ Париж мотивировал стремлением предотвратить перерастание внутрииспанского кризиса в международный конфликт. Французское правительство призвало европейские страны принять политику «невмешательства» во внутренние дела Испании, суть которой заключалась в запрещении экспорта оружия в эту страну. В сентябре 1936 г. в Лондоне был создан «Международный комитет по соблюдению политики невмешательства в испанские дела», в состав которого вошли представители 27 государств. Комитет принял решение о невмешательстве в гражданскую войну в Испании и введении эмбарго на поставку оружия обеим воюющим сторонам. Следуя политике нейтралитета, правительство США распространило на Испанию запрет на продажу оружия и военных материалов.

Советское руководство первоначально не было намерено напрямую вмешиваться в испанский конфликт. Этого не позволяли ни состояние армии, ни состояние экономики, ни начавшаяся борьба с мнимыми «внутренними врагами». Советский Союз присоединился к политике «невмешательства» и Лондонскому комитету, обусловив этот шаг необходимостью прекращения помощи мятежникам со стороны других государств. Но Москва сразу же определилась со своими симпатиями. В СССР с первых дней гражданской войны была инспирирована массированная пропагандистская кампания в поддержку левого республиканского прави-

¹ История дипломатии. М., 1965. Т. III. С. 635.

тельства. Для советского народа испанская республика стала символом антифашистского сопротивления. В стране начался сбор средств поддержку республики. К октябрю в СССР было собрано более 42 млн рублей. Защита испанской республики рассматривалась как «общее дело всего прогрессивного человечества». Зарубежным компартиям по указанию Коминтерна удалось развернуть массовое международное движение солидарности с испанской республикой. На призывы защитить республику от фашизма откликнулись тысячи антифашистов в различных странах мира. Не обученные воевать добровольцы-интернационалисты осенью 1936 г. стали прибывать в Испанию. На них Сталин делал основную ставку в защите республики.

Однако победа Народного фронта, в котором испанские коммунисты играли далеко не руководящую роль, не вызвала у Сталина восторга. Он никогда не доверял социалистам, демократам, и скептически относился к идее Народного фронта, провозглашенной на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г. Сталин не рассматривал испанские события ни как новый этап мировой революции, ни как решающее столкновение между мировым коммунизмом и мировым фашизмом. В декабре 1936 г. советское руководство обратилось к главе республиканского правительства Л. Кабальеро с письмом, в котором призывало не давать повода «врагам Испании представлять её как коммунистическую республику»².

Сталин опасался и победы Франко, ибо она усиливала позиции европейского фашизма, идеологическую войну которому объявил Коминтерн. Главный интерес для советского руководства представляли не внутренние итоги гражданской войны, и не проблема европейской безопасности. Москву больше привлекали перспективы её трансформации в европейскую войну между западными демократиями и фашистскими государствами. Сталин предпочитал столкновение на испанской земле между западными демократиями и фашизмом, ибо война между капиталистическими странами всегда оставалась стратегической целью советской внешней политики. Межимпериалистическая война не только исключала создание единого антисоветского фронта, но и рассматривалась Москвой как катализатор мировой

² Ди Нольфо Э. История международных отношений. 1918–1999. В 2-х т. Т. 1. М., 2003. С. 238.

революции. Сталин предпочитал «революционную развязку» мировых конфликтов.

Свои интересы идеологического и геополитического характера связывала с испанскими событиями Италия. Военная победа Франко могла принести расширение интернациональных границ фашизма, на лидерство в котором претендовал Муссолини. Это была бы победа идеологическая победа итальянского фашизма. Однако Муссолини на первый план ставил геополитические проблемы. Победа Народного фронта Испании делала реальным политический союз с Народным фронтом Франции, результатом которого становилась бесперспективной идея итальянского господства в Средиземноморье. У Муссолини не было иной альтернативы в испанской политике, кроме поддержки Франко. С первых дней мятежа в Испанию направлялись военная техника, боеприпасы, сырье. Хотя в сентябре Италия формально присоединилась к политике «невмешательства», она не отказалась от фактической помощи мятежникам.

Для Германии Испания также представляла определенную геополитическую значимость. Немецкая промышленность проявляла интерес к природным ресурсам страны. Победа испанских фашистов при полной поддержке Германии открывала перспективы германо-испанского военно-политического сотрудничества и усиливала германские позиции на европейском континенте. Оказывая помощь Франко, Гитлер не афишировал военно-политические цели вмешательства в испанский конфликт. Они откровенно прикрывались на всем протяжении гражданской войны идеологическими мотивами. В их центре оказался антикоммунизм и антисоветизм. В нацистском идейно-политическом арсенале антикоммунизм всегда шел параллельно с антиверсальскими установками и импонировал определенным политическим кругам на Западе, особенно в Великобритании. Гражданская война в Испании, не лишенная идеологического смысла, дала антикоммунистической пропаганде германских фашистов карт-бланш. Нацеленная не столько на внутреннее потребление, сколько на внешний мир, она преследовала цель запугать Европу угрозой коммунистической экспансии. При том постоянно подчеркивалось, что противостоять мировому коммунизму способна только нацистская Германия.

Еще с момента провозглашения испанской республики нацисты рассматривали её как «красную угрозу миру и спокойст-

вию в Европе». Победа Народного фронта в Испании означает, по выражению Геббельса, её «реальную большевизацию по образцу советской России», и отражает «тенденцию развития всего европейского континента»³. Нацисты пугали, что вслед за Испанией следующей жертвой «большевизации» может быть Франция. Тогда настанет время «беспредельного развития большевизма в Европе»⁴. Гитлер с первых дней гражданской войны стал оказывать военную помощь испанским фашистам, хотя формально Германия присоединилась к политике «невмешательства». Этот шаг мотивировался готовностью германского правительства «принять участие в дискуссии, которая может воспрепятствовать распространению испанской войны на Европу, а также предотвратить вмешательство иностранных государств во внутренние дела Испании»⁵.

С первых дней гражданской войны успех сопутствовал испанским правым. К октябрю 1936 г. республика оказалась в критическом положении. Возникла угроза Мадриду и общего поражения республики. Явно скоротечная война не устраивала советское руководство. Сталин пошел на рискованный шаг. 23 октября 1936 г. советское правительство официально отказалось от соблюдения соглашения о невмешательстве. СССР начал поставки оружия испанской республике на коммерческой основе. Правительство Народного фронта передало СССР 510 т золота в качестве гарантии предоставления кредитов для закупки вооружения. В Испанию были направлены советские военные самолеты, танки, другое вооружение и материалы. За годы войны в Испании находилось около трёх тысяч советских военных советников. Мадрид удалось отстоять, война приняла затяжной, вялотекущий характер. Сталина это устраивало.

Отказ советского правительства от политики «невмешательства» не только изменил ситуацию вокруг испанской республики, но и вызвал новую расстановку политических сил на международной арене. Перед европейскими политиками встал вопрос о необходимости оценки ближайших и отдаленных последствий испанских событий и определения собственных действий в новых условиях. Произошел прорыв в итало-германских

отношениях, для которых в прежние годы были характерны соперничество, недоверие и даже вражда. Попытка Гитлера в июле 1934 г. организовать в Австрии нацистский мятеж с целью аншлюса вызвали гнев и раздражение Муссолини. Фашистская Италия, которая считала Австрию сферой своих интересов, дала заверения защитить австрийский суверенитет и выдвинула войска к итало-австрийской границе. Гитлер был вынужден отступить. Муссолини «качнулся» в сторону Великобритании и Франции, создав в 1935 г. так называемый «фронт Стрезы», который должен был противостоять попыткам Германии изменить Версальский договор с применением силы.

Однако оба диктатора вскоре поняли, что они больше выиграют от альянса, чем от противостояния. Гитлер первым сделал шаг к примирению, подписав в июле 1936 г. с Австрией соглашение о признании её суверенитета и невмешательстве во внутренние дела. Муссолини, нуждавшийся в признании завоевания Эфиопии, был согласен на примирение с Германией. Дуче пришел к выводу, что отказ Германии от военных ограничений Версальского договора сделал Гитлера ведущим политическим игроком в Европе. С ним выгоднее дружить, чем соперничать.

Реальному сдвигу в итало-германских отношениях способствовала близкая позиция двух стран по отношению к гражданской войне в Испании. В сентябре 1936 г. прибывший в Рим германский министр юстиции Г. Франк от имени Гитлера высказал предложение о развитии германо-итальянского сотрудничества и признании Германией особых итальянских интересов в Средиземноморье. 25 октября 1936 г. в Берлине был подписан широкомасштабный германо-итальянский протокол о двухстороннем сотрудничестве. Вслед за СССР, Германия и Италия отказались от политики «невмешательства» и договорились о согласованной военной помощи Франко. Два правительства договорились о разграничении сфер экономического влияния в Дунайско-Балканском регионе. Кроме того, Германия признала итальянскую аннексию Эфиопии и Средиземное море – сферой интересов Италии. Германия получала свободу рук в Центральной и Юго-Восточной Европе. Германо-итальянский протокол привел к созданию политической «оси Берлин-Рим», вокруг ко-

³ Berliner Tageblatt. 1937. 1. Januar.

⁴ Unser Wille und Weg. 1937. Hf. 1. S. 3.

⁵ Völkischer Beobachter. 1936. 19. September.

торой, по словам Муссолини, должны группироваться другие европейские государства⁶.

Складывающийся на антикоммунистической основе блок европейских фашистских государств в ноябре 1936 г. был логически дополнен германо-японским «Соглашением против Коммунистического Интернационала», известным под названием «Антикоминтерновского пакта». Берлин и Токио обязались вести совместную борьбу против мирового коммунизма. По секретному приложению, стороны обязывались в случае войны одной из них против СССР не заключать с ним соглашений, противоречащих сути «Антикоминтерновского пакта». В конце 1936 г. Германия, Италия и Япония официально признали правительство Франко, ссылаясь на то, что Народный фронт контролирует меньшую часть территории страны. В германских газетах Франко представал как создатель на Пиренеях «национальной Испании», победивший «партийное» государство Народного фронта⁷.

Италия и в последующее время оставалась одним из важных направлений германской политики. Гитлер сознательно отдал Италии основную роль в оказании военной помощи Франко. Фюреру надо было иметь свободу рук для решения геополитических планов в Центральной Европе. Кроме того, Гитлер хотел, чтобы Италия глубже увязла в Испании, и тем самым разрушила отношения с западными демократиями и оказалась привязанной к Германии. Он открыто играл на самолюбии итальянского диктатора, называя последнего «ведущим государственным деятелем мира». Муссолини был польщен вниманием Гитлера, старался оправдать доверие фюрера. В боевых действиях в Испании приняли участие 150 тыс. итальянских военнослужащих. На помощь Франко Италия затратила сумму в 6 раз большую, чем Германия.

В сентябре 1937 г. Муссолини была устроена торжественная встреча в Германии. Гитлеру удалось убедить дуче в необходимости проведения согласованных действий на международной арене и теперь уже в отношении стран Дунайского бассейна. Итальянский диктатор поклялся в вечной дружбе Италии с Германией. Муссолини фактически смирился с будущим включением Австрии в состав Германии. Он лишь рассчитывал на то, что Гитлер не пойдет на решительные действия без предупреждения Италии. В ноябре 1937 г. Италия присоединилась к Антикомин-

⁶ История Италии. В 3-х т. Т. 3. М., 1971. С. 134.

⁷ Berliner Tageblatt. 1937. 2. März.

терновскому пакту. Таким образом, в 1936–1937 гг. формировался единый центр тоталитарных государств, претендующих на гегемонию в мировой политике.

Вмешательство СССР, Германии и Италии от политики «невмешательства» привело к затяжному характеру гражданской войны в Испании. Постепенно её проблемы отошли на периферию европейской дипломатии. Деятельность Лондонского комитета фактически была парализована. Сложившаяся ситуация устраивала всех его основных участников. СССР, Германии, Италия открыто оказывали помощь воюющим испанским сторонам. Позиции Франции и Великобритании значительно сблизились.

Оба эти направления британской внешней политики во второй половине 30-х гг. связаны с деятельностью Н. Чемберлена, ставшего британским премьер-министром в мае 1937 г. Он был убежденным противником участия Великобритании в европейской войне. Нового премьера устраивало то, что испанская война не приняла общеевропейского характера. Более того, он принял наметившийся исход войны в пользу Франко, который к концу 1937 г. контролировал 60% территории страны. В ноябре правительство Великобритании и Франко обменялись официальными представителями, что означало признание Лондоном де-факто правительства правых. Безусловно, советское вмешательство в испанскую войну Советского Союза на стороне левых усилило антисоветизм британского правительства. Антисоветизм сопровождался активизацией давно наметившейся прогерманской политики Лондона.

Чемберлен верил в то, что мир в Европе может быть сохранен при согласии Великобритании, Франции, Италии и Германии. Ради согласия британский премьер-министр был готов признать право Германии на расширение «естественных этнических границ», т.е. на присоединение территорий, населенных немцами, но только мирным путем. Чемберлен считал Гитлера последователем штресемановского внешнеполитического курса, отстаивающим только равноправное положение своей страны в Европе. Чемберлену импонировали обещания Гитлера «раз и навсегда» покончить с «мировым коммунизмом». Это делало нацистскую Германию в глазах британских политиков важнейшей частью «санитарного кордона». При Чемберлене британо-германские официальные и неофициальные контакты получили широкое развитие. По меткому выражению итальянского исто-

рика Ди Нольфо, при Чемберлене «Германия была в большой моде в Лондоне»⁸.

Гитлер при определении конкретных внешнеполитических проектов учитывал все нюансы складывающейся международной обстановки. Свой анализ расстановки сил в Европе и вытекающих из этого задач Германии он дал 5 ноября 1937 г. на секретном совещании высшего военного и политического руководства страны. То, о чем Гитлер писал в «Майн кампф» как о далеком будущем, теперь приняло конкретные планы развязывания новой войны. Речь не ограничивалась возвращением германских колоний. Гитлер говорил о планах территориального переустройства на европейском континенте. Создание «Великой Германии» Гитлер планировал начать с Чехословакии и Австрии. Чехословакия для него была символом Версаля, «искусственным» порождением победителей, несправедливо отказавших трем миллионам немцев в праве на самоопределение, компактно проживавшим в Судетской области. Австрию Гитлер называл «вторым немецким государством». Затем должна была последовать Польша⁹. Гитлер определил, что сложились благоприятные внутренние политические и экономические, а также внешнеполитические условия для расширения германского «жизненного пространства». К внешнеполитическим условиям он отнес затянувшуюся войну в Испании, возможность войны Италии с Великобританией и Францией в Средиземноморье. Гитлер исключил возможность войны англичан против Германии, ибо Великобритания продемонстрировала свое нежелание «быть втянутой в длительную европейскую войну». Вступление в войну Франции без поддержки Англии «является маловероятным». Со стороны Италии «нельзя ожидать никаких возражений» против германских планов. Вступление в войну СССР «является более чем сомнительным» ввиду серьезных проблем на дальневосточных его границах¹⁰.

Уверенность Гитлеру в благожелательной позиции Великобритании придавала встреча в Берлине с заместителем министра иностранных дел Великобритании Галифаксом 19 ноября 1937 г.

⁸ Ди Нольфо Э. Указ. соч. С. 243.

⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. В 2-х т. Т. 1. М., 1981. С. 30.

¹⁰ Там же. С. 31–32.

Галифакс отметил заслуги последнего в превращении Германии в «бастион Запада против коммунизма», имея в виду вмешательство в испанские события¹¹. Гитлер, со своей стороны, предупредил англичан, что единственной катастрофой для Европы является большевизм. Фюрер подчеркнул, что «в случае всеобщего конфликта» в Европе выиграет только Советский Союз. Галифакс выразил согласие с мнением Гитлера о «несправедливости» Версальского договора и необходимости изменений европейского порядка, в частности в отношении Данцига, Австрии и Чехословакии. Но Галифакс при этом подчеркнул, что «Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции»¹². Британский дипломат дал понять, что указанные изменения в Европе могут произойти на основе совместных решений четырех великих западноевропейских держав. Стороны констатировали расхождение только по колониальному вопросу, который требует продолжения дискуссии. По итогам визита не было принято никаких конкретных соглашений. Тем не менее, германский МИД назвал его «полезным и отрадным событием». Гитлер сделал вывод, что Великобритания предоставляет ему свободу действий в Центральной Европе.

С конца 1937 г. Гитлер приступил к подготовке аншлюса Австрии. 12 февраля под угрозой германской оккупации было подписано германо-австрийское соглашение, по которому Австрия признавалась «вторым немецким государством» и обязывалась согласовывать свою внутреннюю и внешнюю политику с Германией. Соглашение, по оценкам германской прессы, открывало «новый путь для настоящей дружбы» между двумя странами, т.е. путь к аншлюсу¹³. Уже через месяц, 12 марта, германские войска вошли в Австрию. На следующий день декретом Гитлера она была включена в состав рейха. В Германии констатировали, что «австрийского вопроса больше не существует»¹⁴.

Для Гитлера аншлюс стал триумфом его амбициозных геополитических планов. Аншлюс не просто нарушил длительную историческую традицию независимости Австрии. Он изменил соотношения сил в Центральной Европе. Усилился военно-

¹¹ Там же. С. 35.

¹² Там же. С. 42.

¹³ Deutsche Allgemeine Zeitung. 1938. 17. Februar.

¹⁴ Kölnische Zeitung. 1938. 13. März.

экономический потенциал Германии. Её территория увеличилась на 17%, численность населения возросла на 10%. Определилась прогерманская ориентация Италии, хотя отношения между двумя государствами еще не были оформлены договором о союзе. Аншлюс открывал Гитлеру путь на Балканы и в Восточную Европу. Газета «Франкфуртер цайтунг» писала: «Какими близкими стали вдруг Балканы, насколько реальнее станет наше участие в судьбах немецкого населения, рассеянного в юго-Восточной Европе»¹⁵. В большинстве европейских стран предпочитали не заметить исчезновения Австрии. В Венгрии, Польше, Румынии и Югославии поддержали аншлюс. В Лондоне политико-дипломатическое давление Германии на Австрию вызвало опасения, что Гитлер может пойти на силовое решение аншлюса. В английской прессе появились жесткие комментарии по поводу действий Германии в Австрии. Великобритания была обеспокоена оказываемым на Австрию давлением со стороны Берлина. Посол Англии в Берлине Гендерсон в беседе с Гитлером 3 марта предупредил, что территориальные изменения в Центральной Европе должны происходить только с согласия и при участии Великобритании¹⁶. На это Гитлер жестко ответил, что если Англия будет вмешиваться в процесс германо-австрийского урегулирования, то он готов воевать¹⁷. Лондон был вынужден отступить.

10 марта министром иностранных дел Великобритании был назначен Галифакс, давно симпатизировавший Гитлеру. В этот же день новый министр встретился с германским министром иностранных дел Германии Риббентропом, недавно назначенным на этот пост, которого Гитлер считал «специалистом» по Англии. Галифакс подчеркнул, что австрийский вопрос «касается в первую очередь Германии», и Англия не имеет намерения «блокировать» его решение. Англия надеется, что проблема может быть решена мирным путем¹⁸. После аншлюса Великобритания ограничилась вручением германскому правительству ноты протеста. Подобным образом поступила и Франция. Политика

¹⁵ Frankfurter Zeitung. 1938. 17. März.

¹⁶ Документы ... С. 54.

¹⁷ Там же. С. 56.

¹⁸ Там же. С. 71.

«невмешательства» западных демократий трансформировалась в политику «умиротворения».

Ликвидация независимой Австрии не встретила единодушного одобрения в Италии, вопреки ожиданиям и фюрера, и самого дуче. Высказывались опасения в связи с выходом воинственного союзника к итальянским границам. Италия не только не получила от Гитлера какой-либо компенсации. О предстоящем аншлюсе Австрии Муссолини получил известие от фюрера только 11 марта. Чтобы успокоить итальянцев и смягчить негативные последствия односторонней ориентации на Германию, Муссолини пошел на подписание в апреле 1938 г. англо-итальянских протоколов, известных под названием «Пасхальных соглашений»¹⁹. Они фиксировали общность итало-британских интересов, стремление к добрым отношениям и всеобщему миру. Подтверждалось сохранение статус-кво в Средиземноморье, а также признание Великобританией захвата Эфиопии. Было фактически легализовано присутствие итальянских войск в Испании согласием на их вывод после окончания войны. В апреле начались и итало-французские переговоры на предмет урегулирования франко-итальянских спорных проблем.

Гитлер не мог допустить ослабления наметившегося германо-итальянского альянса. В мае 1938 г. Гитлер посетил Италию с давно обещанным визитом, чтобы продемонстрировать прочность несколько ослабленной «оси Берлин–Рим». Визит не привел к подписанию новых документов, но немецкий диктатор всем своим поведением и выступлениями перед тысячами итальянцев старался показать уважение к Италии и лично к Муссолини. Гитлер заверил итальянцев, что дружба между двумя государствами и итало-германская граница «навсегда останутся нерушимыми». Гитлер и Муссолини обсудили и германские планы в отношении Чехословакии. Дуче поддержал германские претензии, указывая на «двусмысленное» положение Чехословакии на политической карте Европы, в связи с её многонациональным характером. Германо-итальянское взаимопонимание было восстановлено, хотя Муссолини и опасался, что Гитлер спровоцирует судетским вопросом европейскую войну, к которой Италия не была готова.

¹⁹ Ди Нольфо Э. Указ. соч. С. 256-257.

После аншлюса Австрии Германия начала массированную дипломатическую и пропагандистскую кампанию против Чехословакии. Германское командование разработало план военной операции против Чехословакии под кодовым наименованием «Грюн». Германские дивизии вышли к чехословацкой границе. Начался закулисный дипломатический торг между Великобританией, Францией и Германией, объектом которого была Чехословакия. Чемберленовское «умиротворение» превратилось в постоянное отступление британского правительства перед натиском Гитлера. Британский премьер пришел к выводу, что единственным решением для сохранения мира является частичное расчленение Чехословакии на основе проведения плебисцита в Судетской области и передачи её Германии. Чемберлен публично предупредил французов, что британские гарантии не будут действовать, если Франция ввяжется в войну с Германией сама, не подвергнувшись германскому нападению. Французскому правительству, возглавляемому Даладье, ничего не оставалось, как действовать заодно с Чемберленом. Чехословацкому президенту Бенешу разъяснили, что из-за Судетской области ни Франция, ни Великобритания с Германией воевать не будут. Великобритания и Франция предпочли уступить Гитлеру Судеты, ссылаясь на необходимость сохранения мира в Европе. Одновременно Лондон и Париж предупредили, что на оставшуюся часть территории Чехословакии распространяются британо-французские гарантии. В конце сентября Франция объявила о частичной мобилизации армии, а Великобритания – военно-морского флота. В лондонских парках готовили укрытия от воздушных бомбардировок, населению выдавали противогазы, парижане массами покидали столицу. Прага объявила о всеобщей мобилизации. Ситуация напоминала тревожные дни лета 1914 г. 30 сентября 1938 г. в Мюнхене Гитлер, Чемберлен, Муссолини и Даладье подписали соглашение о расчленении Чехословакии и передаче Судетской области Германии²⁰.

Мюнхенское соглашение фактически подвело итог тому повороту во внешней политике европейских государств, который наметился с гражданской войны в Испании. Западные демократии, начавшие с политики «невмешательства», были парализованы политикой «умиротворения». В Лондоне были убежде-

²⁰ Документы ... С. 329–331.

ны, что в Мюнхене Гитлер «упустил момент» для начала войны, и теперь Европе обеспечен мир. Париж не только окончательно потерял самостоятельность в определении своего внешнеполитического курса, но и допустил развал выстраиваемой с 1919 г. системы «тыловых союзов». Внешнеполитическая инициатива полностью оказалась в руках Гитлера. Уже никто и ничто не могло сдержать его стремления провести «реконструкцию» Восточной Европы известными ему путями. Муссолини, числившийся в германских союзниках, оказался в роли статиста и был вынужден приспособливаться к политике Гитлера.

Внешнеполитическая инициатива полностью оказалась в руках Гитлера. Уже никто и ничто не могло ему помешать делать в Европе то, что он хотел. В результате в марте 1939 г. победой Франко закончилась гражданская война в Испании. Тогда же Великобритания и Франция окончательно предали Чехословакию, которую оккупировали германские войска. Сталин, надежды которого на столь желанную «межимпериалистическую войну» подорвало «умиротворение», перешел к «реальной политике». В Отчетном докладе ЦК ВКП (б) XVIII съезду партии в марте 1939 г. он открыто заявил, что отныне будет учитывать сложившиеся реалии мировой политики, и готов сотрудничать со всеми странами, которые будут уважать интересы СССР²¹. Открывалась возможность для новых политико-дипломатических комбинаций.

²¹ Год кризиса. 1938-1939. Документы и материалы. Т. 1. М., 1990. С. 263.

А.В. Сквородников
Падение Югославии в апреле 1941 г.
(внешнеполитический аспект)

Вопрос о том, почему народы Европы оказались разобщены перед угрозой со стороны гитлеровской Германии, всегда интересовал исследователей, занимающихся этим периодом военной истории и истории международных отношений. Молниеносные военные акции вермахта в 1939–1941 гг. стали возможны по очень многим причинам. Дело здесь, конечно, не только в мощи и непобедимости немецкой армии в сравнении с другими государствами. Последующие события отчетливо доказали возможность эффективной борьбы с войсками Гитлера. Разгром и капитуляция Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Нидерландов и Франции – типичные подтверждения успешности блицкрига против каждой конкретной страны. Западные союзники не смогли скоординировать свои дипломатические и, что в изменившихся условиях более важно, военные усилия против общего врага.

Перед началом нападения на СССР и окончательного включения Великобритании из европейских дел Гитлеру весной 1941 г. было необходимо обезопасить свои южные рубежи, а именно достичь превосходства на Балканском полуострове. Это, в свою очередь, предполагало изгнание британцев из Греции, а также принуждение (дипломатическое или военное, данные методы были тесно взаимосвязаны) Югославии к союзу с государствами «Оси».

Целью данной статьи является выяснение предпосылок, хода и последствий войны Германии против Югославии в рамках противостояния великих держав – Германии, Великобритании и СССР. Актуальность темы обусловлена сложностью и неоднозначностью оценок событий на Балканах в указанный период в контексте последующего развития мировой войны. Данный регион, особенно территория Королевства Югославия, исторически был объектом столкновений интересов ведущих европейских держав. Руководители Югославии, являвшейся сферой приложения усилий великих держав, долгое время были вынуждены лавировать между ними, помимо этого решая целый комплекс внутренних проблем и конфликтов. Раздираемое противоречиями королевство постоянно подвергалось давлению извне, что порождало порой непоследовательные, во многом вынуж-

денные шаги Белграда на международной арене в предвоенный и военный периоды.

Предпосылки трагического для Югославии противостояния с Третьим рейхом начали складываться в межвоенный период и определялись особым международным положением страны. Югославия (КСХС) была создана по итогам Первой мировой войны и являлась одним из элементов Версальско-Вашингтонской системы. За ее стабильное существование в первую очередь отвечали Франция и Великобритания. Если последняя довольно часто дистанцировалась от континентальных европейских проблем, то Франция на протяжении 1920–1930-х гг. стремилась обеспечить порядок в Европе. В том числе это предполагалось делать путем создания «малых Антант» – коалиций восточно-европейских держав под патронажем Парижа. Югославия являлась важной составляющей подобного рода союзов. В это же время Великобритания была заинтересована скорее в сферах влияния, нежели в существовании каких-либо четких обязательств по отношению к данным государствам. По мере усиления Германии, после прихода к власти нацистов и активизации внешнеполитической деятельности Гитлера, международная обстановка начала меняться, что не могло не повлиять на позиции лидеров Югославии.

Внешнеполитическая доктрина Франции была сугубо оборонительной. Руководство страны не видело для себя возможности нанесения превентивного удара по Берлину. Большинство населения, поддавшись пропагандистским приемам, считали себя полностью защищенными «линиями Мажино и Даладье». Страшная реальность опровергла эти иллюзии. В то же время внешняя политика Великобритании всегда сводилась к поддержанию равновесия в мире. Именно баланс сил, особенно на европейском континенте, был краеугольным камнем дипломатической доктрины Лондона. Великобритания считалась флагманом внешней политики стран западной демократии. Другие государства, видя нерешительность Британии по отношению к Берлину, ориентировались в своих действиях на британский пример. Эта порочная модель привела к тому, что Европа оказалась настолько разобщена, что не смогла оказать противодействия немцам ни за столом переговоров в мирное время, ни на полях сражений во время войны. Объективно ситуация конца 1930-х гг. диктовала совершенно иные правила ведения политической игры. В изме-

нившихся условиях многие государства видели для себя выгодные перспективы в сотрудничестве с Германией, особенно это касалось стран Юго-Восточной Европы. В Югославии также были силы, выступавшие за более тесные контакты с Гитлером. С другой стороны, Сербия, исторически сложившаяся основа существования целостного государства, была заинтересована в сдерживании агрессивных намерений немцев на Балканах. К тому же наличие сильного и большого славянского государства, возглавляемого династией Карагеоргиевичей, не устраивало германское руководство. Подобные противоречия привели Югославию к нервным и непродуманным шагам после начала крупномасштабных военных действий в Европе.

В ноябре 1938 г. в Югославию была направлена группа британских офицеров во главе с Дж. Ши. Но одновременно для умиротворения Италии и недопущения еще большего ее сближения с Германией не исключалась возможность отдать Югославию на откуп Муссолини¹. В рамках большой стратегии Великобритании такие действия были вполне допустимы. Впрочем, жизнь в дальнейшем опровергла многие постулаты дипломатии Лондона в предвоенный период и первые месяцы войны. Нападение на Югославию не произошло на данном этапе во многом потому, что существовал целый комплекс противоречий и в рамках «Оси». Все это дало Белграду кратковременную отсрочку для поиска выхода из кризисной и критической ситуации.

Долгое время существовала теория, что Великобритания в полной мере контролировала обстановку в Европе. Но это не более чем мифы об успехах британской разведки. Лондон оказался застигнутым врасплох захватами Дании, Норвегии, слабостью французской армии². Греция, а особенно Югославия были теми государствами, где Великобритания должна была попытаться сохранить свое преобладание, несмотря на активное противодействие со стороны Германии. В свою очередь, Белград, лавируя между великими державами, стремился всеми возможными способами сохранить независимость и обеспечить целостность государства. Хотя нужно признать, что с каждым месяцем

¹ Тарасов Б.Н. Политика Англии в отношении Югославии и Греции в годы Второй мировой войны (июнь 1941 – декабрь 1943 гг.). Краснодар, 1981. С. 3–6.

² Черняк Е.Б. Секретная дипломатия Великобритании. Из истории тайной войны. М., 1975. С. 365.

у руководителей королевства оставалось для этого все меньше и меньше возможностей. Неизбежное приближение катастрофы накладывало свой отпечаток на действия югославского правительства.

К 1941 г. Югославия оказалась со всех сторон окружённой странами «Оси». Было очевидно, что она или присоединится к Тройственному пакту, или будет оккупирована. Внутри самой страны существовали силы, которые вынашивали идею распада государства, поэтому всячески стремились ослабить центральную власть изнутри. Речь в данном случае идет о хорватских радикальных организациях усташей. Если сербы и черногорцы в большей степени ориентировались на Великобританию и в определенной степени на СССР, то хорваты в подавляющем большинстве мечтали о создании своего независимого государства под эгидой фашистских режимов Европы. Подобное положение вещей имело под собой исторически сложившиеся основания. Особенно это стало проявляться на рубеже XIX–XX вв., когда произошла консолидация хорватской и сербской наций, причём этот процесс происходил на фоне чрезвычайно активной национальной пропаганды. Хорваты и, в определенной степени, словенцы считали себя принадлежащими к центральноевропейской культуре; в противовес этому сербы, черногорцы и с некоторыми оговорками македонцы, идентифицировали себя со славяно-православной культурой. Нерешенность межнациональных вопросов и слабость политической системы накладывали отрицательный отпечаток и на международное положение Югославии.

В это же время Германия стремилась окончательно сломить Версальский миропорядок. Одним из последних его элементов было именно наличие на Балканах государства, объединившего многие славянские народы. К тому же Югославия являлась фактически последним оплотом Великобритании на европейском континенте. При этом с начала 1941 г. британское посольство в Белграде превратилось в штаб антигерманской оппозиции в Югославии. Греция, начиная с октября 1940 г., вела изнурительную войну с Италией и, несмотря на успехи, уже вряд ли могла считаться плацдармом для британских дипломатических и военных миссий. Объективно ситуация к марту 1941 г. сложилась таким образом, что Югославия оказалась между двух огней. Несмотря на давление на Югославию со стороны Велико-

британии, а в определенной степени и США³, речь шла о вполне возможном военном вторжении Германии, поэтому руководство королевства решилось пойти на отчаянный шаг. Очень многие политики в самой Югославии и за ее пределами осознавали, что присоединение к Тройственному пакту не только не спасет страну, но и станет катализатором обострения всех имеющихся проблем, а, в конечном счете, приведет государство к распаду и потере независимости.

Март 1941 г. стал финальной точкой в дипломатических метаниях правительства страны. Принц-регент Павел, во многом вопреки мнению части населения, решился примкнуть к коалиции, возглавляемой Германией. 25 марта Югославия официально присоединилась к «Оси», подписав соответствующие документы. То, что последовало за этим шагом правительства, получило в исторических исследованиях неоднозначную оценку. В ответ на произошедшие события сербы и черногорцы вышли на улицы, протестуя против профашистского курса правительства. Можно сказать с полной уверенностью, что данные действия были обусловлены искренним недовольством этой части населения страны присоединением своего государства к извечным врагам – немцам. Другое дело, что государственный переворот 27 марта действительно можно трактовать с различных точек зрения. Часть высшего офицерского состава, во главе с генералом Д. Симовичем свергла Павла и его правительство. Королём был провозглашён молодой престолонаследник – 18-летний Пётр II Карагеоргиевич, немедленно разорвавший пакт. Не исключено, что к перевороту были причастны британские спецслужбы⁴. Великобритания, конечно, получила от этого определенные дивиденды. Скорое открытие «балканского фронта» против Югославии и Греции означало, что Германия, по крайней мере, в ближайшее время не осуществит высадку десанта на Британские острова. Нельзя забывать, что, начиная с весны 1940 г., в ходе «битвы за Англию» идея наземного вторжения немцев на Британские острова постоянно была на слуху. Смена правительства в Белграде означала то, что Гитлер, взбешенный ходом событий, захочет свергнуть неугод-

³ Юнгблюд В.Т., Костин А.А. Политика США в Югославии в 1941–1945 гг. Киров, 2004.

² Avramovski Z. Britanci o kraljevini Jugoslaviji. Beograd, 1996. P. 8.

⁴ См.: Юнгблюд В.Т., Костин А.А. Указ. соч.

ный ему режим. Таким образом, Германия все определеннее поворачивала свои армии на Восток. Война с СССР была явно не за горами. Все это говорило о том, что Берлин готовит себе базу для дальнейшей агрессии⁵.

События в Югославии приблизили начало вторжения Германии на Балканы. Новое правительство стремилось заручиться поддержкой великих держав, в том числе и СССР, для обеспечения гарантий своей безопасности. К тому же с 1 апреля началась мобилизация югославской армии, которую планировалось завершить в течение двух недель. При этом план ведения войны, разработанный генштабом, предполагал не только оборонительные, но и наступательные действия на отдельных участках фронта. Югославские вооруженные силы считались вполне хорошо подготовленными и способными оказать достойное сопротивление противнику. Жестокая реальность опровергла эти предположения.

Несомненным дипломатическим успехом правительства Симовича стало подписания договора с СССР. Хотя нужно признать, что никакой помощи со стороны Москвы не последовало. Это был скорее психологический фактор, призванный поднять боевой дух населения. Но оборонительное сознание истерзанного внутренними и внешними проблемами государства оказалось фактически разрушенным. Именно это стало одной из причин быстрого поражения Югославии в войне, которая началась в ночь на 6 апреля. Германия уже даже не заботилась о пропагандисткой подготовке своего наступления, как это было ранее, поскольку никакого общеевропейского общественного мнения попросту не существовало. Берлин имел полную свободу действий и не замедлил воспользоваться подобным положением вещей. В таких условиях единственным военным союзником Югославии оказалась Греция, также подвергнувшаяся агрессии со стороны Гитлера и его союзников.

По мнению многих военных аналитиков, Югославия имела хорошо подготовленную и прилично оснащенную армию. У Югославии была самая мощная авиация на Балканах⁶. Исходя из этой посылки, следует разобраться, почему противостояние про-

⁵ Creveld M.L. Hitler's Strategy 1940–1941: Balkan Clue. Cambridge, 1973. P. 181.

⁶ См.: Hoptner J.B. Yugoslavia in Crisis. 1934–1941. N.Y., L., 1962.

должалось менее двух недель и вошло в историю как Апрельская или Десятидневная война. Помимо вышеуказанных психологических факторов, речь о которых шла выше, существовали многие объективные причины столь скорой капитуляции, разрушения государства и полной потери суверенитета. Безусловно, немцы имели чисто техническое превосходство, а также превосходство численного состава, так как югославы в полной мере не успели провести мобилизацию. Страна подверглась нападению сразу с нескольких направлений; в агрессии приняли участие ближайшие соседи, заинтересованные в новых территориях. При этом нужно иметь в виду, что на различных участках фронта войска не только сумели сдержать наступавших, но и перешли в наступление. Так, в частности, было на итало-югославской и албано-югославской границах. Это соответствовало югославскому плану R41, но явно не отвечало реалиям военного времени.

На рассвете 6 апреля, в православное Вербное воскресенье, германская авиация нарушила воздушное пространство Югославии. Особенно ожесточенной бомбардировке подвергся Белград – в соответствии с директивой Гитлера Белград должен был быть уничтожен непрерывными дневными и ночными налетами авиации⁷. За несколько дней до этого, столица была объявлена открытым городом и, в соответствии с Гаагской конвенцией 1907 г., не должна была подвергаться атакам. Но к весне 1941 г. не существовало уже никаких международных норм права, договоры не соблюдались и игнорировались.

В целом военные действия против Югославии проходили очень успешно для ее противников. Югославский генштаб и правительство фактически потеряли контроль над ситуацией. Кратковременных успехов отдельные части армии добивались скорее вопреки, нежели благодаря центральному руководству. Ожесточенное сопротивление немцы встретили лишь там, где им противостояли дивизии, укомплектованные по преимуществу сербами и черногорцами. Так, в частности, было на территории Македонии. Военные соединения, где преобладали хорваты, практически повсеместно саботировали борьбу, их солдаты расходились по домам, а нередко убивали или арестовывали офицеров и солдат сербской национальности⁸. Глубокая ненависть,

⁷ См.: The Third Reich and Yugoslavia. 1933–1945. Belgrade, 1977.

⁸ Марковић Ј. Срби и хрвати, 1914-1944. Београд, 1993. С. 187.

культивируемая десятилетиями, получила свое ужасное воплощение в самые тяжелые для Югославии дни. Как наиболее яркое подтверждение предательства своих братьев по крови и языку стало провозглашение 10 апреля уставами Независимого Государства Хорватия. В эти же дни другие народы Югославии продолжали бороться с агрессорами.

Трагичность и обреченность положению королевства добавляло и то, что Великобритания, ранее обещавшая помощь в борьбе с Гитлером⁹, фактически оставила своего союзника один на один с агрессором. Помощь ограничивалась только словами поддержки и одобрения действий югославы со стороны официальных лиц Великобритании. А ведь до войны планировалось, что в Албании совместно с греками и югославами британцы образуют устойчивый фронт борьбы. По существу, это должно было стать повторением варианта Салоникского фронта времен Первой мировой войны. В новых же условиях Лондон в большей степени был заинтересован в том, чтобы воевать с Германией на континенте чужими руками. В дальнейшем такая позиция приведет дипломатию Великобритании в этом регионе к катастрофе. Балканы на долгие годы будут потеряны и станут сферой влияния других государств. Но на данном этапе позиция Черчилля и его советников сводилась лишь к информационным методам воздействия на существующее положение вещей. Пользы и конкретного содействия Югославии от этого не было.

Другой союзник, в лице СССР, также не оказал абсолютно никакой помощи, естественно, имея на это свои причины. В действительности югославская сторона просила СССР оказать содействие как поставками вооружений для своей армии, так и непосредственно отправкой на Балканы советских воинских контингентов, особенно авиации, а также политическую помощь в виде поддержки Югославии перед Берлином. Но Сталин всё ещё считал, что возможно и необходимо и далее уклоняться от прямого столкновения с Германией¹⁰. Так или иначе, Югославия

⁹ Решетникова О.Н. К вопросу о советско-югославском договоре о дружбе и ненападении // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР. М., 1992. С. 112.

¹⁰ Козлов Л. Е. Договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией от 5 апреля 1941 г. в освещении советской печати // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2002. №2. С. 18.

вынуждена была в одиночку сражаться с Германией, при этом надежды на поддержку с чьей-либо стороны не существовало. Греческие войска также терпели одно поражение за другим и неуклонно приближались к капитуляции. Таким образом, к середине апреля 1941 г. для Белграда уже не было перспективы успешного завершения военных действий.

Победоносное шествие вермахта по территории Югославии осложнялось нападениями со стороны местного населения. Опять же, это было характерно лишь для некоторых регионов страны. В Хорватии, напротив, гитлеровцев встречали как освободителей. 11 апреля вновь образованное хорватское правительство обратилось к своим братьям по крови с призывом прекратить сопротивление и потребовало, чтобы они были немедленно отпущены из югославской армии. Подобное поведение было характерно также для немецкой и венгерской групп населения королевства. При этом взаимные нападки и неприятие чужой культуры у граждан некогда единой страны порой были настолько сильными, что удивляли даже агрессоров. Население Югославии состояло из шести крупных народов, а также других национальных меньшинств, питавших друг к другу глубокую ненависть. Они были разделены языком, религией, культурой, устремлениями в будущее¹¹. Поэтому вовсе не удивительно, что так по-разному восприняли войну в различных районах государства. Подобная разобщенность страны играла на руку внутренним и внешним врагам королевства Югославия. К 12 апреля сопротивление королевской армии прекратилось практически повсеместно. Немало было носителей «трезвого взгляда на вещи»: Югославия не может выиграть эту войну, поэтому лучше сдаться в плен и уберечь людей от смерти, а страну от худшей участи. Сражаться продолжали лишь некоторые отдельные отряды, из-за отсутствия связи не имевшие возможность получить оперативную информацию, а также движимые эмоциональными патриотическими порывами. Вооруженные силы страны разваливались с огромной скоростью. Отсутствие центрального руководства и надежных союзников извне, невозможность стабилизировать фронт, наступление противника по всем направлениям, матери-

¹¹ Дейтон Л. Вторая мировая война: Ошибки, промахи, потери. М., 2000. С. 307.

альное и моральное превосходство врага – все это сделало невозможным благоприятный для Югославии исход войны.

Наиболее крупные населенные пункты Югославии были захвачены агрессорами спустя неделю после начала войны. 13 апреля пал Белград – символ независимости не только Сербии, но и всего государства южных славян. Правительство переехало в Сараево, а король Петр эмигрировал из страны. Трагическим, но вполне закономерным завершением противостояния было подписание 17 апреля соглашения о безоговорочной капитуляции армии. Вслед за этим фактически прекратило свое существование и югославское государство. Страна была оккупирована и разделена на части между участниками агрессии. При этом правительство в эмиграции немедленно призвало население к тотальному сопротивлению до полной победы союзников¹².

Итоги агрессии против Югославии, в исторической ретроспективе, не так однозначны, как может показаться с первого взгляда. Для самого королевства противостояние закончилось катастрофой. Полное поражение привело королевство к краху. Некогда крупное государственное образование перестало существовать на карте Европы. Вместо этого появились марионеточные государства, подконтрольные Германии и Италии. Для Третьего рейха это стало очередным этапом, приближающим «новый мировой порядок». Блицкриг в Югославии еще раз доказал мощь и непобедимость вермахта. Акции устрашения (массированные бомбардировки Белграда, расстрелы пленных и гражданского населения) были адресованы тем странам, которые еще сомневались, на чьей стороне выступить, например, Турции. Но наряду с этим имелись и явно отрицательные для государств «Оси» последствия победы. Вскоре на территории бывшей Югославии развернулось наиболее мощное в Европе движение Сопротивления. Это вынуждало Германию иметь здесь довольно большое число своих дивизий, чтобы держать ситуацию под контролем. Помимо этого в дальнейшем немецкое командование видело причину неудач реализации плана «Барбаросса» против СССР в балканской кампании, которая привела к потере шести недель хорошей погоды. Это так называемая «теория задерж-

¹² Peter II, a King's Heritage. The Autobiography of King Peter of Yugoslavia. N.Y., 1954. P. 151.

ки»¹³, в соответствии с которой можно проследить тесную взаимосвязь между событиями в Югославии весной 1941 г. и переброской немецких войск на Восток¹⁴. Стремление военным путем покарать Югославию обернулось для Гитлера трудностями, которых он даже не предполагал.

Для Великобритании молниеносное падение Югославии стало очередным серьезным ударом. После капитуляции Греции и захвата немцами Кипра битва за Балканы была окончательно проиграна. Хотя, с другой стороны, несмотря на то, что позиции Великобритании в данном регионе очень сильно ослабли, все же британская дипломатия получила определенные выгоды даже из того незавидного положения. Прежде всего, подписание советско-югославского договора вызвало рост напряженности в отношениях между Берлином и Москвой. Помимо этого, немецкие войска теперь в основном концентрировались на Востоке, что означало неминуемое приближение военного противостояния Германии и СССР. Для Великобритании это было особенно актуальным, учитывая тот факт, что она на протяжении практически года в одиночку вела борьбу с агрессором.

Таким образом, апрельский разгром Югославии явился одним из последних этапов разрушения Версальской системы международных отношений и, в определенной степени, стал прологом к глобальному противостоянию держав «Оси» и стран антигитлеровской коалиции.

С.Н. Исакова

Проблема заключения государственного договора с Австрией во внешней политике США в 1945–1947 гг.

Политика США в Австрии после Второй мировой войны не была в центре изучения отечественных исследователей, однако сквозь призму решения австрийского вопроса можно глубже понять иерархию интересов «большой тройки» и истоки складывания биполярного мира, а также проследить эволюцию формирования внешнеполитической позиции США в отношении не только Австрии, но и Европы в целом в условиях холодной войны.

Под австрийским вопросом понимается прежде всего проблема государственного и национального суверенитета Австрии после Второй мировой войны и его международного признания. И определялась она во многом особым пограничным положением страны между Востоком и Западом, ее историческим влиянием на страны Центральной Европы и ее границами, сопредельными со странами нового, «советского» блока. Поэтому-то дипломатическая история решения австрийского вопроса так парадоксальна. Первоначально перспективы его решения представлялись более реальными, чем у запутанного германского вопроса. Австрийцы уже с ноября 1945 г. имели Временное правительство (а с декабря – уже легитимное федеральное правительство), в то время как западные немцы сформировали первое правительство ФРГ только в 1949 г. Но если ФРГ конституировалась как суверенное государство, то решение вопроса о государственной независимости Австрии растянулось до 1955 г.

В чем же заключались причины столь длительного затягивания австрийского вопроса? Для поиска ответов нам предстоит рассмотреть стратегию и тактику дипломатии великих держав. В историографии эта проблема не получила достаточного освещения: приоритеты до настоящего времени сохраняются за изучением германского и польского вопросов. Это правомерно, поскольку именно судьба Германии, а также германо-польская граница вызвали жесткие разногласия между руководителями союзных держав. Послевоенный баланс сил в Европе определялся в первую очередь статусом Германии и ее будущим политическим курсом, а также процессом постепенной советизации стран Восточной

¹³ Дейтон Л. Указ. соч. С. 502.

¹⁴ Кульков Е.Н. и др. Война 1941–1945: Факты и документы. М., 2001. С. 325.

Европы. В иерархии дипломатических приоритетов они занимали ведущее положение. Но все же австрийский вопрос был неразрывно связан с ключевым германским вопросом и обуславливался внутривосточными изменениями в странах Восточной Европы. Нас будут интересовать мотивы и направления американской дипломатии в осуществлении «союзнической политики» в Австрии, а также ее тактические действия, направленные на обеспечение интересов США в этом регионе.

После признания австрийского правительства 20 октября 1945 г. союзникам необходимо было решить вопрос о статусе Австрии. Американское правительство выдвинуло предложение о мирном договоре с Австрией. Этот вопрос был поставлен на обсуждение союзников американскими дипломатами в Вене 2 января 1946 г. Но так как союзники не вели войну с Австрией как с государством, нужен был не мирный договор, а соглашение, которое подтверждало бы независимость Австрии и регулировало бы её отношения с другими государствами¹. 18 января 1946 г. помощник госсекретаря США Дж.С. Дунн представил меморандум, где говорилось о том, что в интересах восстановления независимости Австрии желательно как можно быстрее подписать с ней договор. По его мнению, договор с Австрией мог урегулировать открытые пограничные вопросы. Поскольку на основании подписанного союзниками мирного договора с Италией Австрия теряла права на Южный Тироль, то в качестве компенсации следовало закончить оккупацию и дать Австрии независимость. Подчеркивая, что Австрия является освобожденной страной, Дунн предложил возможное название соглашения – «договор о восстановлении австрийской независимости»².

6 февраля 1946 г. в госдепартаменте приступили к рассмотрению проекта «Договора о признании независимой и демократической Австрии». 12 февраля 1946 г. американский посол в Вене Дж. Бирнс проинформировал правительства Великобритании, Франции и СССР о намерении США представить проект договора с Австрией Совету министров иностранных дел³. В Лондоне одобрили эту идею, более сдержанно отнеслись в Па-

¹ Foreign Relations of the United States (FRUS). 1946. Vol. V. Wash., 1969. P. 285.

² Ibid. P. 296.

³ Stourzh G. Um Einheit und Freiheit. Wien., 1998. S. 45.

риже, а из Москвы ответа не последовало⁴. Французское правительство объясняло свою сдержанную реакцию тем, что передача полномочий Союзнического совета австрийскому правительству может состояться только после ликвидации нацистского влияния в Австрии⁵.

1 марта 1946 г. в госдепартаменте США был подготовлен ещё один проект договора под названием «Обсуждение возможных пунктов соглашения о восстановлении независимой Австрии»⁶. Американцы представили свой проект договора на Парижской сессии министров иностранных дел 22 апреля 1946 г. Но советский представитель Молотов отказался обсуждать договор по Австрии. Он объяснил это тем, что повестка дня перегружена и, кроме того, советское правительство еще не до конца изучило этот проект договора⁷.

В конце мая 1946 г. американский проект договора был утверждён госсекретарём США и передан трём другим правительствам, и в июне он официально циркулировал как документ Совета министров иностранных дел⁸. В окончательном варианте проект состоял из 16 частей. Рассмотрим его ключевые положения.

Границы Австрии восстанавливались в границах 1937 г., однако оставались открытыми пограничные вопросы с Италией. Независимость и территориальная целостность Австрии должна была уважаться договаривающимися сторонами; Австрия, со своей стороны, не должна принимать на себя ни политические, ни экономические обязанности или проводить мероприятия, которые могли бы повлиять на её независимость. Предусматривалась также армия в размере 66.000 человек. Очень подробной была часть о защите демократической системы в Австрии. Предусматривался запрет нацистских или фашистских организаций и их деятельности, и все несовместимые с демократической системой нормы, изданные 5 марта 1933 г., объявлялись недействительными⁹.

⁴ Ibid.

⁵ FRUS. 1946. Vol. V. P. 305–306.

⁶ Stourzh G. Op. cit. S. 46.

⁷ FRUS. 1946. Vol. II. Wash., 1970. P. 96–103, 934.

⁸ Ibid.

⁹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.17. Оп. 128. Д. 908. Л. 64–73.

США стремились ускорить подписание договора с Австрией по нескольким соображениям. Как считает австрийский исследователь Г. Штурц, решение австрийского вопроса, за которым следовал вывод войск четырех держав из Австрии, могло бы повлиять на положение ФРГ, где были достаточно сильны настроения в пользу нейтралитета Германии. Австрийская делегация ещё на Берлинском совещании не решилась на самостоятельный шаг и не внесла предложения о готовности своей страны стать нейтральным государством. Ее дипломатия оказалась связанной негативной позицией западных делегаций, кроме того, скорейшее подписание австрийского договора с последующим выводом союзнических войск могло предотвратить пребывание русских войск в Венгрии и Румынии. С этим вполне можно согласиться. Действительно, США хотели вытеснить советскую власть из Центральной Европы. Интересной на этот счёт является директива заместителя госсекретаря США Д. Ачесона от 4 апреля 1946 г., из которой следует, что США стремились тогда к одновременному подписанию мирных договоров с балканскими государствами и договора с Австрией. Это сделало бы ненужными, как говорил Ачесон, те положения в мирных договорах с Венгрией и Румынией, которые предусматривали пребывание советских войск в этих странах на срок оккупации Австрии¹⁰.

На Парижской сессии Совета министров иностранных дел 15 июня 1946 г. обсуждалось французское компромиссное предложение обсуждения не «договора с Австрией», а «проверки австрийских вопросов». В последний день парижской сессии Совета, 12 июля 1946 г., состоялась эта «проверка». Молотов представил проект резолюции, состоящий из четырёх пунктов¹¹.

В пункте 1 говорилось, что второе контрольное соглашение от 28 июня 1946 г. значительно расширяет компетенцию австрийского правительства и содействует скорейшей ликвидации остатков гитлеризма и окончательному отделению Австрии от Германии, что ведёт к укреплению демократии в Австрии. В пункте 2 предполагалась эвакуация 437.000 беженцев из Австрии, так как среди этих людей могли находиться опасные для австрийской демократии представители «профашиски настроенных народов». В пункте 3 говорилось, что успешное достижение

¹⁰ FRUS. 1946. Vol. V. P. 326.

¹¹ FRUS. 1946. Vol. II. P. 936-940.

упомянутых целей создаст необходимые предпосылки для передачи полной власти австрийскому правительству и для восстановления полной независимости Австрии. Пункт 4 предусматривал передачу подготовки договора с Австрией заместителям министров иностранных дел после того, как они закончат работу по договорам с прежними союзниками Германии¹². Американский госсекретарь Дж. Бирнс и британский министр иностранных дел Э. Бевин высказывались за реализацию пункта 4 независимо от других пунктов. Однако Молотов настаивал на том, что нужно выяснить сначала вопросы, указанные в пунктах 1 и 2¹³. В итоге протокол заседания Совета от 12 июля 1946 г. лаконично отмечал пункт по Австрии в повестке дня: «Обменялись мнениями по этому вопросу»¹⁴. Австрийская тема таким образом была отодвинута до следующей сессии Совета министра иностранных дел в Нью-Йорке в ноябре – декабре 1946 г.

После того, как в декабре 1946 г. были подготовлены мирные договоры с Италией и другими странами фашистского блока, союзники вернулись к австрийскому вопросу. 7 декабря 1946 г. Бирнс и Молотов представили Совету министров иностранных дел в Нью-Йорке план следующей сессии, которая должна была заседать в феврале или марте 1947 г. в Москве, где предполагалось обсудить договоры с Германией и Австрией. Кроме того, американская сторона настаивала на том, чтобы выделить особых уполномоченных или заместителей министров иностранных дел, задачей которых была бы подготовка проекта договора для рассмотрения Советом министров иностранных дел. 11 декабря 1946 г. Совет принял решение, что особые уполномоченные по немецкому и австрийскому вопросам 14 января 1947 г. должны будут собраться в Лондоне, а 10 марта 1947 г. приедут в Москву на сессию Совета¹⁵.

16 января 1947 г., в первый день переговоров в Лондоне, четыре державы договорились о заголовке договора с Австрией: «Договор о восстановлении независимой и демократической Австрии»¹⁶. В Лондоне обозначились две проблемы, которые впо-

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 939.

¹⁵ FRUS. 1946. Vol. II. P. 1530.

¹⁶ Stourz G. Op. cit. S. 62.

следствии станут основным препятствием к подписанию государственного договора с Австрией. Именно по этим проблемам союзники не смогут договориться окончательно. Первой проблемой были югославские претензии к Австрии, поддерживаемые Советским Союзом, второй – немецкая собственность в Австрии.

Югославская проблема была отражена в «Меморандуме правительства Федеративной Народной Республики Югославии о словенской Каринтии, словенских пограничных районах Штирии и хорватском Бургенланде», изданном 16 января 1947 г.¹⁷ Югославское правительство выдвигало претензии на получение репараций от Австрии в размере 150 млн долл., на территориальные уступки в Каринтии и Штирии, а также на особый устав для бургенлендских хорватов¹⁸.

Наиболее серьёзными были территориальные требования Югославии. Они касались территории в Каринтии площадью в 2470 кв. км с 180 тыс. жителей, в Штирии площадью в примерно 130 кв. км с 10 тыс. жителей, а также столицы земли Клагенфурт.

Австрийская сторона отвергла югославские требования, ссылаясь на результаты каринтийского плебисцита 1920 г., на котором был решён вопрос о единстве Каринтии. Кроме того, границы между Югославией и Австрией определялись Сен-Жерменским договором 1919 г.¹⁹

До весны 1947 г. югославские претензии поддерживались советской стороной. Затем, в результате двухсторонних встреч советской и югославской сторон, эти претензии были сокращены до территории площадью в 210 кв. км в районе Бляйбурга и Лавамюнда²⁰.

На Лондонской сессии заместителей министров иностранных дел в ноябре 1947 г. советская делегация вновь стала настаивать на рассмотрении югославского вопроса. Западные страны расценили поддержку Советским Союзом югославских требований как преднамеренное действие с целью затягивания подписания соглашения, тем более что к этому времени советская сторона пошла на некоторые уступки по проблеме немецкой собственности. Возможно, истинная причина советской по-

¹⁷ Ibid. S.63.

¹⁸ Ibid. S.64.

¹⁹ Ibid. S. 67.

²⁰ Ibid.

зиции не имела прямого отношения к Югославии. Дело в том, что в апреле 1948 г., непосредственно перед тем, как переговоры заместителей министров потерпели неудачу, Австрия стала членом Организации Европейского Экономического Сотрудничества (ОЕЭС), созданной для реализации «плана Маршалла». Некоторые аналитики утверждали, что Советский Союз хотел заключить государственное соглашение с Австрией в 1948 г., чтобы предупредить участие Австрии в американском плане²¹. Расчёты СССР привели к точно противоположному результату: репарационные платежи по соглашению ещё больше разорили бы и без того обедневшую Австрию и увеличили её потребность в западной помощи. Действительно, приток американских денег по программе восстановления, который стал происходить только после того, как дальнейшие переговоры по австрийскому соглашению были отложены, убедил советских лидеров, что участие независимой, объединенной Австрии в плане Маршалла гарантирует полную интеграцию Австрии в экономическую систему Запада, так же как политическую и военную.

По мнению исследователя А. Кронин, для Сталина ситуация с Австрией была особенно щепетильной, так как это была единственная страна, частично занятая Советским Союзом, которая участвовала в плане Маршалла²². Демократическая Австрия, получающая американские деньги, оказывала плохое влияние на новых советских сателлитов – Венгрию и Чехословакию, не говоря уже о влиянии на «непослушную» Югославию. Следовательно, Сталин использовал югославскую проблему преднамеренно, чтобы задержать подписание договора с Австрией.

Ещё одной проблемой, тормозившей подписание договора, был вопрос о немецкой собственности. Немецкая собственность затрагивала интересы в первую очередь Советского Союза, который настаивал, несмотря на признание Австрии не воюющей, а освобождённой от нацизма страной, на ответственности Австрии в войне на стороне Германии. Под «немецкой собственностью» американцы и британцы понимали «военную добычу», более полного определения так и не было дано. На Потсдамской

²¹ Bader W. Austria between East and West, 1945–1955. Stanford, 1966. P. 194–195.

²² Cronin A. Great Power Politics and the Struggle over Austria, 1945–1955. L., 1986. P. 53.

конференции 1945 г. Советский Союз отказался от претензий на германское золото, захваченное союзниками, и от германского имущества, находящегося в их зонах оккупации. В то же время он предлагал признать за Советским Союзом право на германское имущество, находящееся восточнее линии, отделяющей западные зоны от восточных.

Существенное различие между американским и советским толкованиями понятия «немецкая собственность» состояло, по мнению австрийского исследователя О. Кламбауэра, в признании или непризнании возможности принудительной передачи собственности: США хотели исключить передачу собственности в принудительном порядке²³.

Действительно, различное понимание в отношении определения немецкой собственности явилось выражением противоположных интересов между оккупационными властями. В возрастающей мере в решениях по экономической политике направление указывали США; не в последнюю очередь также потому, что США единственными были в состоянии оказывать широкомасштабную экономическую помощь. Первая международная программа помощи – Помощь Администрации Организации Объединенных Наций по экономическому восстановлению – была предложена США. Однако после окончания этой программы США не стали придерживаться международного принципа оказания помощи, а ограничились национальными программами. Этот переход США к двусторонним программам помощи, вероятно, был связан с недостаточной возможностью влиять на политику ООН²⁴. Как справедливо отмечает австрийский исследователь А. Айнвитшлагер, такое американское поведение было вызвано большим влиянием в ООН СССР и восточно-европейских стран, которые были членами этой организации²⁵.

27 июня 1946 г. главнокомандующий советскими оккупационными войсками в Австрии генерал-полковник Курасов издал приказ, согласно которому все немецкие активы в советской оккупационной зоне Австрии, за исключением нефтепромышленности и Дунайского судоходства, оставались под советским

²³ Klambauer O. Die USIA-Betriebe: Phil. Diss. Wien, 1978. S. 192.

²⁴ Интервью с В.Л. Стеерманом, 25 февраля 1983 г. // Einwitschläger A. Amerikanische Wirtschaftspolitik in Österreich 1945–1949. Wien, 1986. S. 43.

²⁵ Einwitschläger A. Op. cit. S. 43.

контролем²⁶. О. Кламбауэр называет приказ, с одной стороны, независимым действием Советского Союза, с другой стороны, реакцией Советского Союза на политику западных союзников и австрийского правительства²⁷. Летом 1946 г. Советский Союз отказался от британского определения немецкой собственности всеми 4 оккупационными властями и настаивал на двусторонних переговорах с австрийским правительством²⁸.

США решили провести переговоры с правительствами других союзников и австрийским правительством, в результате которых хотели отказаться от претензий на немецкую собственность. США объявили о своей готовности передать немецкую собственность в американской зоне австрийскому правительству «как опекуну». Австрия должна была дать гарантию, что эти предприятия будут использоваться в целях восстановления общего хозяйства. Вопрос собственности должен был решаться позднее²⁹.

Вопрос немецкой собственности обсуждался также на совещании в Вашингтоне в сентябре 1946 г. США вновь сообщили о своём отказе от претензий на немецкую собственность, за исключением Дунайского судоходства в Западной Австрии и доверенных нефтяных интересов США в Восточной Австрии. Взамен на это США предлагали отказаться от прежних возражений по двусторонним переговорам между австрийским правительством и правительством СССР; отложить проблему немецкой собственности до подписания соглашения с Австрией; предложить СССР новое решение, основанное на справедливости, а не на прошлых интерпретациях Потсдамского соглашения³⁰. В ходе обсуждения было установлено, что цель США – создание экономически и политически независимой Австрии – должна быть достигнута. Однако шаги по экономической реконструкции Австрии «должны быть предприняты сейчас, а не после урегулирования австрийского международного статуса»³¹. Таким образом, уже к осени 1946 г. для США на первый план выходит экономи-

²⁶ Klambauer O. Op. cit. S. 249.

²⁷ Ibid.

²⁸ FRUS. 1946. Vol. V. P. 369.

²⁹ Einwitschläger A. Op. cit. S. 44.

³⁰ FRUS. 1946. Vol. V. P. 370.

³¹ Ibid. P. 343

ческая политика, а уже потом подписание государственного договора с Австрией.

Наиболее остро вопрос о немецкой собственности стоял на московских совещаниях союзников в марте – апреле 1947 г. Расхождения во мнениях вокруг немецкой собственности касались преимущественно 3 комплексов вопросов. Первое и, пожалуй, основное разногласие касалось определения немецкой собственности. В первую очередь, речь шла о том, какие имущественные ценности Австрии отошли в 1938–1945 гг. к Германии и поэтому не могли передаваться союзникам, в частности, Советскому Союзу, как немецкое возмещение. Западные державы понимали под германской собственностью в Австрии всё то, что Германия имела на территории Австрии до 1938 г., что она покупала у Австрии за определённую плату уже после вторжения. Советская точка зрения состояла в том, что они имеют право брать всё, чем владели немцы в Восточной Австрии к концу войны, независимо от того, была ли эта собственность куплена или нет, и если нельзя доказать, что эта собственность была присвоена немцами³².

Известно, что нацисты присваивали себе большое количество австрийской собственности, главным образом собственность евреев, заставляя иногда владельца какого-либо предприятия продать последнее за незначительную цену. Советская сторона считала, что, поскольку владелец такого предприятия получил какое-либо вознаграждение, торг этот следует считать легальным, а собственность следует считать немецкой. Французы, англичане и американцы не соглашались с этим³³.

Ещё одно разногласие касалось национализации австрийских предприятий. Американцы и французы предлагали принять временный запрет на национализацию тех немецких имущественных ценностей, которые должны были перейти в собственность союзников, в частности СССР. Австрийский закон о национализации (1946 г.) распространялся на многочисленные предприятия, которые Советский Союз требовал в качестве немецкой собственности. Советская сторона не хотела подвергаться в будущем национализации присвоенных ценностей; однако

³² Бюллетень Отдела информации и обучения войск штаба американских войск в Австрии «Почему мы находимся в Австрии?» (перевод на русс. яз.) // РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 128. Д. 508. Л. 100.

³³ Там же.

она избегала слова «национализация» и требовала временного запрета «реквизиции, конфискации или вообще экспроприации» бывших немецких имущественных ценностей, которые перешли бы в собственность союзников, если только государство-собственник не дало бы на то своего согласия³⁴.

В ходе визита в Москву госсекретарь США Дж. Маршалл отметил, что вопрос о немецкой собственности является ключевым в обсуждении договора по Австрии и в случае его нерешённости следует обратиться за помощью к Генеральной Ассамблеи ООН³⁵, в которой западные державы располагали большинством голосов.

Советский министр иностранных дел Молотов ответил, что советские требования к немецким активам были определены в соответствии с соглашениями, достигнутыми в Потсдаме. Эти требования могли, конечно, быть улажены между великими державами, подобно советским требованиям для Румынии, Венгрии, Болгарии, и Финляндии, которые закончились подписанием мирных договоров с этими государствами. Молотов настаивал на том, что нет необходимости обращаться к Организации Объединённых Наций; вместо этого он предложил передать нерешённые статьи в договорную комиссию, которая собралась бы на закрытых сессиях в Вене. Одоблив это предложение, другие министры иностранных дел согласились³⁶.

Австрийская договорная комиссия, о которой союзники договорились на конференции в Москве, встречалась в Вене 84 раза в последующие пять месяцев и изучила больше 70 различных предложений³⁷. В течение всего периода советские делегаты придерживались своих требований относительно немецкой собственности в Австрии, а американские и британские делегаты отказывались идти на уступки. Повестка дня австрийской договорной комиссии была сведена к дотошной экспертизе пунктов разногласий по экономическим вопросам. Комиссия не смогла решить ни одного из них и официально закончила свои заседания 11 октября 1947 г.

³⁴ Stourzh G. Op. cit. S. 100.

³⁵ См.: Cronin A. Op. cit. P. 49.

³⁶ Молотов В.М. Вопросы внешней политики, речи и заявления (апрель 1945 – июнь 1948 гг.) М., 1949. С. 491–492.

³⁷ Cronin A. Op. cit. P. 49.

В ноябре 1947 г. заместители министров иностранных дел собирались в Лондоне на пятой сессии Совета министров иностранных дел. Нерешённым вопросом опять являлась проблема немецкой собственности. Продвижение по нему было невозможно до тех пор, пока представители точно не определили то, о чем они договариваются. Так, например, в первые дни Лондонских встреч министров иностранных дел Молотов сделал якобы щедрое предложение принять на 10 процентов меньше от того количества, которое он требовал первоначально³⁸. Но вычислить 10 процентов от неизвестной суммы было невозможно. Тогда западные союзники пытались прийти к соглашению по вопросу выдачи СССР общей суммы, чтобы закупить всю советскую собственность в Австрии, исключая Цистерсдорфские нефтяные промыслы и Дунайское пароходное общество, по которым будет принято специальное решение. Французы выдвинули предложение, которое они выдвигали перед австрийской договорной комиссией несколькими месяцами ранее о том, чтобы не спорить по определению термина, а перечислить, какие именно австрийские ресурсы требуются Советскому Союзу. Немецкая собственность в Австрии должна была делиться на две группы: нефтяные ресурсы и средства их транспортировки, от производства которых Советский Союз получил бы процент, во-вторых, другую немецкую собственность в Восточной Австрии, из которой советское правительство получит оплату основной суммы от австрийского правительства. По предложению Франции Советскому Союзу предоставлялась половина производства нефти Австрии, одна треть прав исследований в области нефтяной разведки, а также иностранная собственность Дунайского пароходства. Это предложение стало известно как «план Шери», по имени генерала Шери, французского представителя в Австрийской договорной комиссии³⁹.

Однако советский министр иностранных дел Молотов отказался считать предложение Франции основанием для переговоров. Госсекретарь Маршалл осудил советскую позицию и спросил Молотова, как он предлагает урегулировать разногласия между позициями СССР и США. Молотов еще раз повторил, что настаивает на урегулировании советских требований по немец-

кой собственности в Австрии в соответствии с Потсдамским соглашением⁴⁰.

Признавая, что конференция министров иностранных дел зашла в тупик по австрийскому соглашению, Дж. Маршалл предложил отложить заседание Совета до 15 декабря 1947 г. Британский министр иностранных дел Бевин поддержал его, добавив, что работу по австрийскому соглашению можно было бы снова передать заместителям; его поддержали без возражений⁴¹. Конференция была прервана без очевидного продвижения к соглашению.

Таким образом, проблема подписания государственного договора с Австрией была движущей силой в оформлении политики США в отношении Австрии, решение которой было связано с различными подходами стран-союзниц, прежде всего США и СССР, к послевоенному урегулированию. Провал многосторонних переговоров по государственному договору с Австрией убедил США в выборе иной стратегии в решении австрийского вопроса: не навязывать условия Австрии, как это делал Советский Союз, а заняться восстановлением австрийской экономики и обеспечением австрийской безопасности с целью создать благоприятное мнение о себе среди австрийцев, которые в итоге должны были сами выбрать западный путь развития.

³⁸ Ibid. P. 58.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid. P. 59.

Н.С. Малышева
США и идея «Соединенных Штатов Европы»
в 1948–1949 гг.

После победы над нацистской Германией США проявили заинтересованность в скорейшем экономическом восстановлении Европы. Первоначально с этой целью был предложен «план Маршалла», который также расценивался некоторыми представителями американской администрации как начальный этап последующей интеграции европейских стран. Объединение Европы считалось необходимым условием достижения не только экономической, но и политической стабилизации в регионе.

Большое значение в выработке внешней политики США, в том числе в ее европейском направлении, имели взгляды Д. Ачесона, первого заместителя госсекретаря США в 1945–1947 гг., который в связи с частым отсутствием Дж. Бирнса и Дж. Маршалла руководил работой госдепартамента. Так, в марте 1948 г. Д. Ачесон заявлял: «В годы кризиса и слабости США должны оставаться в Европе. В этом отношении наше присутствие в Германии расценивается как щит, под прикрытием которого восстановится здоровье свободной Европы. После этого сообщество шестнадцати наций (участвующих в программе экономического восстановления – Н.М.) неизбежно перерастет в более тесный союз или ассоциацию»¹.

Ачесон считал необходимым создание экономического объединения европейских стран. В январе 1948 г., выступая в комитете иностранных дел британской палаты общин, Ачесон отметил, что Европа обладает «человеческими и материальными ресурсами, которые при надлежащем использовании обеспечат ей силу и стабильность. Однако опыт показывает нам и нашим европейским друзьям, что для надлежащего использования необходим союз»².

Д. Ачесон полагал, что успех «плана Маршалла» будет стимулировать интеграционные инициативы Европы. Главную роль он отводил Великобритании. Д. Ачесон вообще придержи-

вался, по собственному признанию, «пробританских взглядов» и полагал, что США в союзе с Великобританией должны решать важнейшие европейские проблемы. Однако к 1949 г. стало очевидно, что ситуация в Европе не дает оснований рассчитывать на скорое создание европейского союза, так как Великобритания не желает взять на себя роль лидера. Стремясь восстановить свой статус великой державы, Великобритания избегала членства в любых организациях с наднациональными органами, а также использовала свое политическое влияние с тем, чтобы вопрос об учреждении наднациональных институтов не поднимался в недавно образованных европейских организациях ОЕЭС, Совете Европы. В то же время, Британия не поддерживала идею оформления континентального (то есть, без ее участия) европейского союза, так как он мог подорвать ее позиции в Европе.

7 июля 1949 г. группа аналитиков отдела планирования политики госдепартамента США, возглавляемого Дж. Кеннаном, представила руководству документ, оценивающий перспективы создания в ближайшие пять лет западноевропейского политического союза, в том числе перспективы участия в нем Великобритании; роль Германии в этом союзе; статус объединенной Европы как «третьей силы» между двумя сверхдержавами. Кеннан считал, что разделение Германии и всей Европы в целом является временным явлением. Поэтому уже сейчас необходимо принимать определенные шаги по созданию европейского союза. Великобритания, по его мнению, должна воздержаться от вступления в какой-либо европейский союз, так как ее особая позиция будет препятствовать интеграционному процессу³. Ключевым звеном интеграции должно стать сближение Франции и Германии. Таким образом, Кеннан предлагал провести европейскую интеграцию в два этапа. На первом этапе должны были сформироваться союз западноевропейских стран под защитой НАТО. На втором, – в отдаленном будущем, предусматривалось участие стран Восточной Европы и Великобритании.

Предложение Кеннана встретило возражения и в самом госдепартаменте. Так, Ч. Болен (в будущем американский советник-посланник во Франции) считал, что объединение Европы невозможно без участия Великобритании и что без британской поддержки Франция скорее предпочтет занять «нейтральную»

¹ Acheson D. Philadelphia Speech, March, 10, 1948 // Foreign Relations of the United States (FRUS). 1948. Western Europe. Vol. 3. Wash., 1974. P. 403.

² Memorandum of Conversation, by the Under Secretary of State (Lovett) // FRUS. 1948. Vol. 3. Wash., 1974. P. 12.

³ Kennan G.F. Memoirs 1925–1950. Boston, 1967. P. 452.

позицию в отношении европейской интеграции. Кеннан возражал, что Великобритания слишком слаба в экономическом и военном отношении и не может поддерживать баланс в Европе, следовательно, эту роль должны взять на себя США. В то же время Франция может сыграть важную роль в решении «германского вопроса», или, выражаясь словами Кеннана, «сделать из германцев европейцев»⁴.

Эти предложения были подвергнуты критике, как со стороны Франции, так и со стороны Великобритании. Франции представлялась неприемлемой ситуация, при которой она бы осталась один на один с Германией. Британское правительство оценило рассуждения Кеннана как абсолютно не соответствующие их представлениям о роли Великобритании как лидера Европы. Тем не менее, Д. Ачесон в целом одобрил схему европейской интеграции, разработанную Дж. Кеннаном, так как считал необходимым учитывать интересы Великобритании, ее «особую позицию» по вопросу о европейской интеграции и не оказывать давление на британское правительство.

Однако осенью 1949 г. после создания двух германских государств рельефно обозначилась задача интеграции ФРГ в европейскую экономическую и политическую системы. На выборах победил Христианский демократический союз, и первым канцлером ФРГ был избран Конрад Аденауэр. Канцлер заявил о своем намерении сотрудничать с западными союзниками и нормализовать отношения с Францией. Аденауэр не исключал возможности присоединения ФРГ к таким международным организациям, как Совет Европы, МВФ и ГАТТ. В сентябре 1949 г. К. Аденауэр обратился к союзникам с просьбой пересмотреть свою прежнюю политику по демонтажу тяжелой промышленности Западной Германии.

Несмотря на демонстрируемую Аденауэром готовность к самому широкому сотрудничеству, американская администрация неоднозначно оценивало его приход к власти. В частности, Дж. Кеннан не был уверен в том, что Германия состоится как демократическая республика. Теперь, когда ФРГ имеет собственное правительство, полагал он, республика может переоценить свое значение в системе международных отношений и по-

⁴ Bohlen to Kennan, October 6, 1949 // FRUS, 1949. Western Europe. Vol. 4. Wash., 1975. P. 430.

пытаться проводить с трудом прогнозируемую внешнюю политику. Единственный способ сдержать германские амбиции – это направить их на создание объединенной Европы. Генри Бироуд, ответственный в Госдепартаменте за связи с Германией, рекомендовал Д. Ачесону пойти навстречу просьбе ФРГ, поскольку необходимо поощрять демократическое правительство, предупреждая тем самым его поворот в сторону России.

Мнение Д. Ачесона не расходилось с мнениями его коллег. Создание ГДР побудило госсекретаря к активным действиям, поскольку он считал, что СССР будет пытаться оказывать влияние на новое правительство ФРГ, для того чтобы увести молодое государство от задачи политической и экономической интеграции в Западную Европу. Именно сейчас, полагал он, настало время поддержать таких немецких политиков, как Аденауэр, выражающий готовность к образованию «новой» Европы, элементом которой станет демократическая ФРГ. Кроме того, то обстоятельство, что США в 1949 г. лишились монополии на атомное оружие, могло, по мнению американских политиков, вызвать кризис доверия Европы к США.

Возникает вопрос, какими средствами администрация Трумэна пыталась воздействовать на европейские страны. Очевидно, что политическое давление было нежелательным. К примеру, Дж. Кеннан рекомендовал по возможности меньше вмешиваться во внутренние дела стран, получающих помощь в рамках «плана Маршалла». Правительство США опасалось сложностей, а то и невозможности сформировать некое интеграционное объединение в Европе. «Принудительная» интеграция попросту не заработала бы и даже стала бы контрпродуктивной, создав благоприятную почву для коммунистической пропаганды. Таким образом, идея интеграции, если она вообще может быть реализована, должна была зародиться в странах Европы. Все, чем Америка может здесь поспособствовать, это – «дружеская поддержка или совет»⁵.

Осознание этого обстоятельства заставило Ачесона постепенно переосмыслить роль Франции в Европе. Он взял за основу идею французского политика Ж. Монне об учреждении континентального союза с наднациональными органами, в котором бы

⁵ The Secretary of State to the Embassy in Belgium, January, 10, 1948 // FRUS. 1948. Vol. 3. P. 3.

Великобритания не принимала участия, а главная роль принадлежала бы Франции. В частности, госдепартамент признавал, что планы восстановления Германии должны быть реализованы таким образом, чтобы не задеть интересов ее соседей и соответствовать планам европейской интеграции в целом⁶.

Решение Д. Ачесона возложить ответственность за интеграцию Европы на Францию вызвало дебаты в госдепартаменте. Многие эксперты по европейским проблемам, такие как Дж. Макклой, Брюс, Л. Дуглас, оспаривали идею создания Европейского союза без участия в нем Великобритании. Такое объединение, по их мнению, являлось бы слишком слабым для того, чтобы контролировать Германию. Тем не менее, Д. Ачесон начал переговоры с Р. Шуманом, стремясь подтолкнуть Францию к активным действиям и убедить его предоставить Аденауэру большую свободу в проведении внутренней политики. 24 октября Ачесон заявил, что у него «нет ни малейшего желания смотреть на то, как из-за противодействия Великобритании не предпринимается никаких шагов на пути к европейской интеграции. Франция, и только Франция может возглавить интегрирование Западной Германии в Западную Европу»⁷.

Спустя неделю, 30 октября 1949 г., Ачесон послал письмо Р. Шуману, в котором высказал опасения по поводу возможного появления в ФРГ экстремистских течений, как это было в 1920-х гг. Госсекретарь еще раз подчеркнул, что необходимо воспользоваться нахождением К. Аденауэра на посту канцлера ФРГ для пресечения этой возможности. Одновременно Д. Ачесон убеждал французского министра иностранных дел Р. Шумана, что наиболее подходящим в этой ситуации кажется лидерство Франции, так как США не могут взять на себя главенствующую роль по причине их удаленности от европейского континента. «Ни одна страна не имеет такого печального опыта общения с Германией, как Франция», – писал он. «Ей пора взять на себя инициативу, для того чтобы интегрировать Германию в Западную Европу»⁸. Для того, чтобы Париж не воспринял это ут-

⁶ Hogan, Michael J. *The Marshall Plan: America, Britain, & the Reconstruction of Western Europe, 1947–1952*. Cambridge, 1989. P. 42.

⁷ *The Secretary of State to the Embassy in the United Kingdom*, London, October 24, 1949 // FRUS. 1949. Vol. 3. P. 345.

⁸ Acheson to Schuman, October 30, 1949 // *Ibid.* P. 352.

верждение как отказ США от участия в делах Франции, госсекретарь уточнил, что американская политика заключается в более тесном взаимодействии в рамках Североатлантического альянса. Тем самым Д. Ачесон предлагал гарантии обеспечения безопасности Франции в обмен на ее роль инициатора европейской интеграции.

Ачесону удалось убедить Р. Шумана. На встрече с ним и министром иностранных дел Великобритании Э. Бевином в Париже в ноябре 1949 г. во время обсуждения проблемы дальнейшего демонтажа промышленности ФРГ, Д. Ачесон поднял вопрос об интеграции Западной Германии в Европу и не встретил возражений. Итогом встречи стало подписание 22 ноября Петербургского протокола, урегулировавшего вопрос демонтажа немецких заводов в пользу Германии. Петербургские соглашения положили начало международному признанию ФРГ. Западная Германия получала право состоять в консульских отношениях с западными державами и вступать в международные организации.

13 ноября состоялась личная встреча Ачесона с канцлером Аденауэром в Бонне. Встреча имела большое значение для установления более тесных связей между администрацией Г. Трумэна и правительством ФРГ. По признанию Ачесона, на него произвели впечатление «прозападный» настрой Аденауэра, его хитрость и самообладание⁹. Если до этой встречи Ачесон был убежден в необходимости объединения Европы, то теперь он испытывал доверие лично к Аденауэру.

Обсуждая с лидерами европейских стран перспективу интеграции, Д. Ачесон не имел четкого представления о форме и функциях будущего объединения. В целом Ачесон, как указывает американский автор Дж. Харпер, скептически относился к идее «Соединенных Штатов Европы». Конечной целью этого плана он видел не единую европейскую сверхдержаву, которая была бы способна бросить вызов Соединенным Штатам, а некую мировую федерацию, ключевыми компонентами которой были бы Америка и Европа. В любом случае, Ачесон полагал, что форму союза Европа должна выбирать сама¹⁰.

⁹ Acheson D. *Present at the Creation. My Years in the State Department*. N.Y., 1969. P. 219.

¹⁰ Harper J.L. *American Visions of Europe*. Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean G. Acheson. Cambridge, 1997. P. 219.

Стремление Д. Ачесона ускорить создание союза европейских стран подкреплялось опасениями возможной политической и экономической дестабилизации в Европе в начале 1950 г. Эти опасения были характерны для многих членов американской администрации. Ч. Болен уподоблял Европу «пациенту, о котором можно сказать, что теперь он не умрет, но который проявляет склонности к возрождению вредных привычек»¹¹.

В этих обстоятельствах предложение Франции обсудить создание Европейское объединение угля и стали пришлось как нельзя кстати. 9 мая 1950 г. Р. Шуман выступил с идеей частичного слияния экономик Германии и Франции. Угольная и сталелитейная промышленности обеих стран должны были перейти под контроль некоего наднационального органа. Главной целью предложения Шумана было не заключение сделки в угольной и сталелитейной промышленности, а завершение многолетней вражды между Францией и Германией и предупреждение возможной войны в будущем. К участию в этой организации были приглашены все желающие европейские страны. Полагая, что Франция, неожиданно продемонстрировав политическую самостоятельность, в состоянии продолжить эту линию, Ачесон счел, что, скорее всего, дальнейшего вмешательства США можно будет избежать. Госсекретарь начал убеждать европейские страны, и в первую очередь Францию, разрабатывать текст договора самостоятельно. Тем не менее, в дальнейшем в ходе франко-германских переговоров вмешательство Госдепартамента вновь стало необходимым.

Какую роль сыграли США в возникновении европейской интеграции? По нашему мнению, довольно значимую роль. Америка являлась «верховным арбитром» во многих европейских делах, особенно в главном послевоенном вопросе – германском вопросе. Политика США в отношении объединения Европы пережила переломный момент в сентябре–октябре 1949 г. Соединенные Штаты стали придерживаться мнения, что лучше иметь дело с небольшой, но сплоченной европейской организацией, способной «сдерживать» Германию. Продвижение таких инициатив, как «план Маршалла», а затем и Европейское объединение угля и стали, дало возможность сблизиться Франции и Германии.

¹¹ Bohlen to Acheson, February 11 // FRUS. 1950. Western Europe. Vol. 3. Wash., 1976. P. 83.

А.М. Бетмакаев **Вальтер Ульбрихт в системе власти в ГДР** **(1949–1973 гг.)**

На встрече в Москве с восточногерманскими руководителями в апреле 1952 г. Сталин спросил у председателя Совета Министров ГДР О. Гротеволья, чем занимается один из его заместителей В. Ульбрихт. Гротеволь сказал, что Ульбрихт отвечает за многие вопросы в правительстве, в том числе по делам молодежи и спорта, вообще он работает как связной между правительством и партией¹. Исходя из этой оценки, Ульбрихт занимал в системе власти в ГДР хотя и важное, но, кажется, не ключевое положение – странное описание роли политического деятеля, с именем которого связана одна из двух «эпох» в истории восточногерманского режима.

В действительности Вальтер Ульбрихт занимал высшие должности в правящей Социалистической Единой партии Германии (СЕПГ) и государственные посты. Он был в 1950–1953 гг. генеральным секретарем и в 1953–1971 гг. первым секретарем ЦК СЕПГ. В 1949–1955 гг. он был заместителем, в 1955–1960 гг. – первым заместителем председателя совета министров ГДР. Он также занимал пост председателя Национального совета обороны в 1960–1971 гг. Наконец, он был в 1960–1973 гг. председателем Государственного совета ГДР.

Актуальным представляется нам анализ эволюции места Ульбрихта в иерархии власти. Эта политическая фигура привлекательна тем, что в его «эпоху» были установлены «правила игры» для статусной эволюции в руководстве ГДР. В данной статье мы попытаемся выявить мотивы, факторы и фазы изменения статуса Ульбрихта.

«Немецкий Ленин», как иронически называли Ульбрихта, в 1949–1973 гг. достиг двух статусов в руководстве СЕПГ и ГДР. Условному статусу «руководителя партии» соответствовали должности генерального, затем первого секретаря ЦК СЕПГ. Условному статусу «руководителя государства» соответствовал пост председателя Государственного совета ГДР.

¹ Запись встречи руководителей СЕПГ со Сталиным, 1 апреля 1952 г. // Uprising in East Germany, 1953 / comp., ed. and int. by Ch. Ostermann. N.Y., 2001. P. 29.

На первый взгляд, изменения в статусном положении Ульбрихта происходили в направлении от «руководителя партии» к «руководителю государства». Однако двухстатусная схема обедняет картину трансформации позиций Ульбрихта в иерархии власти. Следует учитывать, что статус Ульбрихта определялся не только «внутренним фактором» (борьба за власть внутри восточногерманского руководства), но и «внешним фактором» (развитие отношений между СЕПГ и ВКП (б)/КПСС, между ГДР и СССР, между Ульбрихтом и Сталиным/Хрущевым/Брежневым).

К моменту учреждения ГДР в октябре 1949 г. процесс преобразования СЕПГ в «партию нового типа» (по примеру советской компартии) еще не завершился². Хотя организационная структура партии во многом копировала ВКП (б), поскольку включала политбюро, в ней отсутствовал пост генерального секретаря. Ульбрихт являлся заместителем 2-х сопредседателей СЕПГ Вильгельма Пика и Отто Гротеволья и руководил текущей работой партии, возглавляя «малый секретариат» политбюро. Фактически Ульбрихт исполнял обязанности руководителя центрального партийного аппарата и был, по меткому выражению его биографа Н. Подэвина, «генеральным секретарем до востребования» (*Generalsekretär auf Abruf*)³. «Малый секретариат» превратился в секретариат Центрального комитета, который впервые был избран на III съезде СЕПГ в июле 1950 г., как и его генсек Ульбрихт. Фактическое значение ЦК, который заменил Центральное Правление, в иерархии власти было скромным. ЦК «узаконивал» решения политбюро и секретариата, который осуществлял «ежедневное оперативное руководство деятельностью партии». Отныне генеральный секретарь ЦК Ульбрихт не только определял повестку дня заседания политбюро, но и готовил проекты документов⁴. СЕПГ строилась на принципах «демократического централизма», подразумевавших назначение партийных руководителей всех уровней сверху.

² См. подробнее: Malycha A. Partei von Stalins Gnaden? Die Entwicklung der SED zur Partei neuen Typs in den Jahren 1946 bis 1950. В., 1996.

³ Podewin N. Walter Ulbricht. Ein neue Biographie. В., 1995. S. 250.

⁴ См.: Ammer T. Die Machthierarchie der SED // Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland» (12. Wahlperiode des Deutschen Bundestages). Bd. II/2. Bonn, 1994. S. 826–840.

Ульбрихт располагал значительным потенциалом для дальнейшего статусного роста, контролируя работу партийного аппарата и, в значительной степени, межпартийные связи с Москвой. Находясь в тени президента ГДР Пика и премьер-министра Гротеволья, он мог определять направления внутренней политики ГДР. Показательно, что на III съезде СЕПГ в июле 1952 г. доклад о первом пятилетнем народнохозяйственном плане был сделан Ульбрихтом. Гротеволь же доложил съезду о новых инициативах ГДР по германскому вопросу.

Первый пятилетний план можно считать попыткой Ульбрихта получить согласие СССР на «строительство социализма» в ГДР. Но, как показано в работах А. Филитова, А. Ватлина и др., советское руководство избегало открыто говорить об этом⁵. Москва хотела сохранить за собой свободу рук в германском вопросе. Когда же «мирная нота» Сталина (март 1952 г.) была отклонена западными державами, политбюро ЦК КПСС поддержало идею Ульбрихта «построить социализм».

Советская поддержка значительно повысила статус Ульбрихта в глазах партийных функционеров, поскольку он выступал в роли организатора «строительства социализма». Но одновременно для самого Ульбрихта возросли риски: неудача «строительства» вела бы к тому, что его обвинили бы в провале курса партии.

После смерти Сталина и отказа нового советского руководства от «строительства социализма» в ГДР позиции Ульбрихта оказались заметно ослаблены. Инициированный Москвой «новый курс» руководства ГДР и волнения рабочих в июне 1953 г., казалось, вели к отстранению от власти Ульбрихта. Большинство членов политбюро считало Ульбрихта виновным в возникновении общественно-политического кризиса. Но «антиульбрихтовский бунт» провалился. Ульбрихт добился исключения из партии своих противников, которые рассчитывали на поддержку Л. Берии, арестованного в СССР⁶.

⁵ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX в. М., 2002; Филитов А.М. Советский Союз и германский вопрос в период позднего сталинизма (К вопросу о генезисе «сталинской ноты 10 марта 1952 г.») // Сталин и холодная война. М., 1997.

⁶ См.: Бетмакаев А.М. Конфликты в руководстве ГДР в «эпоху Ульбрихта» (1949–1971 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2006. № 4. Барнаул, 2006. С. 54–55.

Первый секретарь ЦК СЕПГ Ульбрихт получил поддержку нового советского руководителя Н.С. Хрущева. Более того, советское руководство отказалось от прямой опеки ГДР. Советская Контрольная комиссия была упразднена, дипломатические миссии двух стран были преобразованы в посольства, СССР заявил о признании полного суверенитета ГДР и подписал договор о взаимных отношениях. ГДР обрела почти все формальные признаки суверенного государства.

Позиции Ульбрихта продолжали укрепляться и внутри правительства, и внутри руководства СЕПГ. В ноябре 1955 г. была проведена реорганизация правительства и введена новая должность первого заместителя председателя Совета министров Германской Демократической Республики, которым стал В. Ульбрихт. Так он приблизился к главе правительства Гротеволью, который препятствовал реализации проекта Ульбрихта по созданию новой конституции, которая предполагала введение «коллективного руководства» вместо поста президента ГДР. По данным немецкого историка Н. Подевина, Гротеволь, оценив конституционный проект как углубление раскола Германии, получил поддержку в Москве и сумел свернуть его подготовку⁷.

Весной 1956 г. началась десталинизация, вызванная XX съездом КПСС. Первый секретарь ЦК СЕПГ Ульбрихт не только сам возглавил движение за преодоление последствий «культ личности» Сталина, но и борьбу против «ревизионизма». К «ревизионистам» были отнесены несколько секретарей ЦК СЕПГ и министров, которые критиковали Ульбрихта за отказ провести в ГДР последовательную десталинизацию. Они были отправлены в отставку при невмешательстве Москвы во внутривластную борьбу⁸. Таким образом, Ульбрихт не только подтвердил свой статус «руководителя партии», но и получил свободу рук при осуществлении кадровых решений.

Рост самостоятельности «режима СЕПГ» в отношениях с Советским Союзом стимулировал Ульбрихта к достижению статуса «руководителя государства». Ульбрихтовское стремление

⁷ Podewin N. Op. cit. S. 302–303.

⁸ См. подробнее: Бетмакаев А.М. В. Ульбрихт и десталинизация в ГДР (1956–1958 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2004. №4. Барнаул, 2004. С. 30–35. См. также: <http://tbs.asu.ru/news/2004/4/hist/06.ru.html>.

нашло отражение в официальной пропаганде. Как отмечает известный немецкий историк Р. Грис, пропаганда создавала образ «нового государственного деятеля» (*der neue Staatsmann*): Вальтер Ульбрихт предстал в качестве крупного руководителя рабочего класса и государственным деятелем нового типа⁹.

В ходе второго Берлинского кризиса 1958–1961 гг. Ульбрихт, как руководитель государства, стремился получить международное признание ГДР, и, по нашему мнению, посредством этого признания – подтверждение своего статуса «главы государства». В 1960 г. он «узаконил» этот статус в иерархии власти. Ульбрихт возглавил вновь созданный Национальный совет обороны, а 12 сентября 1960 г. стал председателем Государственного совета ГДР – формально высшего органа власти, созданного после смерти президента Пика.

Государственный совет являлся постоянно действующим органом Народной палаты. Госсовет имел право регулировать все принципиальные вопросы посредством указов. На первый взгляд, «декоративного» президента ГДР сменил «декоративный» Государственный совет, поскольку представительные органы власти в ГДР не обладали реальной властью. Но председатель совета Ульбрихт не являлся формальным «руководителем государства». Опираясь на полномочия первого секретаря ЦК СЕПГ, он принимал государственные решения без участия политбюро. Немецкий историк Г. Бруннер справедливо полагает, что Госсовет был инструментом личной власти партийного лидера¹⁰.

Наиболее важным решением Ульбрихта на посту председателя Госсовета стало строительство в августе 1961 г. Берлинской стены. Помимо других последствий, стена гарантировала Ульбрихту статус главы суверенного государства¹¹.

Официально Ульбрихт назывался «Председателем Государственного Совета ГДР и Первым секретарем ЦК СЕПГ». Но

⁹ Gries R. «Walter Ulbricht – das sind wir alle!» Inszenierungsstrategien einer charismatischen Kommunikation // Charismatische Führer der deutschen Nation / hrsg. von F. Möller. München, 2004. S. 202–203.

¹⁰ См.: Brunner G. Staatsapparat und Parteiherrschaft in der DDR // Materialien der Enquete-Kommission, Bd. II/2. S. 1006–1007.

¹¹ См. подробнее: Бетмакаев А.М. На пути к восточногерманской идентичности: В. Ульбрихт и отношения между ГДР и СССР в 1949–1964 гг. // Американские исследования в Сибири. Вып. 7. Томск, 2003. С. 189–207. См. также: <http://hist.asu.ru/aes/gdr/btmkv.htm>.

как «руководитель государства и партии» Ульбрихт не смог одновременно усидеть на двух стульях. Он все больше концентрировался на стратегии развития ГДР, что, по мнению немецкого историка М. Франка, соответствовало его представлениям о роли «государя» (Landesvater)¹². «Отец страны», если буквально переводить термин Франка, мог позволить себе выйти за рамки поддержки только номенклатуры из центрального аппарата СЕПГ и все больше опирался на «технократов», например, на Эриха Апеля, председателя Государственной плановой комиссии. Апель отвечал за реализацию проекта «новой экономической системы»¹³.

Ульбрихт передал организацию текущей работы в секретариате ЦК в руки второго секретаря Эриха Хонеккера. Ульбрихт не принимал больше участия в заседаниях секретариата и только подписывал протоколы, представленные ему Хонеккером. И в этом «разделении труда», точнее, в постепенной утрате контроля над партийным аппаратом таилась угроза статусу Ульбрихта. Исподволь Хонеккер готовился бросить вызов власти первого секретаря.

Опасность для Ульбрихта резко возросла после отстранения Хрущева от власти в СССР в октябре 1964 г. Новое советское руководство поддержало претензии Хонеккера на власть в СЕПГ. На пленуме ЦК в декабре 1965 г. сторонники Хонеккера выступили против НЭС¹⁴. Но второй секретарь избегал открытого столкновения с Ульбрихтом. Ему нужно было время, чтобы заручиться поддержкой первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Только в сентябре 1969 г. Хонеккер решился открыто выступить против Ульбрихта, который заявил о необходимости германо-германского диалога. Хонеккер искусно поддерживал подозрения СССР относительно претензий Ульбрихта на суверенный статус ГДР, что советское руководство считало недопустимым. Поэтому Ульбрихту не удалось, как в случае с оппозицией 50-х гг., расправиться с «группой Хонеккера».

¹² См.: Frank M. Walter Ulbricht. Eine deutsche Biographie. B., 2001. S. 322, 354, 414.

¹³ См.: Fulbrook M. Anatomy of a Dictatorship. Inside the GDR 1949–1989. Oxford, 1995. P. 36.

¹⁴ См. подробнее: Бетмакаев А.М. В. Ульбрихт и экономическая политика в ГДР (1949–1971 гг.) // Власть, политика, идеология в истории Европы. Барнаул, 2005. С. 126–139.

1 июля 1970 г. решением политбюро Хонеккер был снят с поста второго секретаря ЦК без консультаций с советскими товарищами. Эта инициатива Ульбрихта, которая продемонстрировала его власть, одновременно являлась самым серьезным испытанием его статуса. Ульбрихт, казалось, хотел получить ответ на вопрос, сохранил ли он самостоятельность при решении кадровых вопросов в политбюро - самостоятельность, которую он достиг во времена Хрущева. Ответ был отрицательным: после обращения Хонеккера за помощью к советскому руководству Москва вынудила Ульбрихта восстановить status quo¹⁵.

Ульбрихт на практике столкнулся с применением политики «ограниченного суверенитета», оформленной в «доктрине Брежнева». Раздраженный этим Ульбрихт заявил Брежневу в августе 1970 г.: «Мы не являемся Белоруссией, мы не являемся советской республикой»¹⁶. Тем самым Ульбрихт хотел подчеркнуть и статус главы суверенного государства, и статус руководителя самостоятельной компартии.

Косвенно этот вывод подтверждают притязания Ульбрихта на роль теоретика марксизма-ленинизма. Ульбрихт оценивал общественно-политическую систему ГДР как «социализм в современной, индустриально высокоразвитой стране», что означало заявку на восточногерманскую модель «развитого социализма». Этим он бросал вызов руководству КПСС. В Москве «теория Ульбрихта» могла быть интерпретирована как оспаривание руководящей роли КПСС по отношению к СЕПГ и как требование равноправия в отношениях между ГДР и СССР.

Конечно, Ульбрихт был также раздосадован потерей советской поддержки, которая теперь явно оказывалась Хонеккеру. Однако осторожный Брежнев неоднократно отклонял просьбу Хонеккера дать согласие на отставку Ульбрихта под предлогом того, что фактическая власть в руководстве СЕПГ уже перешла к Хонеккеру. Вероятно, среди причин заинтересованности Брежнева в сохранении «двоевластия» в восточногерманском руководстве можно назвать нежелание Москвы поддержать «самостоя-

¹⁵ См.: Kaiser M. Machtwechsel von Ulbricht zu Honecker: Funktionsmechanismen der SED-Diktatur in Konfliktsituationen 1962 bis 1972. B., 1997. S. 372–374.

¹⁶ Цит. по: Winkler H.A. Der Lange Weg nach Westen. München, 2000. S. 293.

тельность» Хонеккера, который инициировал вопрос об отставке Ульбрихта¹⁷.

В апреле 1971 г. Ульбрихт дал Брежневу согласие уйти с поста первого секретаря, сохранив за собой должность председателя Госсовета и заняв созданный для него «неуставной» пост почетного председателя СЕПГ. Так Ульбрихт пытался удержать остатки своего влияния в партии, но все попытки были тщетными.

3 мая 1971 г. Хонеккер был избран первым секретарем ЦК, а 24 июня Ульбрихт уступил ему место председателя Национального совета обороны. Но Ульбрихт продолжал бороться за влияние на процесс принятия решений как «почетный руководитель партии». До своей смерти Ульбрихт был «почетным» руководителем партии и государства, поскольку власть в СЕПГ и ГДР была сосредоточена в руках нового первого секретаря ЦК Хонеккера. Старый и больной Ульбрихт был отстранен от процесса принятия партийно-государственных решений. Председатель Госсовета не имел реальной власти, поскольку «почетный председатель СЕПГ» не контролировал аппарат правящей партии – ядро системы власти в ГДР. Он стал «не-личностью» (die Unperson), как заметил его биограф Н. Подэвин¹⁸.

В эволюции места и роли Ульбрихта в системе СЕПГ мы можем выделить 6 фаз: 1) формализация статуса руководителя «партии нового типа» (1949–1953 гг.); 2) борьба с оппозицией и упрочение позиции «руководителя партии» (1953–1958 гг.); 3) легитимация статуса «руководителя государства» (1958–1960 гг.); 4) кульминация статусной эволюции: «руководитель государства и партии» (1960–1965 гг.); 5) эрозия статуса «руководителя партии» (1965–1971 гг.); 6) утрата властных функций: «имитация руководства» (1971–1973 гг.).

Статусная эволюция Ульбрихта продемонстрировала, что статус «руководителя СЕПГ» был выше статуса «руководителя государства». Сам Ульбрихт никогда не сомневался в этом: этот

принцип проистекал из природы «диктатуры СЕПГ». В конституции ГДР 1968 г. было закреплено право СЕПГ на руководящую роль в стране.

Ульбрихт был начисто лишен харизмы и не преуспел в ее создании. Однако, замечает британская исследовательница М. Фулбрук, исправлением дефицита искреннего народного энтузиазма в отношении лидера «режима СЕПГ» было существование высоко организованного, исправно функционирующего аппарата власти и контроля¹⁹.

Помимо внутривластных были и внешнеполитические мотивы для статусной эволюции Ульбрихта. Он стремился не только установить личный контроль над государственным аппаратом, но и узаконить существование ГДР как суверенного государства, прежде всего, в отношениях с Советским Союзом.

Статус руководителя суверенного государства мог гарантировать Ульбрихту невмешательство советской стороны в борьбу внутри восточногерманского руководства, в которой, в случае нейтралитета Москвы, Ульбрихт как «руководитель партии» всегда имел бы преимущество.

Ульбрихт не смог ограничить ключевое значение «советского фактора» в смене элит в Восточной Германии, поскольку политически и экономически ГДР зависела от СССР. Благодаря советской поддержке партийный бюрократ Ульбрихт достиг вершин партийной и государственной власти в ГДР. После смерти Сталина ему удалось добиться большей «самостоятельности» в отношениях с Советским Союзом. Но окончательное превращение Ульбрихта в главу суверенного государства было ограничено жесткими рамками советских интересов.

¹⁷ См. подробнее: Бетмакаев А.М. Хонеккер против Ульбрихта. Борьба за власть в руководстве ГДР в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2005. № 4. Барнаул, 2005. С. 12–16. См. также: <http://tbs.asu.ru/news/2005/4/hist/06.ru.html>.

¹⁸ Podewin N. Op. cit. S. 473.

¹⁹ Fulbrook M. Op. cit. P. 286.

Л.В. Монина

Проблема войны и мира в работах Р. Арона

Раймон Арон (1905–1983 гг.) относится к числу наиболее ярких и глубоких мыслителей XX в. Широко известны в мире его работы, в которых автор предстаёт как философ, социолог, политолог, историк, теоретик международных отношений, хотя сам Арон скромно называл себя журналистом¹. Он действительно долгие годы работал политическим обозревателем газеты «Фигаро».

Одним из важнейших сюжетов его работ с самого начала творческой деятельности стала проблема войны и мира в XX в. Впервые Арон обратился к данной проблеме ещё в 1933 г., когда опубликовал статью под названием «Размышления о всеобъемлющем пацифизме». В ней французский исследователь делает попытку дифференцировать пацифистское движение и определить различия между разными видами пацифизма: пацифизмом верующего, пацифизмом философа и пацифизмом революционера. Рассуждая по этому вопросу, Арон делает интересные замечания о невозможности выявить виновника войны. «Кто же, – пишет Арон, – в джунглях международных конфликтов может решить, не рискуя ошибиться, что одна сторона виновата, а другая права, и что война с какой-то стороны носит оборонительный характер? Такая оценка не под силу никому, тем более что в конечном итоге каждая война может быть истолкована как оборонительная»².

¹ На русский язык переведены следующие работы Арона: Этапы развития социологической мысли. М., 1993; Демократия и тоталитаризм. М., 1993; Мир и война между народами. М., 2000; Мемуары. М., 2002; Эссе о свободах. М., 2005.

Различные стороны творчества Арона нашли отражение в работах отечественных исследователей, см. например: Тюлин И.Г. Внешнеполитическая мысль современной Франции. М., 1988; Сагарев В.Б. Тема международных отношений во французской политической философии // Философские основания теории международных отношений. Вып.2. М., 1988; Цыганков П.А. Раймон Арон о политической науке и социологии международных отношений // Социально-политические науки. 1991. №5; Осипов Г.В. История социологии в Западной Европе и США (Глава 16 «Социологическая концепция Р.Арона»). М., 2001; Дериглазова Л. Парадокс асимметрии в международном конфликте // Международные процессы. 2005. № 3(9), сентябрь-декабрь; Бардаков А.И. Власть в формах самоорганизации, управления и самоуправления. Автореф. дисс... докт. полит. наук. Волгоград, 2006.

² Арон Р. Мемуары. М., 2002. С. 68.

Постоянный интерес к международной проблематике Арон стал проявлять после Второй мировой войны, особенно в 1950-е – начале 1960-х гг. В 1951 г. Арон издаёт работу «Цепные войны», в которой делает попытку «философски обобщить» историю первой половины XX столетия, в первую очередь, центральных событий этого периода – двух мировых войн. Сравнивая войны, Арон делает попытку определить их общие черты. В чём видит их французский исследователь? Обе войны носили тотальный характер, обе привели к уничтожению побеждённого и возникновению новой карты мира. Новизна состояла в том, что после Первой мировой войны система европейских государств была поколеблена, а Вторая мировая война окончательно лишила Европу превосходства. На первый план выходят два государства периферии – СССР и США, оба – государства-победители, столкновение между которыми становится неизбежным, поскольку, объясняет Арон, во всякой двухполюсной системе ведущие игроки, неспособные властвовать совместно, обречены на состязание, и всякий успех одного видится другим как опасность. Советский Союз и Соединенные Штаты не могут господствовать вместе ввиду несовместимости их институтов и принципов легитимности³. Арон, таким образом, одним из первых констатировал рождение двухполюсной (биполярной) международной системы и определил характер отношений между двумя центрами силы.

Обращаясь к выявлению причин мировых войн, Арон заявляет о своём неприятии «монистических» теорий, к которым он в первую очередь относит марксистско-ленинскую теорию. По мнению исследователя, любые исторические события, в том числе войны, не являются жёстко детерминированными; он настаивал на многовариантности исторического развития, поэтому в «Цепных войнах» автор обращал особое внимание на те моменты, когда «судьба пребывала в нерешительности, когда обозначались совершенно иные направления развития»⁴.

В 1950-е гг. Арон написал ряд статей, в которых рассматривал вопросы теории методологии изучения международных отношений. В них автор в качестве исходного пункта для исследования войн предлагает следующее определение этого феномена: война есть вооружённый конфликт между двумя независи-

³ Там же. С. 322–323.

⁴ Там же. С. 325.

мыми политическими единицами, посредством вооружённых сил, организованных в стремлении проводить племенную или национальную политику; она представляет собой специфический феномен, обнаруживающийся во всех цивилизациях, который принимает различные, но всегда узнаваемые формы⁵.

В 1962 г. Арон издаёт свой основной труд, посвящённый международным отношениям, «*Paix et Guerre entre les Nations*» (в России работа издана в 2000 г. под названием «Мир и война между народами»). В Европе книга Арона вызвала большой интерес. Европейские специалисты высоко оценили этот фундаментальный труд, называли его «суммой знаний», неким «монументом» или, по крайней мере, систематизированным анализом не всех, но многих проблем и аспектов международных отношений. Работа Арона – одно из немногих сочинений неамериканских авторов, которое получило широкую известность в США, хотя в рецензиях американских специалистов содержались и критические замечания. Некоторые из них писали, например, о постигшей Арона неудаче в попытке создания теории международных отношений. Американские модернисты (сторонники «научных» методов исследований международных проблем) критиковали Арона за его приверженность традиционализму и т.д. Сам Раймон Арон в статьях 1950-х гг. и в «*Войне и мире...*» позиционировал себя как представителя исторической социологии.

Известно, что социология во Франции в первой половине XX в. превратилась в наиболее успешно развивающуюся научную дисциплину, которая оказала влияние на все гуманитарные науки – историю, демографию, психологию и т.д., а также на находившуюся в процессе становления науку международных отношений. Арон стоял у истоков французской социологической школы исследований международных отношений.

На страницах своих работ Р. Арон неоднократно обращается к вопросу о содержании понятия «историческая социология», выделяет различные аспекты социологического подхода к международным отношениям. Его рассуждения можно свести к трём основным положениям.

1. Если историк исследует частные случаи, которые он изучает во всех деталях, то социолог, анализируя факты, ищет повторяемость и, как следствие, стремится обнаружить детер-

⁵ Там же. С. 327.

минанты и закономерности, формулирует обобщённые отношения. «Для того, чтобы социологическое исследование имело реальную ценность, – писал Арон, – указанные в нём детерминанты должны быть систематизированы»⁶.

2. Социология (историческая социология) исходит из реально существовавшего, от конкретных разновидностей тех или иных феноменов, например, войн.

3. Международная система представляет собой разновидность социальных систем, но от других систем она отличается тем, что: а) её единицами являются государства; б) в ней отсутствует высшая инстанция, осуществляющая контроль и регулирование⁷.

Таким образом, международные системы являются межгосударственным аспектом общества, которому принадлежат группы населения, находящиеся под различными суверенитетами⁸.

Отношения между государствами Арон сводит к двум состояниям – войны и мира. В мирный период государство использует дипломатию – искусство убеждать без использования силы, а в военное время – стратегию – искусство побеждать при наименьших потерях. Однако различия между дипломатией и стратегией, как отмечает Арон, относительно. По сути, этими терминами обозначают средства, используемые политикой для достижения целей, в основе которых лежат национальные интересы. Государства на международной арене представлены двумя персонажами – дипломата (посла) и солдата. Дипломат при исполнении своих функций представляет политическую единицу, от имени которой он говорит, а солдат на поле боя представляет собой политическую единицу, во имя которой он убивает себе подобного.

Одной из задач, которые Арон решает на страницах своей работы, является типологизация мирного состояния и войн. При определении типов мира исследователь обращается к истории. В прошлом он видит три типа мира: равновесие, гегемония, империя. Критерием этой классификации является могущество. Могущество Арон трактует как способность одних государств (политических сообществ) воздействовать на другие, возможность и способность диктовать свою волю другим. Поэтому мир, осно-

⁶ Он же. Мир и война между народами. М., 2000. С. 238.

⁷ Он же. Мемуары ... С. 495.

⁸ Он же. Мир ... С. 158.

ванный на равновесии, гегемонии или империи – это мир, основанный на могуществе. Каковы характерные черты предложенных Аронем типов мирного состояния?

Мир равновесия предполагает, что в определённый исторический период силы государств могут быть взаимно сбалансированы, и поэтому одни политические сообщества не позволяют другим диктовать свою волю.

Мир империи означает превосходство сил одного политического сообщества до такой степени, что другие теряют свою автономию (суверенитет). Но тогда имперский мир не будет отличаться от гражданского? Такое определение, по мнению Арона, можно будет принять только в том случае, если исходить из абстрактных схем. Но построение абстрактных схем не является задачей социолога, имеющего дело с конкретными разновидностями явлений. Арон приводит два исторических примера: Германская империя после 1871 г. и держава Александра Македонского. В первом случае, пишет Арон, имперский мир действительно очень скоро превратился во внутренний мир. А вот греческие города в империи Александра Македонского не потеряли полностью свою автономию. Следовательно, в одних случаях имперский мир может перерасти в гражданский мир, в других – нет, всё зависит от конкретных обстоятельств.

Мир гегемонии держится на бесспорном превосходстве какого-либо политического сообщества. Другие, более слабые, государства не в состоянии изменить существующее положение, но и государство-гегемон не стремится поглотить слабые сообщества, оно уважает внешние формы независимости государств. В качестве примера Арон приводит взаимоотношения североамериканских государств, а именно: США, Канады, Мексики⁹.

Обращает на себя внимание то, что ни один из типов мира у Арона не носит глобального характера, это – региональный мир.

Мир, установившийся после Второй мировой войны, – особый тип мира. Для французского исследователя важнейшим фактором, отразившимся на характере мирного состояния, явилось изобретение ядерного оружия. Отныне каждое политическое сообщество, обладающее таким оружием, способно нанести другому смертельные удары. Причём, как считает Арон, количество ядерного оружия не имеет значения, поскольку даже

⁹ Там же. С. 207–209.

малым его количеством государство способно нанести противнику огромный ущерб, уничтожить миллионы жизней. Другими словами, в атомной войне победителей не будет.

В таком мире фактор могущества перестаёт быть определяющим, поскольку исчезает неравенство между соперниками. Послевоенный мир Арон называет миром, основанным на страхе или на бессилии¹⁰. Насколько прочен мир на основе страха? В какой степени стабильно «равновесие страха»? Арон полагает, что стабильность нарушает «гонка изобретений», в которой участвуют СССР и США, стремление той и другой стороны усовершенствовать ядерное оружие с тем, чтобы получить преимущества в случае вооруженного конфликта.

Характеризуя современное ему состояние мира, Арон обозначает ещё одну проблему, актуальную и для наших дней – расползание атомного оружия по планете. Он показывает выгодность для «малых» стран приобретения собственного ядерного оружия, поскольку оно обеспечивает им большую свободу действий, исключает необходимость подчиняться более сильному государству, так как и самое сильное вряд ли воспользуется своей силой. Поэтому тактика «вызова» («Ты не посмеешь меня принудить») стала обычным делом в международных отношениях¹¹. Хорошо это или плохо? Арон не даёт прямого ответа, он ограничивается констатацией новых черт в развитии послевоенной системы международных отношений и поясняет логику поведения малых государств в ядерную эпоху.

Существует ещё один тип мира, ростки которого Арон замечает в Западной Европе – это мир, основанный на удовлетворении. В таком мире все государства удовлетворены своим статусом, не стремятся его изменить, поэтому отказываются от соперничества. Такой мир, хотя Арон не использует этого термина, можно назвать миром сотрудничества. Важным признаком мира, основанного на удовлетворении, Арон называет всеобщее взаимное доверие.

Возможно ли превращение мира, основанного на удовлетворении, во всеобщий мир? Каков путь к такому миру? По мнению Арона, этот тип мира в глобальном масштабе может быть установлен двумя путями: а) путём создания всеобщей им-

¹⁰ Там же. С. 216.

¹¹ Там же. С. 108.

перии, то есть, путём преодоления «естественного состояния» международной системы; б) путём установления «господства закона», международного права. Но ни тот, ни другой способ достижения прочного мира или «эры безопасности» Арон не считает реально достижимым. Созданию «всеобщей империи» будут сопротивляться государства, для которых сохранение суверенитета является важнейшей составляющей национального интереса. Господство закона возможно лишь тогда, когда все государства возьмут обязательство подчиняться решениям того или иного арбитра или ассамблеи и каждое из них не будет сомневаться, что другое поступит так же. Таким образом, всеобщее государство или господство закона предполагает ликвидацию того, что всегда составляло суть международной политики: соперничество государств. Из этого с очевидностью следует вывод, что мир, основанный на удовлетворении, может иметь только региональный характер.

Классификацию мирных состояний исследователь дополняет классификацией войн. Всё их многообразие он сводит к трём типам.

1. Межгосударственные – войны, которые ведут политические единицы, признающие само существование и легитимность других.

2. Имперские, когда одно из государств международной системы учреждает намеренно или по воле обстоятельств свою гегемонию или империю, одержав победу над соперником.

3. Субгосударственные или субимперские – внутригосударственные гражданские войны¹².

Для Арона как исследователя международных отношений особый интерес представляет первый тип войн, особенно межгосударственные войны XX в. Наряду с ограниченными войнами, первая половина столетия принесла новую разновидность – тотальные войны, которые Арон называет цепными и гиперболическими. После тотальных войн первой половины XX в., по мнению Арона, вновь открылась эпоха ограниченных войн. Чем он объясняет этот возврат? Изобретением ядерного оружия, его страшной разрушительной силой. Безусловно, осознание исходящей от ядерного оружия опасности, по мнению Арона, должно повлиять на поведение политических лидеров и политиче-

¹² Там же. С. 210–211.

ских сообществ. Да, войны ведутся людьми, а не механизмами, «но и механизмы, когда они – водородные бомбы – должны повлиять на разум людей»¹³.

В этом высказывании содержится интересная мысль об обратном влиянии вооружений (не столько количества, сколько качества военной техники) на политику. В первой половине XX в. усовершенствование вооружений сделало войны более масштабными и разрушительными. Но ядерное оружие, с точки зрения здравого смысла, вообще исключает гиперболическую (тотальную) войну, хотя угроза её возникновения существует. Предотвращение такой войны, как отмечает Арон, становится для всех государств такой же насущной целью, как и защита национальных интересов. Выживание государств в ядерную эпоху стало зависеть от их совместных усилий, следовательно, внешняя политика государств должна быть ориентирована не только на обеспечение национальной, но и международной безопасности.

Таким образом, богатый исторический материал, которым оперирует исследователь, в сочетании с социологическим подходом позволил Арону внести значительный вклад в развитие теории международных отношений. Выделенные им тенденции в развитии международной жизни позволяют объяснить многие явления прошлого и настоящего, поэтому работы Арона вызывают неизменный интерес у исследователей.

¹³ Он же. Мемуары. ... С. 494.

Сведения об авторах

Аршинцева Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, профессор кафедры ВИМО Алтайского государственного университета

Бетмакаев Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры ВИМО Алтайского государственного университета

Глушков Анатолий Ефимович, кандидат исторических наук, профессор кафедры ВИМО Алтайского государственного университета

Исакова Снежанна Николаевна, инженер кафедры ВИМО Алтайского государственного университета

Козулин Вячеслав Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры ВИМО Алтайского государственного университета

Кацаева Мирра Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры религиоведения и теологии Алтайского государственного университета

Курныкин Олег Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры ВИМО Алтайского государственного университета

Мальшева Нина Сергеевна, ассистент кафедры ВИМО Алтайского государственного университета

Монина Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры ВИМО Алтайского государственного университета

Рубцов Павел Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры ВИМО Алтайского государственного университета

Сахурия Ильяна Дмитриевна, аспирант кафедры ВИМО Алтайского государственного университета

Сковородников Александр Васильевич, аспирант кафедры ВИМО Алтайского государственного университета

Серов Вадим Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры ВИМО Алтайского государственного университета

Чернышов Юрий Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой ВИМО Алтайского государственного университета

Содержание

<i>Ю.Г. Чернышов</i> Памяти профессора Е.П. Глушанина	3
<i>Список основных публикаций Е.П. Глушанина</i>	7
<i>М.В. Кацаева</i> Эволюция этических представлений о роли и специфике войны в библейскую эпоху	11
<i>И.Д. Сахурия</i> Военная организация и милитаризованность спартанского государства в оценке Платона	15
<i>В.Н. Козулин</i> Особенности отношения к войнам и «антиимпериализм» Помпея Трога	24
<i>П.В. Рубцов</i> Представления о легитимности императорской власти в IV в.	35
<i>В.В. Серов</i> К вопросу о причинах и обстоятельствах византийского завоевания Испании в VI в.	44
<i>О.Ю. Курныкин</i> Русско-турецкие войны XVIII – начала XX в. и российские мусульмане	55
<i>О.А. Аршинцева</i> Европейская политика Великобритании и принятие «плана Дауэса» в 1924 г.	67
А.Е. Глушков Гражданская война 1936–1939 гг. в Испании и её влияние на международные отношения в Европе	78
<i>А.В. Сковородников</i> Падение Югославии в апреле 1941 г. (внешнеполитический аспект)	93
<i>С.Н. Исакова</i> Проблема заключения государственного договора с Австрией во внешней политике США в 1945–1947 гг.	104
<i>Н.С. Мальшева</i> США и идея «Соединенных Штатов Европы» в 1948–1949 гг.	117
<i>А.М. Бетмакаев</i> Вальтер Ульбрихт в системе власти в ГДР (1949–1973 гг.)	124
<i>Л.В. Монина</i> Проблема войны и мира в работах Р. Арона	133
Сведения об авторах	141

Научное издание

**ВОЙНА И МИР
В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ**

*Сборник научных статей
памяти профессора Е.П. Глушанина*

Публикуется в авторской редакции

Подготовка оригинал-макета
и оформление обложки – А.М. Бетмакаев

Издательская лицензия
ЛР 020261 от 14.01.1997 г.
Подписано в печать 30.03.2007. Формат 60x90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать Riso. Усл. печ. л. 9,8.
Тираж 150 экз. Заказ 110.

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66